

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№2 (16) 2009

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин А. А. - кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Л. А. - доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов О. В. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Е. Н. - кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г.Челябинск, пр.Победы, 162-в, к.107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Формат 60x84 1/16.

Бумага ВХИ 80 гр.

Объем 12,4 усл.п.л.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьева О. В.** Метафорическое моделирование «чужих»
в контркультурной рок-лирике США 7
- Мигранова Л. Ш.** Концептуальная метафора «любовь-страсть»
в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстого 20

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Алекберова И. Э.** Функциональная специфика языка в теории
речевых актов 32
- Бондаренко Е. В.** Метод нарративного анализа в исследовании
межкультурных браков с позиций коммуникации 37
- Гвоздева А. В.** К вопросу о лингвокультурном типаже 45
- Декатова К. И.** Методические основы построения когнитивно-
семиологической модели смысловой структуры знаков
косвенно-производной номинации (на материале именных
знаков косвенно-производной номинации современного
русского языка) 52
- Деулина Е. Н.** Категории национального коммуникативного
сознания и их роль в эффективном межкультурном
взаимодействии 62
- Кушнерук С. П.** Единицы документных текстов (к проблеме
креолизации специальной коммуникации) 69
- Марфунцева О. Н.** Прецедентные высказывания, паремии
и фразеологизмы в трактовке челябинских студентов 77
- Мусина Л. Р.** Знание прецедентных имен как показатель уровня
лингвокультурной грамотности абитуриентов 83
- Сидоренко А. В.** Пресуппозиция и имплицитные смыслы
высказывания 88
- Сиривля М. А.** Прагмалингвистический аспект семантики
текста 93
- Скуратовская Я. Л.** Лингвокультурная грамотность как основа
коммуникативной компетенции 100
- Шестеркина Н. В.** Номинация 'печь' как один из репрезентантов
концепта 'огонь': на материале русских загадок 104

Шулейко Я. А. О проекте словаря поликультурной грамотности жителей г. Костаная 112

Щеглова И. В. Понятийная сторона типажа «Российский чиновник» 117

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Атьман О. В. Риторические особенности президентского дискурса США 127

Булычева С. Ф. Перевод политического текста в аспекте межкультурной коммуникации 136

Кузнецова Ю. Е. Общие представления о взаимодействии языка и политики 142

ЯЗЫК СМИ

Малетина О.А., Волкова Э.Р., Князева Е.А. Медиаобраз современной России в американских печатных СМИ 147

Могилевская О. А. Коммуникативные стратегии «создание круга своих», «создание круга чужих»: сопоставительный аспект (на материале СМИ США и России) 155

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Савельева У. А. Архетипическое единство «предательство-верность» в авторских метафорах (на материале русского и английского языков) 169

Сакаева Л. Р. Отражение антропоцентризма в адъективных ФЕ русского, английского, татарского и таджикского языков 176

Федюченко Л. Г. Сложность текста – переводческая категория текста 182

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Жунич И. И. К вопросу об использовании аспекта мультикультуризма в обучении иностранному языку в туристском вузе 187

Свиридова И. В. Поиск новых способов обучения лексике иностранного языка в неязыковом вузе 192

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Grigoryeva O.V. Metaphorical modeling of “other” in US countercultural rock-lyrics	7
Migranova L.S. Conceptual metaphor “love-passion” in the novel “Anna Karenina” by Leo Tolstoy	20

LANGUAGE STUDIES

Alekberova I.E. Functional peculiarities of language in the theory of speech acts	32
Bondarenko E.V. Method of narrative analyses within the study of intercultural communication	37
Gvozdeva A.V. To the question of linguistic cultural type	45
Dekatova K.I. Methodic basis for formation of cognitive-semiological modeling of sense structuring of secondary marks in secondary nomination (based on nominative marks of secondary nomination in contemporary Russian language)	52
Deulina E. N. The categories of national communicative consciousness and their role in effective inter-cultural interaction	62
Kushneruk S.P. Document units (to the problem of creolization of special communication)	69
Marfuntseva O.N. Precedent phrases, and phraseological units in the speech of Chelyabinsk students	77
Musina L.R. Knowledge of precedent names as a mark of level of linguistic cul-tural literacy of school leavers	82
Sidorenko A.V. Presupposition and implicit senses of a phrase	88
Sirivlya M.A. Pragmalinguistic aspect of the semantics of the text	92
Skuratovskaya Y.L. Linguistic cultural literacy as the basis of communicative competence	100
Shesterkina N.V. Notion “oven” as a representation of concept “fire”: based on Russian riddles	104
Shuleyko Y. About the project of a dictionary of multicultural literacy of settlers in Kostonay	112
Sheglova I.V. Understanding of the type “Russian official”	117

LANGUAGE OF POLITICS

Atman O.V. Rhetorical characteristics of US presidential discourse	127
Bulycheva S.F. Translation of a political text in the light of intercultural communication	136
Kuznetsova Y.E. Common ideas about interaction of language and politics	142

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Maletina O.A., Volkova E.R., Knyazeva E.A. Media image of contemporary Russia in American printed mass media	147
Mogilevskaya O.A. Communicative strategy “one of us circle”, “alien circle”: comparative aspect (based on materials of US and Russian mass media)	155

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Savelyava U.A. Archetypical unity «betrayal - faithfulness» in author’s metaphors (based on the Russian and the English languages)	169
Sakaeva L.R. The reflection of anthropocentrism on the adjective phraseological units of the Russian, English, Tatar and Tajik languages	176
Fedyuchenko L.G. Complexity of text as a translation category of text	182

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Zhunich I.I. To the question of usage of multicultural aspect in foreign language learning in a tourism university	187
Sviridova I.V. Search of new ways for teaching of a foreign language vocabulary in non-linguistic high school	192

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ «ЧУЖИХ» В КОНТРАКУЛЬТУРНОЙ РОК-ЛИРИКЕ США

О. В. Григорьева

Статья посвящена анализу доминирующих метафор, которые представляют “чужих” в контркультурной рок-лирике США. Описываются метафорические выражения и их семантические и прагматические компоненты.

Изучая индоевропейские языки, еще Э. Бенвенист отметил, что лексемы со значением «чужеземец» включали в себя коннотативные признаки «враг» [1]. Не удивительно, что попадая в поле оценочных смыслов, «чужое» чаще имеет отрицательные характеристики. Подтверждением данного тезиса служит заключение М. И. Пальчун: «противопоставление «мы-они» уходит своими корнями в особенности психики, негативно реагирующей на все незнакомое, чуждое» [2. С. 107]. Дж. Барбалет отмечает, что спектр эмоций, которые возникают при использовании дихотомии *с/ч*, включают отвращение, стыд, жажду мести и страх [6]. Представители школы аксиологической лингвистики заключают, что «свое» обычно признается нормой, и все «чужое» на обыденном уровне получает критическую оценку как странное, недостаточное, преувеличенное, опасное, смешное, уродливое и т.д. [3. С. 5]. Один из ярких исследователей образа врага В. Харле, проанализировав историю человеческих конфликтов с древнейших времен, делает вывод, что образы «своих» и «чужих» остаются неизменными в ходе человеческой истории: «мы – представляем борцов за Добро, они – Зло» [10. С. 187].

Оппозиция *с/ч* может существовать только при наличии обоих разделов: осознание себя возможно только при помощи контраста, дифференциации, ибо изначально «я непостижимо без кон-

цепции не-я». [7. С. 659]. Зачастую идентичность создается при помощи способа *ex negativo*, т.е. «свой» – это тот, кто не «чужой» [8. С. 292], т.о. проецируется «зеркальный» образ врага.

Среди основополагающих принципов создания образа врага фигурируют следующие: во-первых, враг должен вызывать чувство угрозы (он всегда виновен; идентифицируется с символами зла; все, что хорошо для него, плохо для нас; те, кто с ним, тоже наши враги) [12. С. 50-51]. Во-вторых, враг подвержен дегуманизации [11], т.е. лишен морального человеческого облика, в результате чего легитимируется безжалостное обращение с ним: «члены враждующих сообществ видят друг друга как бесчеловечных монстров с одной стороны, дьявольски сообразительных с другой» [9: 201]. Наконец, в создании образа врага уместна иронизация: враг должен казаться слабым и комичным для того, чтобы возможность победы над ним казалась реальной.

Образ врага можно также рассматривать в качестве социального конструкта с функциональной стороны: он служит для поддержки идентичности социальных субъектов (разделение на «своих» и «чужих»); для доказательства собственного превосходства (военного, нравственного, эстетического); уточнения символических границ в собственном социуме [5].

Согласно А. Филинскому, при реификации образа оппонента в политическом дискурсе, в основном, используют два типовых способа: элиминирования или диффундирования образа врага и непосредственной к нему адресации [4. С. 70]. Данная типология оптимальна для контркультурной рок-лирики США. Таким образом, ЧУЖАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ (ОНИ, ИХ МИР) в контркультурной рок-лирике США и СССР описывается через апелляцию к метафорически абстрактным «чужим» (24%), органам политического управления (26%), правоохраны правопорядка и вооруженным силам (19%), враждебным социальным классам и традиционным общественным ценностям (культуре отцов) (14%), средствам массовой информации (13%) и экономической системе, достижениям в области науки и технологий (4%).

Политическое управление. Американское правительство представлено при помощи актуализации и дальнейшего разверты-

вания конвенциональной метафоры дядя Сэм. Дядя – метафора, вошедшая в обиход с 1812 г., визуализирующая седовласого престарелого белого мужчину, имеющего сходство с президентами Авраамом Линкольном и Эндрю Джексонем, одетого в цилиндр и костюм, состоящий из элементов национального флага. Однако дядя Сэм в чужой действительности контркультурной рок-лирики – отнюдь не благочестивый старец и праведный защитник национальных интересов. Скорее, это несносный дядюшка, который отнимает у общества здоровье при помощи эксплуатации трудом, налогообложения, полностью контролирует жизнь и бесчестно уводит жен: *Red and White, Blue Suede Shoes / I'm Uncle Sam, How do you do? / Give me five, I'm still alive. / Ain't no luck, I've learned to duck. / Shine your shoes, Light the fuse. / Can you use, them old U.S. Blues? / I'll drink your health, share your wealth. / Run your life, steal your wife* (*U.S. Blues; Grateful Dead*). Уже упомянутая склонность дядюшки к сексуально развращенному поведению проиллюстрирована в отрывке, где осмыслиется военный призыв на службу в американскую армию на войну во Вьетнаме. Правительство (Дядя Сэм) представляется в качестве сутенера, который надеется получить контроль над обществом представителей древнейшей профессии: *Vietnam, what a sexy war / Uncle Sam's a pimp, wants us to be whores* (*Over and Over; MC5*). Нечестивое поведение дяди Сэма ставит под сомнение необходимость его участия в жизни страны: *The country needs a father / Not an uncle or big brother / Someone to keep the peace at home / If we can't get together / Look out for stormy weather / Don't make me pay for your mistakes / I have to pay my own* (*Move Over; Steppenwolf*). В приведенном отрывке в изображении власти участвует еще одна метафорическая номинация: Большой брат – образ, заимствованный из известного литературного произведения Дж. Оруэлла «1984», персонификация авторитарного режима. В книге Большой Брат представляет собой загадочного диктатора Океании, по своему физическому описанию напоминающего Адольфа Гитлера и британского полководца Лорда Китченера. Общество находится в полной власти правящей элиты «Партии», а каждый индивид находится под постоянным контролем, осуществляемом через телеэкраны.

Фраза “Big brother is watching you” (Большой брат следит за тобой) описывает систему тотального контроля и методов пропаганды. В нескольких странах существует Премия большого брата (Big Brother Awards), которая выдается политическим и частным организациям, действия которых наносят наибольший урон личному пространству. Благодаря метафорической персонификации Америки как ребенка, попавшего в руки дурных родственников, выражено и пожелание нового, мудрого и сильного правительства, представленного в качестве мудрого и надежного отца.

Американская внутренняя и внешняя политика США была встречена негодованием контркультуры. Довольно часто в текстах рок-лирики политики осмысляются как интеллектуально ограниченные люди: *Feel that our lives are in **the hands of fools**, / Loosin' their cool, it's us that they rule. / Too many people sittin' dead on their ass, / They ain't got no class, people, this time must pass (Creepin'; Grand Funk Railroad); I really don't care anymore / About all the Jim-Jim's in this town / And all the **politicians makin' crazy sounds** / And everybody puttin' everybody else down / And all the dead bodies piled up in mounds (Heroin; The Velvet Underground); The wars are long, the peace is frail, **the madmen come again**. / There is no freedom in a land where fear and hate prevail (The King Of Names; Peter, Paul and Mary); **The power crazy leaders who control your very fate / They would twist your will, steal your life and sell your soul away (Future Now; MC5)**. При помощи прецедентного сюжета безумие верховной власти остроумно подчеркнул Пит Сигер в своей песне, которую запретили цензурой на телевидении CBS. В композиции рассказывается об учебном патруле, шт. Луизиана, 1942 г., который попытается пересечь реку вброд, увяз в гиблом болоте в результате одержимого командования. Каждый куплет заканчивается строкой: «*the **damn fool** said to push on*». Капитан отдает приказы следовать дальше, до тех пор все не оказались по шею в трясине. Каждый шаг патруля в этой песне метафорически представляет, как Америка увязает в войне и политику эскалации президента Линдона Джонсона: *Well, I'm not going to point any moral; / I'll leave that for yourself / Maybe you're still walking, you're still talking / You'd like to keep your health. / But**

every time I read the papers / That old feeling comes on; / We're -
- waist deep in the Big Muddy / And **the big fool says to push on**
(*Waist in the Big Muddy; Pete Seeger*). Политики представляются
как избалованные и капризные дети, которые требуют дорогостоящих
и опасных игрушек: *Heed the threat and awesome power of
the mighty Pentagon / Which is wasting precious millions on **the toys
of Washington** (Draft Resister; Steppenwolf)*. Публичная речь поли-
тиков сравнивается с бессмысленной болтовней обезьян: *And if I
were a politician I could prove that **monkey talk** (Penthouse Pauper;
Creedence Clearwater Revival)*. Животные как объект ухода изобра-
жаются в песне группы Steppenwolf: *What gives you the right hey
you / To stand there and tell me what to do / Tell me who gave you
the power / To stop me from livin' like I do / Remember if you plan to
stay / Those who give can take away / **Don't bite the hand that feeds
you** (Power Play; Steppenwolf)*. При помощи образа животных (поли-
тиков), которых кормит человек (общество), выражен призыв
быть более благоразумным и не пытаться укусить того, кто удов-
летворяет первичные физические потребности.

Органы правозащиты, правопорядка и вооруженные силы.
Протест контркультуры базировался на отрицании внутренней
силовой политики США – действий полиции по подавлению сту-
денческих бунтов и других общественных митингов с невероятной
жестокостью, правосудия – в особенности, в южных штатах,
где закон зачастую исполнялся только в отношении светлокожего
населения, а также жестких наказаний за употребление наркоти-
ческих средств.

При осмыслении силовых столкновений между исполнителя-
ми власти и бунтарями из студенческих кампусов и профессора-
ми, оказывающими им поддержку, одной из наиболее сильных по
прагматическому воздействию является метафора со сферой-ис-
точником «Вторая мировая война». В знаменитом фильме об аме-
риканской контркультуре М. Антониони «Забриски Пойнт», глав-
ный герой замечает, что на улицах Америки творится настоящий
фашизм. В рок-лирике действия полиции также часто описыва-
ются как действия нацистов в Европе: *Take a day And walk around
/ Watch **the nazis Run your town** / Then go home And check yourself*

*/ You think we're singing 'bout someone else (Plastic People; Mothers of Invention). Полиция сравнивается с гангстерами, которые творят беспредел, и, вместо того, чтобы быть рукой закона, сами его нарушают: Farewell to **the gangsters** we don't need them anymore / We've got the police force, they're the ones **who break the law** (I Kill Therefore I Am; Phil Ochs). Полицейские часто сопоставляются с мальчишками-хулиганами. Всем непокорным, кто осмеливается проявить свободу слова, критиковать действия американского правительства, последнее посылает «мальчишек в синем», которые заставят замолчать бунтаря: You're free to speak your mind my friend / As long as you agree with me / Don't criticize the father land / Or those who shape your destiny / 'Cause if you do / You'll lose your job your mind and all the friends you knew / We'll send out all our **boys in blue** / They'll find a way to silence you (The Ostrich; Steppenwolf). Эти мальчишки жестоки и владеют опасными игрушками, которыми они играют в свою зверскую «войнушку»: We've got too much money we're **looking for toys** / **And guns will be guns and boys will be boys** / But we'll gladly pay for all we destroy / 'Cause we're the Cops of the World, boys (Cops of the World; Phil Ochs).*

Основным остается протест против внешней политики США, в особенности обострившийся во время военных действий во Вьетнаме. Война Америки представляется при помощи различных структурных частей метафор зрелищных видов представлений. В театре военных действий устроители войны, создавая смертоносное оружие, прячутся за своими стенами общественных институтов, столами клерков, пытаются скрыть свои лица за театральными масками: *Come you masters of war / You that build all the guns / You that build the death planes / You that build all the bombs / You that hide behind walls / You that hide behind desks / I just want you to know / I can see **through your masks** (Masters of War; Bob Dylan). Песня Фила Очса вызывает в памяти краткие телевизионные военные репортажи, передаваемые с мест ведения боевых действий во Вьетнаме по телевидению. Военные сравниваются с актерами, роль которых не оплачивается, а их игрой руководит сумасшедший режиссер: *Silent Soldiers on a silver screen / Framed**

in fantasies and dragged in dream / Unpaid actors of the mystery / The mad director knows that freedom will not make you free / And what's this got to do with me / I declare the war is over / It's over, it's over (The War is Over; Phil Ochs).

Культура отцов, Враждебные социальные классы, группы и субкультуры. Культура отцов в 1960-е перестала удовлетворять потребности молодого человека, и контркультура пыталась найти способ отказаться от институциональной религии и пуританской морали, этики труда, замещающей этику досуга, индивидуализма, как способа оградиться от ближнего и не сочувствовать его поражениям. Однако главный порок отцов заключался в зависимости от материальных благ и материальной культуры. Американский миф 1950-60-х базировался на тесной связи счастья и капитала. Стремительный рост социально-экономического сектора, который наблюдался благодаря удачной послевоенной политике, позволил сделать светлую американскую мечту явью: благополучие, процветание, покупка заветного дома на более чем щадящих ипотечных условиях. При помощи монархической метафоры средний класс представляется, затворившимся в прекрасном дворце, окружившим себя роскошью и богатством, но именно за пределами этого строения бурлит настоящая жизнь: *In a building of gold, with riches untold, / lived the families on which the country was founded. / And the merchants of style, with their red velvet smiles, / were there, for they also were hounded. / And the soft middle class crowded in to the last, / for the building was fully surrounded. / And the noise outside was the ringing of revolution (Ringing Of Revolution; Phil Ochs).* Человеку невозможно укрыться от навязчивой рекламы товаров широкого потребления даже в собственном доме, повсюду его окружают рекламные «восседающие на троне» рекламные щиты: *I'd like a one-way ticket home, ticket home / Where I can watch television, talk on the telephone / But every town I wander there's a billboard on a throne (One Way Ticket Home; Phil Ochs).* Враг контркультуры – одержимость консьюмингом – обыгрывается при помощи распространенных в 1960-х рекламных сюжетов: *Well, the funniest woman I ever seen / Was the great-granddaughter of Mr. Clean / She takes about fifteen baths a day / Wants me to grow a*

moustache on my face / (She's insane) (I Shall Be Free; Bob Dylan). Девушка помешана на чистоте, а ее безумие подчеркивается родственной связью с Мистером Клином (русский вариант «Мистер Пропер»), брэндом, принадлежащим компании Проктер & Гэмбл. Мистер Клин появился в 1958 г., а через шесть месяцев уже стал самой продаваемым товаром из домашней утвари. Навязчивая реклама наряду с технократической метафорой механизма стала центральным образом в песне Simon & Garfunkel, которая напоминает рекламный текст: *Do people have a tendency to dump on you? / Does your group have more cavities than theirs? / Do all the hippies seem to get the jump on you? / Do you sleep alone when others sleep in pairs? / Well there's no need to complain / We'll eliminate your pain / We can neutralize your brain / You'll feel just fine / Now / Buy a big bright green pleasure machine! / Do figures of authority just shoot you down? / Is life within the business world a drag? / Did your boss just mention that you'd better shop around / To find yourself a more productive bag? / Are you worried and distressed? / Can't seem to get no rest? / **Put our product to the test** / You'll feel just fine / Now / **Buy a big bright green pleasure machine!** / **You'd better hurry up and order one** / **Our limited supply is very nearly gone** / Do you nervously await the blows of cruel fate? / Do your checks bounce higher than a rubber ball? / Are you worried 'cause your girlfriend's just a little late? / Are you looking for a way to chuck it all? / We can end your daily strife / **At a reasonable price** / You've seen it **advertised in Life** / You'll feel just fine / Now / Buy a big bright green pleasure machine! (Big Bright Green Pleasure Machine; Simon and Garfunkel).* В песне метафорическая машина, приносящая удовольствие, спасает от любых проблем, с которыми человек сталкивается в реальности: боли, одиночества, унижений, расправ власти над гражданами, проблем в бизнесе, стрессов, разочарований в любви и многого другого. Однако «зеленая машина» отключит, нейтрализует мозг, унесет в мир электрических наслаждений, о реальной жизни можно будет забыть.

Средства Массовой Информации. Средства массовой информации обвинялись в манипуляции, предвзятости и лжи. Самой распространенной метафорой, характеризующей эту мишень,

являются метафоры кормления: *Breakfast where the news is read / Television children fed / Unborn living, living, dead / Bullet strikes the helmet's head (Unknown Soldier; The Doors)*. Вероятно, метафоры кормления зрителей и слушателей посредством лживой информации связаны с контркультурным неприятием к ТВ-ужину (TV dinner). «TV-dinner» называли замороженные полуфабрикаты, которые не требовали приготовления, упакованные в индивидуальные коробки. Название появилось в 1953 г. для C.A. Swanson & Sons (полностью TV Brand Frozen Dinner), на ранних упаковках полуфабрикатов было изображение телевизора. Продукция получила широкое распространение в 1950-е гг., после массового внедрения телекоммуникаций и оглушительного успеха телевидения в Америке, начинает формироваться привычка ужинать перед телевизором. Резко снижается ценность традиционного обеда в кругу семьи, все чаще ему предпочитается просмотр телевидения. Процесс поглощения информации сопровождался поглощением пищи: *Misinformation Sam and Joe / Are feeding to the nation / But the one who didn't count counted them out / By exposing all their false quotations / Faced by a very awkward situation / This is all he'd say to save the day (Don't Step On the Grass, Sam; Steppenwolf)*. Помимо представителя власти, речь в отрывке идет о знаменитом ведущем телевизионного ток-шоу Джо Пайне, который изобрел конфронтационный стиль ток-шоу, где гость, защищая свою точку зрения, должен отстаивать ее перед гостями и членами аудитории. Ведущий поддерживал войну во Вьетнаме, высмеивал хиппи, гомосексуалистов и феминисток, чем вызвал неприязнь бунтующей молодежи. В песне “*Don't Step On the Grass, Sam*” высказывается отношение музыкантов группы Steppenwolf к наделавшей немало шума совместной кампании правительства и средств массовой информации по борьбе с курением марихуаны. Марихуану обвиняли в том, что она вызывает зависимость, разрушает общество и является причиной всех невзгод: *Well it's evil, wicked, mean and nasty / (Don't step on the grass, Sam) / And it will ruin our fair country / (Don't be such an ass, Sam) / Well, it will hook your Sue and Johnny / (You're so full of bull, Sam) / All will pay that disagree with me / (Please give up you already lost the fight, alright)*

(Don't Step On the Grass, Sam; Steppenwolf). Телевиденье настолько мерзко и ненужно, что в следующем отрывке предлагается съесть и саму телевизионную антенну: *Well you can **cool** it / You can **heat** it / 'Cause, baby, I don't need it / Take you TV tube and **eat** it / And all that phony stuff on sports / And all the unconfirmed reports (Trouble Every Day; Mothers Of Invention)*.

Для контркультуры основным губительным для общества источником распространения консьюминга является телевидение. *Оппозиция телевидение / настоящая жизнь* представлена через другую более фундаментальную оппозицию *жизнь / смерть*: *How to acquire death in the morning show / **TV death** which the child absorbs / Deathwell mystery which makes me write / Slow train, the death of my cock gives life (Lament; The Doors)*. Используя множество остроумных аллюзий на телевизионные образы и стереотипные представления о телевизионном просмотре, Gil Scott-Heron иронично и устрашающе охарактеризовал телевидение как мертвый организм, противопоставляя его революции, обыгрывая многозначность прилагательного live («живой», а также «переданный прямой трансляцией»): *The revolution will not be televised, / will not be televised, / will not be televised, will not be televised. / The revolution will be no re-run brothers; / The revolution will be **live** (The Revolution Will Not Be Televised; Gil Scott-Heron)*.

Экономика, наука и техника. Одним из наиболее значимых врагов в контркультурной роке США является научно-технический прогресс и экономическое развитие. Отношения между человечеством и землей часто осмысляются в рамках отношений между насильником – мужчиной и хрупкой женщиной – его жертвой: *Hey, everybody won't you lend me your ear, / There's something to fear, it's here, and that's clear. / Men gettin' rich off **rapin'** the land, / I can't understand, why we don't take them in hand (Creepein'; Grand Funk Railroad)*. Согласно сценарию, перед тем, как пережить унижения, в данном случае, быть покрытой стоянками для автомобилей, земле приходится пережить постыдный процесс насильственного обнажения: *But it's alright / It's progress folks keep pushin' till your body rots / Will **strip** the earth of all it's green / And then divide her into parking lots (The Ostrich; Steppenwolf)*. Земля представляется

сестрой, поэтому ее изнасилование причиняет особенную боль: *What have they done to the earth?/ What have they done to our fair sister?/ Ravaged and plundered / and ripped her and bit her, / Stuck her with knives / In the side of the dawn, / And tied her with fences, / And dragged her down (When the Music's Over; The Doors).*

Таким образом, метафора является одним из фундаментальных способов создания образа «чужих» в контркультурной рок-лирике США. При помощи «высвечивания» определенных структурных частей «сферы-источника» моделируются мощные по своему прагматическому потенциалу негативные представления о «наших врагах».

Список литературы

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
2. Пальчун, М.И. Мифологические основания этноидентичности: «Свое» и «Чужое» в этнической национальной культуре // «Свое» и «чужое» в культуре: Сборник научных статей / Отв. ред. В. М. Пивоев. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. – С. 17-30.
3. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с.
4. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 – 2000 гг. [Текст] : дис. ... канд. фил. наук / А.А. Филинский. – Тверь, 2002. – 143 с.
5. Aho J.A. This thing of darkness:

List of literature

1. Bienvieniist, E. Slovari iindoejvropiejskiix sothiihalinyyx tiermiinov. – М.: Progiess-Uniiviers, 1995. – 456 с.
2. Palichun, M.II. Miifologiiichieskiije osnovaniija etnoiidientiichnostii: «Svoje» ii «Chuzhoje» v etniichieskojnathiihonalinojkuliturie // «Svoje» ii «chuzhoje» v kuliturie: Sborniik nauchnyyx statiej / Otv. ried. V. M. Piivojev. – Pietrozavodsk: Iizd-vo PietrGU, 1998. – s. 17-30.
3. Iinaja mientalinosti / V.II. Karasiik, O.G. Proxvachieva, JA.V. Zubkova, E.V. Grabarova. – М. : Gnoziis, 2005. – 352 с.
4. Fiiliinskiij, A. A. Kriitiichieskiij analiiz poliitiichieskogo diiskursa priedvvybornnyyx kampaniij 1999 – 2000 gg. [Tiekst] : diis. ... kand. fiil. nauk / A.A. Fiiliinskiij. – Tvieri, 2002. – 143 с.
5. Aho J.A. This thing of darkness:

- a sociology of the enemy. – Seattle: University of Washington Press, 1994. – 224 p.
6. Barbalet, J. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. – New York: Cambridge University Press, 1998. – 200 p.
7. Belsey, C. Constructing the Subject: Deconstructing the Text. – London: Associated University Press, 1985. – 659 p.
8. Dörner, A. Zur rhetorischen Konstruktion politisch-kultureller Identitäten. Selbst- und Fremdbilder in zwei Reden Ronald Reagans // Die politische Rhetorik amerikanische Präsidenten seit FD / Gerd Hurm, Paul Goetsch (Eds.). – Tübingen, 1993. – p. 285-305.
9. Frank, J.D., Melville, A. The Image of the enemy and the process of change // Breakthrough: Emerging new thinking / Ed. Anatoly Gromyko, Martin Hellman and others. – NY: Walker and Company. – 1988. – p. 109-209
10. Harle, V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History. – Connetticut: Praeger Publishers, 2000. – 366 p.
11. Rieber R.W., Kelly R.J. Substance and Shadow: Images of the Enemy // R.W. Rieber, ed. Psychology of war and peace: the image of the enemy.
- a sociology of the enemy. – Seattle: University of Washington Press, 1994. – 224 p.
6. Barbalet, J. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach. – New York: Cambridge University Press, 1998. – 200 p.
7. Belsey, C. Constructing the Subject: Deconstructing the Text. – London: Associated University Press, 1985. – 659 p.
8. Dörner, A. Zur rhetorischen Konstruktion politisch-kultureller Identitäten. Selbst- und Fremdbilder in zwei Reden Ronald Reagans // Die politische Rhetorik amerikanische Präsidenten seit FD / Gerd Hurm, Paul Goetsch (Eds.). – Tübingen, 1993. – p. 285-305.
9. Frank, J.D., Melville, A. The Image of the enemy and the process of change // Breakthrough: Emerging new thinking / Ed. Anatoly Gromyko, Martin Hellman and others. – NY: Walker and Company. – 1988. – p. 109-209
10. Harle, V. The Enemy with a Thousand Faces: The Tradition of the Other in Western Political Thought and History. – Connetticut: Praeger Publishers, 2000. – 366 p.
11. Rieber R.W., Kelly R.J. Substance and Shadow: Images of the Enemy // R.W. Rieber, ed. Psychology of war and peace: the image of the enemy.

– New York, 1991.

12. Spillman, K. R., & Spillmann, K. Some sociobiological and psychological aspects of “Images of the Enemy” / In R. Fiebig-von Has & U. Lehmkuhl (Eds.), *Enemy images in American history*. – Providence, RI: Berghahn. – 1997: p. 43–64.

– New York, 1991.

12. Spillman, K. R., & Spillmann, K. Some sociobiological and psychological aspects of “Images of the Enemy” / In R. Fiebig-von Has & U. Lehmkuhl (Eds.), *Enemy images in American history*. – Providence, RI: Berghahn. – 1997: p. 43–64.

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ЛЮБОВЬ-СТРАСТЬ»
В РОМАНЕ «АННА КАРЕНИНА» Л.Н. ТОЛСТОГО**

Л. Ш. Мигранова

При исследовании картины мира, закрепленной в языке, в той ее части, которая организована метафорой (и другими образными средствами), важной является любая разновидность метафоры и ее культурная особенность, так как исследование языковой картины мира тесно связано с изучением метафоры как одного из способов ее создания. С точки зрения лингвокультурологии анализ метафоры является актуальным направлением научных исследований, позволяющим раскрыть ключевые особенности организации культурных смыслов в национально-языковой картине мира.

В 1870-1890-е годы жизнь России современники сравнивали с новой эпохой, это было время «душевной драмы»: изменялось мирозерцание людей и их идеалы. Кризисность эпохи проявлялась в том, что коренным образом менялись представления о мире и человеке, рушились прежние убеждения, рождалось новое миропонимание, которое требовало иных форм воплощения художественных образов и особого языка. Л.Н. Толстой задумал историческое сопоставление: соотнести «эпоху романа» со временем упадка Рима.

Воссоздание образа мира и его оценка возможны только в форме диалога двух мироощущений, двух логик, двух типов культур, противостоящих друг другу: дохристианской (языческой) и христианской. Соотношение языческой и христианской добродетелей реализуется в скрытой полемике сюжетных линий: Анна – Вронский, Кити – Левин. Внутренне объединяет эти сюжетные линии исследование конфликта между физической и духовной сторонами любви, между рациональной и иррациональной сторонами личности.

В первой части романа содержится важный для уточнения позиции Л.Н. Толстого спор двух персонажей – Облонского и

Левина. Он непосредственно ориентирован на античную традицию и содержит цитаты из Платона. В этом споре излагается концепция двух видов любви, которая становится своеобразной прелюдией к основной нравственно-философской проблематике романа. Его важнейшая проблема сформулирована на основе противопоставления физической и духовной составляющих любви и задана словами Левина: «...обе любви, которые, помнишь, Платон определяет в своем «Пире», обе любви служат пробным камнем для людей. Одни люди понимают только одну, другие другую. ...«Покорно вас благодарю за удовольствие, мое почтение», вот и вся драма. А для платонической любви не может быть драмы, потому что в такой любви все ясно и чисто...» [1. С. 45].

Сюжетная линия платонической любви отсутствовала в первоначальных авторских замыслах. На начальных этапах работы над романом писатель ограничивался исследованием природы плотской страсти. Но по мере работы обозначилась невозможность отражения авторских представлений об идеале семейных отношений, выстроенных на основе христианских добродетелей. Два момента любви – плотский, собственнический, эгоистический и духовный, бескорыстный, альтруистический – присутствуют практически во всех ее концепциях: Афродита земная и Афродита небесная (Платон), любовь восходящая и любовь нисходящая (Соловьев), любовь-эрос и любовь-каритас (Бердяев), любовь-нужда и любовь-дар (Льюис). Ярким подтверждением тому являются слова героя Облонского: «... ты уже чувствуешь, что ты не можешь любить любовью жену, как бы ты ни уважал ее»; «одна (женщина – *Л.М.*) настаивает только на своих правах, и права эти твоя любовь, которой ты не можешь ей дать...» [1. С. 45]. Эротическая любовь – единство, гармония биологического и духовного начал в человеке, полное отсутствие одного из них превращает ее либо в жалость, либо в похоть.

Производность любви от желания отмечается практически всеми этимологическими словарями русского языка, например: древнеиндийское *lubhyatī* «желание», *lobhas* «желание, жажда», *lobhayatī* «возбуждает желание», латинское *lubido*, *libido* («страстное) желание», албанское *laps* «желаю, жажду» [2. С. 544].

Желание в свою очередь индуцирует у своего субъекта положительную эмоциональную оценку, которая переживается как наслаждение, удовольствие [3. С. 87]. Этимология свидетельствует, что во многих языках семантика любви производна от семантики желания: греческий *eros* у Гомера означает не только желание женщины, но и желание пищи и питья [цит. по 4. С. 41].

В романе «Анна Каренина» «еда» и «питье», «голод» и «жажда» не просто метафорически уподобляются человеческим страстям и желаниям. Мотивы эти приобретают смысл в контексте раздумий Л.Н. Толстого о языческой и христианской культурах, точнее, о современном мире, уподобившемся язычеству. Чувствам своих героев писатель часто придает форму физических ощущений. «Я знаю свои аппетиты» – вспоминает французскую пословицу Анна Каренина [1. С. 745]. Французское слово «*appetit*» можно перевести на русский язык по-разному. На самом деле, считает Г.А. Ахметова, **appetit** **героев романа оказывается в трудных, напряженных отношениях с их совестью и душой, а порой – замещает их** [5. С. 44]. Автор использует его неоднозначность и узкий смысл («аппетит, желание есть») связывает в тексте романа с широким («желание, позыв, хотение, жажда»). Обыгрывая эти значения, писатель сближает мотив «еды» и «питья» с мотивом желаний. Жадность голодного человека родственна голоду неутоленной страсти (похоти).

Мотив «еды» и «питья» в Облонском метафорически уподоблен чувственному желанию. Степан Аркадьич, проснувшись в своем кабинете, вспоминает сон. Графинчики-женщины – его партнерши, они сближены с едой и с питьем, они совершенно бытовые, при мысли о них глаза героя весело заблестели. Страсть к французенке, бывшей гувернантке детей, да и вообще ко всем женщинам, «оссиановским женщинам» выражена в гастрономическом образе душистого калача. Левин решительно не понимает фривольности Облонского: «как можно, наевшись, пройти мимо калачной и украсть калач». На что Облонский, блестя глазами, отвечает «Калач иногда так пахнет, что не удержишься» [1. С. 44].

Л.Н. Толстой вернется в эпизоде охоты к метафоре «калача» (желания) и «отсыпного пайка» (семейной жизни). «Ты ведь не

признаешь, чтобы можно было любить калачи, когда есть отсыпной паек, – по-твоему это преступление; а я не признаю жизни без любви» [1. С. 163]. Облонский вновь проповедует философию блаженства и земных наслаждений. Левин советует Облонскому «не красть калачей», на что Стива сетует: «О моралист!» [1. С. 45] (перифразированные начальные строки стихотворения А.А. Фета «Из Гафиза»: «Не будь, о богослов, так строг! Не дуйся, моралист, на всех!») [6]. Второй раз Стива Облонский вновь процитирует А.А. Фета («Не будь, о моралист, так строг!»), ласково укорив Левина за то, что тот нападал на него «за поиски в жизни наслаждений [1. С. 376]. Облонский совершенно уверен в том, что любовь и семейная жизнь не одно и то же, «все разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни слагается из тени и света» [1. С. 46].

Следующий пример демонстрирует отношение героев к любви: «...окончив газету, вторую чашку кофе и калач с маслом, он (Облонский – Л.М.) встал, стряхнул крошки калача с жилета и, расправив широкую грудь, радостно улыбнулся... – радостную улыбку вызвало хорошее пищеварение» [1. С. 12] (и это при том, что жена узнала о его связи с гувернанткой) и Левин перед тем, как отправится к Щербацким для решающего объяснения «попробовал отпить кофе и положить калач в рот, но рот его решительно не знал, что делать с калачом. Левин выплюнул калач...» [1. С. 402]. Далее встречаем, когда Левин прогуливался по городу ранним утром, его тронули «сайки и то, как пахло из окошка духом печеного хлеба» [1. С. 403]. Калач – «вид круглого кренделя, плетеная булочка из муки тонкого помола» [2. С. 285], сайка – «булка из круто замешенного теста» [2. С. 546]. Калачи всегда пользовались на Руси особой любовью. Отсюда буквальное значение оборота *калачом не заманишь* – самым редким, лакомым куском не привлечешь к себе [7. С. 262]. «Хлеб» же – метафора духовной пищи, в данном контексте – духовной любви.

У Стивы Облонского всегда пренебрежительно-веселое отношение ко всему случившемуся, быт подчинен ему, все жизненные ситуации разрешает понятием «все образуется», во многом символизирующим философскую основу пути «эпикурейства». Стива недаром дважды, и оба раза неточно, цитирует стихот-

ворение А.С. Пушкина «Из Анакреона» - сначала в разговоре с Левиным, потом при встрече с Вронским: «Узнаю коней ретивых по каким-то их таврам, юношей влюбленных узнаю по их глазам» [1. С. 40, 62]. Анакреонтические стихи в романе Л.Н. Толстого из современной жизни звучат органично. Облонский опытный гурман, привык получать наслаждения от еды, любви, остроумной беседы. Аппетит сибарита вечно неудовлетворен, как и чувственные желания. Античную аллюзию дополняет куплет из оперетты Иоганна Штрауса «Летучая мышь», звучащий из уст Облонского: Великолепно, если я поборол свою земную страсть; но если это не удалось, я все же испытал блаженство!» [1. С. 44].

Вообще обращает на себя внимание характерное для того времени различие в структуре крестьянского обеда и обеда высших слоев. Одни начинали с объемного и дающего мгновенное ощущение сытости (похлебка), другие – с возбуждающего аппетит. Так и в романе, одни садятся за стол, чтобы плотно наестся (крестьяне; Левин; Агафья Михайловна Левина и Облонского «потчует хлебом с маслом»; даже князь Щербацкий «угощает хлебом-маслом»), для других еда выступает «провоцирующим элементом», возбуждающим аппетит.

Стива Облонский – эпикуреец, языческая натура, любит пофилософствовать. Он далек от вопросов быта, не особо волнуется «о хлебе насущном», для него важно другое: на деле заботится о наслаждении. Неприятельного Левина удивил утонченный аппетит Стивы, на что Облонский ответил, что «цель образования: из всего сделать наслаждение» [1. С. 40].

Вронский, как и Стива, не ведает, что творит. Его страсть к Анне впервые уподобляется жажде в эпизоде на железной дороге в Петербурге. Увидев встречающего свою жену Каренина, Алексей Кириллович «испытал неприятное чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, мучимый жаждою и добравшийся до источника и находящий в этом источнике собаку, овцу или свинью, которая выпила и взмутила воду» [1. С. 108].

Страсть, новое и неизведанное чувство кружит голову и Анне, выводит из равновесия, лишает покоя, одурманивает. Кити увидела на лице Анны «столь знакомую ей самой черту возбуждения

от успеха», «Анна пьяна вином возбуждаемого ею восхищения» [1. С. 84].

Каренина и Вронский сыты и голодны одновременно. Так, следует отметить, что у Вронского хороший аппетит. В его меню обязательно входит мясо и вино, к тому же вес его равнялся четырем пудам с половиною (если перевести в современную систему измерения это составляет 73,8 килограмма). Л.Н. Толстой указывает еще на одну деталь – «крепкие сплошные зубы» (упоминается несколько раз). Писатель хотел показать не только физическое здоровье героя, но и обратить внимание читателя на плотскую природу Вронского.

Сильные страсти, наполняющие жизнь Вронского, вполне могут заменить потребность в пище. Он отказывается от еды и вина, когда думает о предстоящем свидании с Анной, об участии в скачках.

Из разговора Вронского с Анной перед скачками мы можем наблюдать следующее: на слова Алексея о том, что он стал причиной ее несчастья, она отвечает ему с таким пылом (взгляд ее как всегда зажегся «знакомым огнем»): «Я несчастлива? ... я – как голодный человек, которому дали есть. Может быть, ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно, но он не несчастлив. Я несчастлива? Нет, вот мое счастье...». [1. С. 192]. После продолжительного поцелуя с Вронским она хотела оттолкнуть его, но он вдруг почувствовал «животное влечение», испытал сильнейший голод: «Она хотела идти, но он удержал ее. «Когда? – проговорил он шепотом, восторженно глядя на нее». «Нынче, в час, - прошептала она...»» [1. С. 192].

Подобное мы наблюдаем и из беседы Анны с Долли: «Ты не поверишь, я точно голодный человек, которому вдруг поставили полный обед, и он не знает, за что взяться. Полный обед – это ты и предстоящие мне разговоры с тобой, которых я ни с кем не могла иметь; и я не знаю, за какой разговор прежде взяться» [1. С. 611].

Когда же все желания героя сбылись, он вдруг почувствовал, что «осуществление его желания доставило ему только песчинку из той горы счастья, которой он ожидал» [1. С. 462]. «И как голодное животное хватается всякий попадающийся предмет, надеясь

найти в нем пищу, так и Вронский совершенно бессознательно хватался то за политику, то за новые книги, то за картины [1. С. 463].

Прием семантических отражений, работающий на уровне сюжетно-композиционной организации романа, используется Толстым Л.Н. при создании рядов сопоставительных параллелей. Автор обращается к повторяющимся сравнениям, в частности, к сравнениям, фиксирующим физиологическую природу чувств Анны и Вронского, что позволяет ему прояснить и прокомментировать ситуацию. Сравнение является своеобразным контрапунктом, отражающим различные точки зрения персонажей и разводящим их на противоположные полюса: «как голодный человек», «как голодное животное».

Однако в финале романа утрата чувственного желания оборачивается для Анны утратой вкуса к еде: «Обед стоял на столе; она подошла, понюхала хлеб и сыр и, убедившись, что запах всего съестного ей противен, велела подавать коляску и вышла» [1. С. 747]. Утрата желания синонимична утрате аппетита, вкуса: «Он любит меня – но как? The zest is gone («вкус притупился»)… Да, того вкуса уж нет для него во мне» [1. С. 748].

В XIX и в первой половине XX в. слово сладкое обозначало последнее блюдо, завершающее обед [8. С. 261]. Причем часто на десерт («как сладкое») подавали мороженое. В романе «Анна Каренина» тема «сладости» первоначально возникает в косвенных эпизодах, затем, повторяясь, приобретает расширительное значение, становится обозначением избыточных желаний и страстей. В конце жизни Анна Каренина осознает иллюзорность погони «за сладким, вкусным». Оно пленит в начале, а потом оборачивается «грязным мороженым». Соблазн «сладости» осмысливается Анной Карениной как символ всеобщего смысла жизни, ведущий к человеческому разъединению. К тому же все сладкое это еще и искушение.

Облонский, Каренина, Вронский и другие персонажи романа – «герои своего времени», живущие по законам языческого мира – страстями и желаниями. К примеру, Вронскому «казалось, что он первый открыл это удовольствие, и наслаждался своим откры-

тием» [1. С. 60] («заманивание барышень без намерения жениться» - Л.М.). Бетси Тверская находит «особенное удовольствие в следовании за успехом этой страсти» [1. С. 130] (между Анной и Вронским). Яшвин отождествляет любовь и карточную игру. В любви для героя действуют правила карточной игры: получить наслаждение, удовлетвориться, «взять», а не «отдать». «Но, понимаете, одному можно сесть за карты, но так, чтобы всегда встать, когда придет время *rendez-vous* (свидания - Л.М.). А мне можно любовью заниматься, но так, чтобы вечером не опоздать к партии», - признается Яшвин Карениной [1. С. 735]. «Да ведь вы все любите животные удовольствия», - заявляет Анна Вронскому [1. С. 360]. Любовь в русской культуре достаточно целомудренна: чувственность здесь отождествляется с животным началом.

Метаморфозы повествовательной перспективы таковы, что мир оказывается объят автором и им объяснен. Из чередования авторской точки зрения и субъективного восприятия героя возникает динамическая картина мира. Автор в романе декларирует свою точку зрения и объясняет происходящее с помощью аналогий и сопоставлений. Жизнь и смерть, физическая любовь и смерть связаны в его мире идеей христианского греха.

Обратимся к сцене сближения Анны и Вронского. «Она чувствовала себя... преступною и виноватою... Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни. Это тело, лишенное им жизни, была их любовь, первый период их любви. ...Но несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством. И с озлоблением, как будто со страстью, бросается убийца на это тело, и тащит, и режет его; так и он покрывал поцелуями ее лицо и плечи» [1. С. 150-151]. Чувственная любовь вторгается в область запретного, и потому любовный акт приравнивается писателем к убийству. Л.Н. Толстой дает ряд сопоставлений, демонстрирующих парадоксальное совмещение противоречий, в основе которых просматривается авторская этическая установка: физическая любовь – убийство. Семантико-синтаксическая организация приведенного дискурса содержит сложную систему повторов, которые

выявляются как на образном, так и на лексико-синтаксическом уровнях и заканчиваются метаморфозой: любовник – убийца, физическая любовь – преступление. Вронский убивает Анну своей любовью. К тому же отметим, что в «Анне Карениной» монологи Анны да и Долли выстраиваются на семантически контрастных желаниях: «любить» - «убить» [1. С. 73; 293].

Автору важна эмоционально-экспрессивная маркированность сравнений, вносящих в текст определенные ассоциации. В следующей главе мы находим сопоставление чувств героя с окружающей средой. Природа выступает, по выражению академика В.М. Жирмунского, «пейзажем души». Показывая Анну с точки зрения Вронского, Толстой Л.Н. сравнивает ее с сорванным цветком: «Она была совсем не та, какую он видел ее первое время. И нравственно и физически она изменилась к худшему. Он смотрел на нее, как смотрит человек на сорванный им и завядший цветок, в котором он с трудом узнает красоту, за которую он сорвал и погубил его» [1. С. 359]. При подключении этого сравнения образ приобретает семантическую объемность и поэтическое звучание.

Вронский и Анна любят друг друга, не как нежные друзья. Это любовь-страсть, стихийная сила. Страсть не может перейти в спокойную фазу нежной привязанности друг к другу (по Н.Бердяеву «карикативную»), страсть нетерпима к ослаблению напряжения, ей необходим накал. Страсть исключает взаимозаменяемость любимых. Таков архетип страсти. В теории страсти следует особо отметить два положения: во-первых, страсть включает в себя разрушительное начало и сопряжена с тягой к смерти (подробнее смотри Ю.М. Армстронг «Несказанное об «Анне Карениной»), во-вторых, страсти присуща тяга к недоступному. По своей природе она неспособна к утолению и не может успокоиться на любовном «счастливым» финале. Из предсмертного монолога Анны: «Мы с графом Вронским также не нашли этого удовольствия, хотя и много ожидали от него» [1. С. 747]. В своей любви герои «сгорят» до конца.

Неутолимое чувство голода, погоня за новыми и новыми чувствами приводит к усталости и отвращению. Вронский видит себя

в принце – в этом «неприятном зеркале». Любая прихоть, любое желание иностранца становилось законом для окружающих. Анна – в детях, тянущихся к грязному мороженому.

Если сюжетная линия Анна – Вронский ориентирована на античную культурную традицию, то сюжетная линия Кити – Левин разрабатывается в русле христианской культурной традиции.

Доминирующий мотив в изображении платонической любви – обретенный свет, истина. В представлении Левина – Кити являет образец духовной чистоты и совершенства. В его сознании Кити – «розан в крапиве. Все освещалось ею. Она была улыбка, место, где она была – недоступная святыня», одним словом, она – олицетворенное божество, сопрягаемое с солнцем», а все вокруг – «избранные счастливыцы» [1. С. 32]. Чувства Левина к Кити самые трепетные. В любви Левина и Кити высокая предназначенность.

Безусловно, сквозные сопоставления: Вронский и тело, «лишенное им жизни»; Вронский и Фру-Фру; Вронский и трагический жизненный путь Анны подводят читателя к однозначному выводу о губительности физической любви. Думается, у Л.Н. Толстого не все так однозначно и, как кажется на первый взгляд, просто. Используя сравнения, автор психологически и этически обосновывает сближения сопоставляемых явлений и ситуаций. Так, во время скачек после падения Вронского Анна сравнивается с пойманной птицей: «Она стала биться, как пойманная птица: то хотела встать и идти куда-то, то обращалась к Бетси» [1. С. 211]. Контрастом к этой сцене выступает эпизод, когда Кити сравнивается с птицей, которая вьет свое гнездо: «Она, инстинктивно чувствуя приближение весны и зная, что будут ненастные дни, вила, как умела, свое гнездо и торопилась в одно время и вить его и учиться, как это делать» [1. С. 478-479]. Если Кити показана нам хранительницей домашнего очага, тепла, уюта, то Анна выступает в романе «кукушкой, бросившей сына ради другого мужчины». В Анне автор показал борьбу двух начал: материнской любви к сыну и физического влечения к мужчине. Если Вронский говорит, что «без этой любви для нас ни счастья, ни несчастья – нет жизни» [1. С. 185], то Левин приходит к мысли, что «в браке главное

дело любовь и что с любовью всегда будешь счастлив, потому что счастье бывает только в тебе самом» [1. С. 401].

Неслучайно любовь истолковывается через счастье: «Любовь есть склонность находить удовольствие в благе, совершенстве, счастье другого человека» (Г.В. Лейбниц).

Список литературы

1. Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 800с.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2, 3. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986. – 672с.
3. Воркачев С.Г. Хотеть-желать vs. **querer-desear**: сопоставительный анализ употребления русских и испанских глаголов // Русский язык за рубежом. – 1991. – № 3. – С. 75-82.
4. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: «Гнозис», 2007. – 284с.
5. Ахметова Г.А. Мотивы голода и жажды в романе Льва Толстого «Анна Каренина» // Проблемы образотворчества и смыслопорождения в словесном искусстве: Сборник статей к 80-летию проф. В.А. Зарецкого / Под общ. Ред. И.Е. Карпухина; Отв. ред. А.С. Акбашева. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. – С. 44-52.
6. Фет А. Стихотворения и поэмы

List of literature

1. Tolstoj L.N. Anna Karieniina: Roman. – М.: ЗАО Iizd-vo EKSMO-Priess, 2000. – 800s.
2. Fasmier M. Etiimologiichieskij slovari russkogo jazyyka. V 4 t. T. 2, 3. / Pier. s niem. ii dop. O.N. Trubachieva. – 2-je iizd., stier. – М.: Progiess, 1986. – 672s.
3. Vorkachiev S.G. Xotieti-zhielati vs. **querer-desear**: sopostaviitielinyj analiiz upotriebieniija russkiix ii iispanskiix glagolov // Russkij jazyyk za rubiezhom. – 1991. – № 3. – S. 75-82.
4. Vorkachiev S.G. Liubovi kak lingvokuliturnyyj konthiept. – М.: «Gnoziis», 2007. – 284s.
5. Axmietova G.A. Motiivyy goloda ii zhazhdyy v romanie Liva Tolstogo «Anna Karieniina» // Problemy obrazotvorchiestva ii smyysloporozhdeniija v slovesnom iiskusstvie: Sborniik statiej k 80-lietiiju prof. V.A. Zariethkogo / Pod obshh. Ried. II.IE. Karpuxiina; Otv. ried. A.S. Akbashieva. – Stierliitamak: Stierliitamak. gos. pied. akadiemiiija, 2008. – S. 44-52.
6. Fiet A. Stiixotvorieniiija ii poemyy

/ вступ. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба. – Л.: Сов. писатель, 1986. – С. 539.

7. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – С. 262.

8. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Хорошо сидим! (Лексика начала и конца трапезы в русском языке) // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 259-270.

/ vstúp. st., sost. ii priimiech. B.JA. Buxshtaba. – L.: Sov. piisatieli, 1986. – S. 539.

7. Mielieroviich A.M., Mokiijenko V.M. Frazieologiizmyy v russkoj riechii. Slovari: Okolo 1000 jediiniith. – 2-je iizd., stierieotiip. – M.: Russkiiije slovarii, Astrieli, 2001. – S. 262.

8. Lievontiina II.B., Shmieliev A.D. Xoroshho siidiim! (Lieksiika nachala ii kontha trapiezyy v russkom jazyykie) // Zaliizniak Anna A., Lievontiina II.B., Shmieliev A.D. Kliuchievyyje iidieii russkoj jazyykovoj kartiinyy miira: Sb. st. – M.: Jazyykii slavianskoj kulturyy, 2005. – S. 259-270.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА В ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

И. Э. Алекберова

Как известно любой язык является общественным явлением, которое достаточно быстро развивается в современном обществе. Язык обладает собственной структурой, поэтому задачей статьи выступает определение и выявление основных функциональных особенностей языковой системы. Следует рассмотреть все выполняемые языком функции, поскольку происходящие во внутренней структуре языка изменения определяются в конечном итоге функционированием языка в обществе.

Общеизвестно, что язык представляет собой общественное явление. Он возникает и развивается в человеческом обществе и прекращает свое существование, если перестаёт существовать народ, который на нём говорит.

Выдающийся французский лингвист Эмиль Бенвенист писал: «Язык - особая символическая система, организованная в двух планах. С одной стороны, язык – физическое явление: он требует посредства голосового аппарата при своём производстве и посредства слухового аппарата для восприятия. В этом материальном виде он поддается наблюдению, описанию и регистрации. С другой стороны, язык – нематериальная структура, передача означаемых, которые замещают явления, окружающего мира или знание о них их «напоминанием». Такова двусторонняя сущность языка».

Язык как абстрактная система – достояние всего коллектива говорящего на нём [1. С. 86]. В этом отношении язык принципиально противопоставлен речи как индивидуальному проявлению данного языка в условиях той или иной жизненной ситуации.

Речь неразрывно связана с языком, поскольку реально язык существует только в речи. Все сведения о системе языка, включая

словарь и грамматику, взяты из речевой практики. При этом термин «речь» употребляется и как синоним речевой деятельности на каком-либо языке (говорить и писать по-французски, по-итальянски, по-арабски и т.д.), и как результат этой деятельности, то есть устные или письменные тексты на соответствующем языке.

Речевая деятельность одновременно и социальна, и психофизиологична. Во-первых, она представляет собой часть общей социальной деятельности (общественного взаимодействия), а во-вторых, определяется тем, что сама ситуация общения имеет социальную структуру [1. С. 126], то есть оба участника коммуникативной ситуации – общественные личности, включённые в общий или конкретный контекст.

Вопрос о функциональных особенностях языка относится к важнейшим в лингвистике. Существуют разные подходы к его решению. Чаще всего считается, что функциями обладают и язык, и речь, и отдельные единицы языка. По своему назначению (функции) язык есть важнейшее средство общения и средство обмена информацией между людьми. Он неразрывно связан с мыслительной деятельностью человека, служит средством формирования и передачи мыслей и эмоций, накопления человеком знаний о природе и обществе [3. С. 75]. Таким образом, все изменения, происходящие во внутренней структуре языка, определяются в конечном итоге его функционированием в обществе. Функции языка понимаются как проявление его сущности, являются его характеристиками, без которых язык не может быть самим собой.

Существуют основные, производные и дополнительные функции языка в речи. В качестве основных выделяют *коммуникативную функцию* (регуляция связей и отношений внутри общества, обслуживание в нём информационных потоков), *функцию формирования мысли* (связь между языком и мышлением), *когнитивную функцию*, которая заключается в формировании мысли для других и соответственно для себя, познание действительности и создание схем для обобщения, и *эмотивную функцию*, то есть язык репрезентирует средство выражения чувств и эмоций.

К производным функциям можно отнести следующие функции:

- *фатическая* – установление контакта без передачи информации адресату;

- *волеизъявительная* – происходит волеизъявление посредством языка;

- *кумулятивная* – процесс накопления и передачи информации собеседнику;

- *эстетическая* – эстетическое воздействие при помощи языковых средств, например, посредством художественной литературы;

- *магическая* – отождествление предмета и лексической единицы.

В составе общей когнитивной функции иногда выделяют особую подфункцию – *аккумулятивную*, то есть накопительную. Большая часть того, что знает взрослый человек о мире и об обществе, пришло к нему с языком и посредством языка.

К чрезвычайно важным относится *номинативная*, или назывная, функция языка. Существует мнение, что без называния нет познания. Пытаясь понять бесконечно многообразные явления, человек ищет общее между ними, отбрасывает их случайные признаки и выделяет существенные, а затем закрепляет полученное знание в лексической единице [3. С. 134].

Разновидностью коммуникативной функции является функция *регулятивная*. В данном случае язык используется с целью непосредственного воздействия на адресата. Сравним, например, следующие высказывания: « Как пройти на улицу Мичурина? Обед готов? Придите, пожалуйста, завтра. Не курить! Не надо ничего объяснять. » В целом регулятивная функция направлена на создание, поддержание и регулирование отношений в обществе.

Наукой разработаны социолингвистический и психолингвистический подходы к определению функционирования языка и речи [3. С. 197-198]. При социолингвистическом подходе рассматриваются социальные функции языков по отношению к исторически конкретным обществам. На первый план выходят отношения между всеми разновидностями (формами существования) конкретных языков в конкретные исторические моменты (литературный язык с его стилями и разговорной речью, диалекты, просторечие, социальные и профессиональные жаргоны, специальные языки науки и т.д.) и сферами их использования.

При психолингвистическом подходе функции языков рассматриваются по отношению к компонентам ситуации диалогической интеракции, поэтому количество функций высказывания равно количеству обязательных компонентов ситуации высказывания. Функция речи в таком понимании – это отношение высказывания к: адресанту; адресату; предмету речи; контакту между коммуникантами (каналу связи); языку общения (коду).

По отношению к миру, выступающему в качестве темы высказывания, последнее выполняет *репрезентативную функцию*, то есть представляет или замещает мир в речевом общении.

Функция высказывания по отношению к его автору – *экспрессивная*: о чём бы ни говорил и не писал автор, он одновременно так или иначе выражает посредством высказывания самого себя. Выбирая те или иные способы построения речи, говорящий субъект демонстрирует собственный уровень владения языком, своё образование, социальную принадлежность, некоторые психические свойства.

Отношение высказывания к адресату речи образует *апеллятивную функцию*, или функцию воздействия. В её распоряжении находятся многообразные лексические средства и грамматические формы, а также интонация, порядок слов и т.п.

Связь между высказыванием и языком (кодом) образует *метаязыковую функцию*. Она проявляется в том, что любое высказывание несёт в себе информацию о языке, поскольку может служить образцом, по которому строятся подобные ему высказывания. Например: На улице холодно. В комнате чисто. В лесу сыро. На площадилюдно. В доме темно и т.д. Если темой высказывания становятся сами общающиеся и любые другие компоненты ситуации общения, имеет место *метакоммуникация* [2. С. 49]. Например, вводные элементы, вставляемый текст, чтобы сделать ясной его логическую структуру и композицию (во-первых, во-вторых и т.д., с одной стороны, с другой стороны, начнем с того, что..., обратим внимание на то, что..., как уже было сказано, к этому мы еще вернемся, итак и т.п.), образуют в совокупности *метатекст*, или текст о тексте, параллельный основному, комментируемому, тексту.

Способность высказывания направлять внимание на свою форму в наибольшей степени присуща художественной речи, поэтому данная функция получила название *поэтической*.

Коммуникативные ситуации включают компоненты и условия конкретных речевых действий (речевых актов), а цели, на достижение которых направлены речевые действия, считают функциями речи [2. С. 115].

Создатель теории речевых актов английский философ Джон Остин определял речевой акт как совокупность трёх составляющих: 1) что говорится (локуция); 2) какой поведенческий смысл выражается (иллокуция); 3) каков эффект или результат речи (перлокуция).

Существует довольно много классификаций речевых актов, построенных на различных основаниях. Наиболее распространена классификация, основанная на иллокутивном компоненте речевого акта, то есть цели произнесения данного типа речевого акта.

Дж. Остин выделял на основе иллокутивного критерия такие речевые действия, как вердиктивы, экзерситивы, комиссивы.

Английский логик Джон Серль предлагает более стройную классификацию иллокутивных актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации.

Таким образом, процесс общения невозможен без языка, но далеко не все признаки этого процесса являются существенными для языка и системы. Следовательно, язык и речь – не противоположные явления, а лишь разные проявления общей сущности, которые для правильного их понимания необходимо изучать и вместе – как часть этого общего, и по отдельности.

Список литературы

1. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М., 2001. – 457 с.
2. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: КомКнига, 2005. – 152 с.
3. Кондрашов Н.А. История лингвистических учений. – М.: Просвещение, 1989. – 224 с.

List of literature

1. Rieformatskij A.A. Vviedeniije v jazykoznaniije. – М., 2001. – 457 s.
2. Kolshanskij G.V. Kontieksstnaja siemantiika. – М.: KomKniiga, 2005. – 152 s.
3. Kondrashov N.A.. Iistoriija lingviiistiichieskiix uchieniij. – М.: Prosvieshhieniije, 1989. – 224 s.

МЕТОД НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА В ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ БРАКОВ С ПОЗИЦИЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.В. Бондаренко

В данной статье рассматривается практическое применение широко востребованного сегодня метода нарративного анализа в изучении межкультурной семейной коммуникации. Автор статьи приводит мотивацию выбора данного метода при проведении своего междисциплинарного исследования, описывает процедуру анализа, выделяет типы нарративных текстов, использованных в работе (кандидатская диссертация), а также приводит примеры нарративов, на базе которых делаются теоретические выводы.

Наше исследование ведется в русле проблематики межкультурной коммуникации, что подразумевает тесную взаимосвязь лингвистических, социологических, психологических и культурологических подходов к изучению природы межкультурных браков. Целью исследования является выявление специфики межкультурной семейной коммуникации и способов ее оптимизации. Мы представляем семейную коммуникацию как своего рода семиосферу, в составе которой фигурируют знаки из различных семиотических систем. Такие знаки являются неотъемлемыми составляющими коммуникативной компетенции участников семейной коммуникации (членов семьи и родственников). Несовпадение смыслов, обусловленное культурными различиями, является основной причиной возможных коммуникативных сбоев в семьях, созданных представителями разных национальностей.

Область семейного межличностного и группового общения в значительной степени носит закрытый, интимный характер, что создает трудность для любого рода исследования феномена «семьи». В нашей работе мы обратились к методу нарративного анализа в расчете на то, что большое количество доступного устного

и письменного текстового материала, посвященного особенностям общения в межкультурных семьях, позволит набрать довольно много примеров, иллюстрирующих теоретические положения исследования. Преимуществом нарративного анализа, в данном случае, будет являться осознанное предоставление персональной информации агентами коммуникации. Объем, содержание, стиль, композиция повествования определяются членом межкультурной семьи, психологически настроенного на подробный и искренний рассказ, в то время, как анкетирование (тоже используемое в нашей работе) структурировано тематически и, как показала практика, в большинстве случаев, дало не достаточно полноценного развернутого материала для анализа.

В исследовании семейной сферы общения нарративный анализ представляет собой едва ли не единственную возможность для исследователя получить сугубо личную информацию «из первых уст», например, сведения об условиях и обстоятельствах создания семьи, семейных традиций, распределении ролей и тем более, чувствах участников коммуникации, сопровождающих те или иные внешние события. Этот метод поможет нам реконструировать микроистории конкретной социальной группы или нескольких поколений.

В. Лабов определяет нарратив как «совокупность специфических лингвистических средств, превращающие «сырой» прошлый опыт в хронологически упорядоченные, эмоционально и социально оформленные события» [5. С. 201].

Необходимыми лингвистическими признаками нарратива являются:

1) наличие придаточных предложений, соответствующих временной организации событий; 2) отнесенность повествования к прошедшему времени (в нашем случае, и к настоящему); 3) наличие определенных структурных компонентов — ориентировки (описание времени, места, персонажей), осложнения или конфликта, оценки (выражения авторского отношения к сообщаемому), разрешение осложнения.

Инструментарий нарративного анализа был предложен Хейурордом Олкером [2.С.226] для исследования международных

событий, к которым с уверенностью можно отнести межнациональный брак.

Мы активно пользуемся следующими методами интерпретации автобиографических текстов (цит. по Ярской-Смирновой): 1) конструирующий метод (анализ автобиографий под углом зрения изучаемой проблемы и на основе некоторой социологической теории); 2) метод примеров (иллюстрирование и подтверждение определенных тезисов или гипотез wybranными из автобиографий примерами); 3) статистическая обработка (установление зависимостей различных характеристик авторов и их позиций от свойств социальных групп).

Итак, нарративный анализ был использован нами при рассмотрении следующих типов текста:

- устное повествование, письменно зафиксированное исследователем в ходе неформальной беседы;
- письменные высказывания в Интернет-форумах, посвященных проблемам межкультурных браков, скопированных со специализированных сайтов, общим объемом 500 Мбайт;
- развернутые цитаты, приведенные авторами тематических статей в публицистических изданиях или авторами научно-популярной литературы в изданных книгах, посвященных изучению той или иной проблемы межкультурного семейного общения;
- художественная и автобиографическая литература;
- кинофильмы.

Среди перечисленных видов текстов встречаются все типы нарратива: *обыденные* (когда события происходят снова и снова, и в действии нет кульминации), *гипотетические* (описываются события, которые не произошли), *тематические* (зарисовки прошедших событий, связанных между собой тематически). Предметом нарративного анализа является рассказанная история или повествование с точки зрения упорядочивания опыта в последовательность событий; нарративный анализ изучает не просто содержание жизненного отрезка, а формы рассуждения о нем, лингвистические и культурные ресурсы построения истории и убеждения (?) слушателя в ее подлинности. Поэтому за единицу анализа мы приняли одно авторское повествование, описываю-

щее одну межкультурную семью. Таких бесед с живым участником межкультурного общения было зафиксировано 15; полноценных рассказов, выложенных в сети, — 203; историй, найденных в СМИ, — 76; нарративов, представленных в виде художественной прозы (редко, поэзии) — 60; а также 12 художественных и документальных фильмов, всего 368 текстов на английском и русском языках.

Мы условно делим использованные нами в исследовании тексты на принадлежащие **естественному нарративу** (созданные непосредственно участниками описываемых событий или приближенными людьми: рассказы, изложенные в письменной, например, И-нет и блоги, и устной беседе) и **искусственному нарративу** (созданные профессиональными авторами—журналистами, сценаристами и режиссерами, писателями: статьи, фильмы, художественные произведения).

Информация нарративного интервью, с помощью которого мы получали образцы естественного тематического нарратива, есть результат коммуникации интервьюера и информанта, их совместного конструирования реальности «здесь-и-сейчас» в контексте драматургической множественности идентичностей. «Взаимодействие происходит не столько между индивидами как субъектами, сколько между разными социальными ликами индивидов или изображаемыми ими персонажами, поэтому нарратив как продукт сотворчества информанта и исследователя зависит от контекста, от определения ситуации общения» [4. С. 5].

В процессе работы мы старались придерживаться следующей процедуры (по Ярской-Смирновой):

1) сбор материала, выбор информанта, его подготовка (объяснение темы исследования, задач, условий проведения беседы), рефлексия, воспоминания;

2) конструирование нарратива — беседа с человеком, членом межкультурной семьи, в комфортных для него условиях;

3) фиксация речевого действия в письменной форме;

4) анализ, расшифровка полученного текста;

5) создание мини-теории, собственной версии интерпретации культурных событий в изучаемой семье, сопоставление вновь по-

лученных данных с теоретическими предположениями в научном исследовании.

Естественный нарратив отличается от искусственного отсутствием прямолинейной композиции, сбоями в хронометраже, преобладанием специфического идиолекта рассказчика, неформальным стилем повествования, прямыми обращениями к собеседнику («Понимаете? Представляешь?»). В живой беседе рассказчик часто ждет встречных, распространяющих вопросов от исследователя, речевой поток не так просто удерживается в заданных рамках, вышеизложенные признаки хорошо продемонстрированы в следующем примере (запись личной беседы, август 2008 г.):

Исследователь; *На каком же языке Вы с ним общались?*

Респондент (жен., русс. 54 года): *Ой, да я помню, как чурки смотрим друг на друга, я ему руками показываю, кушайте, мол, и он мне накладывает, какие там были у них деликатесы, их, конечно, не так кормили, как нас. Меня еле запихнули туда, достали все, сохнет по тебе, говорят...эти, слыши, ихние там врач, он нормально по-русски говорил, и еще там, из управления...сохнет, этот итальяшка по тебе, сходи да сходи. Ладно, сделала прическу, все как надо, я тогда красива, Кать, была, атас, не то, что щас, передала через его там... , чтобы во столько то у кинотеатра стоял, а сама смотрю из окна парикмахерской, помуржила полчаса, вышла, думала—узнает, нет. Нет, конечно, смотрит в упор, ну правильно, чё я там на паромах по морозу такому, в фуфайке да ушанке..Ой а в ресторане хохма...*

И: *Так вы в ресторан до того ходили, как в столовой начали разговаривать?*

Р: *Да, эт мы с ним первый раз там встретились, а в столовой уж он потом меня вылавливал. Сижу как дура, и смешно, а он такой серьезный... Че тебе надо от меня, думаю... <...>*

И.: *Ну и как же вы с ним разговаривали, если Вы одна пошла?*

Р.: *Да как –никак, он что-то там лепечет на своем, волнуется, да все понятно и так, чё там ...кошмар...Это я потом, когда уж жить начали выучила по-итальянски хорошо....*

В процессе последующего анализа нами устанавливаются общее положительное или отрицательное отношение повество-

вателя к описываемым событиям и своей межкультурной семье в целом, многочисленные биографические факты, соответствующие опыту человека пресуппозиции, коннотации, что позволит нам установить референции к определенной системе культурных кодов. Одним из преимуществ естественного нарратива является «историческая новизна», то есть приближенность описанных событий к моменту проведения исследования, что позволяет делать выводы о современных тенденциях развития изучаемого феномена.

В то же время искусственный нарратив благодаря присутствию, в большинстве случаев, авторских ремарок и описаний может дать культурологические справки и трактовки, избавляющие исследователя от возможного неверного понимания вложенного автором смысла. Художественный нарратив, как правило, продуман, четко выстроен и лингвистически разнообразен. Преимущество кинонарратива в том, что он дает дополнительный невербальный видеоряд, который может нести ценный для исследования культурно-специфический материал. Качественно сделанные фильмы также часто наглядно демонстрируют многие культурные артефакты, играющие немаловажную роль в создании семиотического пространства межкультурной семьи.

Следующие примеры показывают два типа нарратива: от первого лица (повествование о своей семье) и от третьего лица (рассказ о других). И тот и другой тип могут быть равнозначно иллюстративны.

1. *В 1924 году Джек женился на Маргарет Майерс, с которой был знаком почти девять лет. Дочь немецких иммигрантов, она была лютеранкой, выросшей в Стробери Мэнион. В доме у них говорили по-немецки. Чтобы выйти замуж за Джека, она перешла в католическую веру <...> Позже и в своих детях она старалась воспитать тоже чисто немецкое уважение к дисциплине, к которой сама привыкла с юных лет. Все ее слушались. Даже Джек не осмеливался возражать жене. Однако, когда она попыталась заставить детей учить немецкий, они спрятали учебники, потому что ненавидели этот язык и опасались, что изучение немецкого (а было это в конце 30-х годов) будет для американцев непатриотическим поступком [3.С. 131]*

- 2. -- *Моя семья в России – пожалуй, единственное, к чему меня ревнует мой муж. Все мы очень любим друг друга и очень дружны. Мы - настоящий клан. У него же никогда не было такого опыта. <...> В некоторых случаях он обычно отвечает, что в нашей стране есть культура, но нет цивилизации. Но к семье муж все-таки меня ревнует. «Ты больше не Урманчеева, а Гечмен-Вальдек», - говорит Эрнст, и это звучит всегда очень трогательно. «Ты теперь не их, а моя семья» [1.С. 35].*

Основные интересующие нас темы, которые затронуты в данных примерах, — это выбор семейного языка общения, религии, проблема доминантной культуры, обуславливающей стиль воспитания детей, отношение одного из супругов к первичной семье и культуре партнера. Эти данные позволят нам провести не только качественный, но и количественный анализ, например, внести факт стремления жены в первом примере привить детям ее родной язык или факт ее отказа от собственного вероисповедания ради веры мужа в картотеку количественных подсчетов и выявить затем общую тенденцию возникновения и решения данных проблем в межкультурных семьях.

Нарративный анализ ценен и тем, что представляет собой проявление взаимодействия лингвистики и социологии на уровне текста, что неотъемлемо при проведении междисциплинарных межкультурных исследований. Мы отдаем себе отчет в том, что проведенные процедуры не обеспечивают стопроцентной объективности в трактовке полученных данных. Художественная литература стилизована под объективную реальность, все типы нарратива подверглись субъективному анализу исследователя. Как известно, ключевым ограничением познавательных возможностей нарративного анализа является «истинность» нарратива («сходство» текста с реальным миром, соотношение фактического содержания и вымысла), а также «кредит доверия» (термин Лабова), оказываемый рассказчику. Вчувствование исследователя в «жизненную ситуацию» другого человека на основе собственных навыков эмпатии предполагается нормами метода. Личная заинтересованность опрошенных, дополнительное использование методов количественных подсчетов и интроспекции, отраже-

ние исследуемого феномена с различных точек зрения позволяют с большой долей уверенности строить на базе полученной практической информации обоснованные теоретические выводы.

Список литературы

1. «Биография». – 2005. – № 3.
2. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: Smartbook, 2009. – 651 с.
3. Лейси Р. Княгиня грёз / пер.с англ. Т.С. Бушуевой. – Смоленск: Русич, 1997. – 624 с.
4. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. – 1997. – №3.
5. Labov W. Speech actions and reactions in personal narrative // Analyzing discourse: Text and talk / Ed. by D.Tannen Washington, DC: Georgetown University Press, 1987. P. 219-247.

List of literature

1. «Biihografija» – 2005. – № 3.
2. Pochepthov G.G. Teorija komunikaciih. – М.: Smartbook, 2009. – 651 s.
3. Liejsii R. Kniagiinia grioz /pier.s angl. T.S. Bushujevoj. – Smoliensk: Rusiich, 1997 – 624 s.
4. Jarskaja-Smiirnova JE. R. Narratiivnyyj analiiz v sothiihologii-hii // Sothiihologiichieskiiij zhurnal. – 1997. – №3.
5. Labov W. Speech actions and reactions in personal narrative // Analyzing discourse: Text and talk / Ed. by D.Tannen Washington, DC: Georgetown University Press, 1987. P. 219-247.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ТИПАЖЕ

А. В. Гвоздева

В статье рассматривается вопрос о том, что такое лингвокультурный типаж и взаимосвязи ЛК типажа с такими понятиями, как языковая личность, этнический стереотип, имидж, идеальная личность и модальная личность.

При изучении национальных характеров, отраженных в языковом сознании, рассматривается такое понятие, как лингвокультурный (ЛК) типаж. ЛК типажи - обобщенные образы личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества.

ЛК типаж может рассматриваться как на примере реально существующих людей, так и на примере вымышленных персонажей. Из самого названия «лингвокультурный» следует, что типаж является, прежде всего, носителем определенного языка, и таким образом носителем определенной культуры, так как именно через язык происходит хранение и передача культуры, традиций, общественного самосознания. Так, при изучении ЛК типажей исследователя интересует, с одной стороны, культурный (человеческий) фактор в языке, а с другой – языковой фактор в человеке. Язык создает ментальные пространства, именно поэтому рассматривается в лингвокультурологии как феномен культуры и выразитель особой национальной ментальности.

ЛК типаж прежде всего носитель языка. Но не каждый носитель языка может рассматриваться как ЛК типаж. Выделяя ЛК типаж, мы типизируем определенную языковую личность. По мнению В.А. Масловой, основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта:

1. Процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается

своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества;

2. Активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой;

3. Процесс усвоения законов социальной психологии народа.

Для становления языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспекту, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка [Маслова 2001:121].

Языковая личность, рассмотренная в аспекте типизированного лингвокультурного своеобразия коммуникативного поведения, становится ЛК типажом, при этом языковая личность должна обладать значимостью для культуры. ЛК типаж обладает базовыми характеристиками языковой личности. Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д.

ЛК типаж как языковая личность является частью национальной культуры, отражает и в то же время сама формирует эту культуру и включает в себя как социальный, так и индивидуальный аспекты.

Кроме того, ЛК типаж является особым видом концепта – концепта типизируемой личности. Концепт является основной единицей лингвокультурологического моделирования национально-менталитета. В Кратком словаре когнитивных терминов отмечается, что концепт – это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1996: 90].

ЛК типаж является разновидностью культурного концепта. Культурный концепт – сложное ментальное образование, в составе которого выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты. Культурный концепт как квант переживаемого знания воплощается в языковых единицах, разворачивается в

определенном дискурсе и живет в сознании языковой личности [Карасик 2006: 17]. Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой.

Концепт, по мнению Ю.С. Степанова, – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [Степанов 2001: 43]. Таким образом, через выделение в рамках определенной лингвокультуры и определенных социально-исторических условий ЛК типажей и рассмотрение их как концептов культуры исследователь собирает информацию о базовых ценностях и чертах национального характера представителей данной культуры.

ЛК типаж также соотносится с понятием «стереотип». Стереотипы определяются Л.И Гришаевой как «обобщения социального опыта представителей определенной лингвокультуры, когнитивные образцы для категоризации мира, упрощенные схемы, помогающими ориентироваться в мире и в социуме» [Гришаева 2004: 200]

ЛК типаж в большей степени относится к такой форме социального стереотипа, как этнический стереотип. Этнический стереотип – обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп. Этнический стереотип характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт стереотипизируемой группы [Платонов 2007: 127]. Этнические стереотипы, которые воплощают присущие обыденному сознанию представления о собственном и чужих народах, не просто суммируют определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту.

По нашему мнению, ЛК типаж в своей основе является этническим стереотипом. ЛК типаж - это образ представителя данной этнической общности, наделенный такими чертами национального характера, которые обобщают стереотипные представления

о данной лингвокультуре. Кроме того, ЛК типаж обладает значимостью для представителей этнической общности, внутри которой он выделяется, и таким образом является автостереотипом, воплощая устойчивые представления данного народа о самих себе. Как и этнический стереотип, ЛК типаж имеет оценочную характеристику и может восприниматься членами данной лингвокультуры или представителями других наций как положительный, нейтральный либо негативный.

Понятие ЛК типаж соотносится с понятием «имидж». Имидж определяется как стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании. В основе имиджа лежит формальная система ролей, которые человек играет в своей жизни, дополняемая чертами характера, интеллектуальными особенностями, внешними данными, одеждой и т.п. Имидж формируется как на основе реального поведения индивида, так и под влиянием оценок и мнений других людей, а также в СМИ. Каждый конкретный имидж представляет собой типаж, обогащенный уникальными индивидуальными особенностями.

По нашему мнению, понятие ЛК типаж намного шире понятия имидж. Представитель культуры, воплощая в себе и отражая для носителей других культур свойства национального характера, становится ЛК типажом. Будучи ЛК типажом, представитель культуры может обладать определенным имиджем. Имидж включает в себя личностные характеристики индивида, репрезентированные в манере поведения и особенностях общения, а также убеждения, определяющие основные поступки носителя. Имидж также определяется внешним видом индивида. В большинстве случаев в число учитываемых характеристик внешности, кроме прически, черт лица и особенностей телосложения, включается и манера одеваться. Так, к примеру, составляющими имиджа детектива Шерлока Холмса являются внешние особенности и привычки, которыми обладает известный детектив, такие как манерность в поведении и привычка курить.

Как отмечает О.Г. Дмитриева, «имидж формируется сознательно, являясь инструментом для обработки общественного мнения, а типаж возникает стихийно в результате развития об-

щества. Совокупность типажей является слепком культуры, в совокупность имиджей представляет собой некий инструментарий для воздействия на адресата» [Дмитриева 2007: 6].

В каждой культуре существует совокупность представлений об особенной идеальной (модельной) личности, служащей образом для подражания, непостижимым идеалом, к которому должны стремиться все члены общества. Однако, говоря о ЛК типажах, нас интересует не идеальная личность, а типичная личность, несущая на себе отпечаток культуры. Безусловно, ЛК типаж представляет собой определенную модельную личность с набором уникальных характеристик, «но в отличие от модельной личности, которая выступает как эталон поведения и пример для подражания, ЛК типаж подобным примером не является. Кроме того, в коммуникативном массовом сознании типаж может иметь положительную и отрицательную характеристику. С изменениями ценностных ориентиров в социуме модельная личность может переоцениваться в глазах общества, переходить в разряд ЛК типажей» [Дмитриева 2007: 6].

При изучении вопроса о национальном характере рассматривается такое понятие, как модальная личность. Модальная личность описывается этнологами как собирательная личность, которая воплощает в себе особенности, черты характера и психологические характеристики, присущие большинству взрослых членов данной нации. Модальной личностью является тип, к которому относятся большинство членов данного общества. В свою очередь, национальный характер связан с частотой распространения определенных типов личности данного общества [Лурье 1997: 70,71]. Модальная личность выступает как своего рода усредненный характер отдельной культуры [Платонов 2007: 39]. При выделении ЛК типажа, мы говорим не о личности с комплексом психологических черт, имеющих более и менее широкое распространение среди членов данного общества, а о личности, являющейся значимой для всех членов данного общества.

Таким образом, ЛК типаж - это не эталон или образец (в отличие от идеальной личности) и не наиболее распространенный психологический тип (в отличие от модальной личности), а оп-

ределенный символ культуры (культурный концепт), вымышленный или невымышленный персонаж, обладающий значимостью для единой лингвокультурной среды и в то же время формирующий понимание основных особенностей нации у представителей других лингвокультур (в этом аспекте соотносится с этническим стереотипом).

ЛК типаж понимается как узнаваемый образ представителя той или иной культуры, типизированный на основе социокультурных критериев, а также определенных специфических характеристик вербального и невербального поведения [Селиверстова 2007: 6].

Приведем несколько примеров. Так, в России XIX века можно выделить ЛК типажи «гусар», «казак», «декабрист», «светский москвич», современные ЛК типажи России – «рокер», «интеллигент», «офисный работник», Франции XIX века – «светский парижанин», «буржуа», «гризетка», «французский модник» и многие другие. Внутри современной американской лингвокультуры можно выделить ЛК типаж «звезда Голливуда», изучение которого значимо для понимания базовых ценностей, присущих для представителей американской нации. При рассмотрении вопроса о национальном характере англичан существенным будет выделение таких ЛК типажей, как «чудак», «детектив» и других.

Обобщив все вышесказанное, мы определяем ЛК типаж, вслед за Дмитриевой О.А, как «особый тип лингвокультурных концептов, важнейшие характеристики которого состоят в типизированности определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, ее упрощенной и карикатурной репрезентации» [Дмитриева 2007: 3].

Список литературы

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
2. Кубрякова Е.С. Концепт// Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Пан-

List of literature

1. Maslova V. A. Liingvokulturologija: Uchieb. posobiije dlia stud. vyyssh. uchieb. zaviedenij. – M.: Iizdatieliskij thientr «Akadiemijja», 2001. – 208s.
2. Kubriakova JE.S. Konthiept// Kubriakova JE.S., Diemijankov V.Z.,

- крац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
3. Карасик В.И., Ярмахова Е.А.. Лингвокультурный типаж «английский чужак». – М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Академический проспект, 2001. – 990с.
5. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие/ Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. – 2-ое издание, дополн. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 424 с.
6. Платонов Ю.П. Психология национального характера: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Ю.П. Платонов. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 240 с.
7. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. н. – Волгоград, 2007.
8. Лурье С.В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект пресс, 1997. – 448 с.
9. Селиверстова Л.П. Лингвокультурный типаж «Звезда Голливуда»: автореф. дисс. ... канд. филол. н. – Волгоград 2007.
- Pankrath J.U.G., Luziina L.G. Kratkij slovari kogniitiivnyyx tiermiinov. - M., 1996.
3. Karasiik V.I., Jarmaxova J.E.A.. Li- ingvokulturnyyj tiipazh «anglijskij chudak». – M.: Gnoziis, 2006. – 240 s.
4. Stiepanov J.U.S. Konstantyy: Slovari russkoj kulituryy: Iizd. 2-oje, iispr. ii dop. – M.: Akadiemiichieskij prospiekt, 2001. – 990s.
5. Griishajeva L.I., Thuriikova L.V. Vviedieniije v tieoriiju miezhkulturnoj kommuniikathihii: Uchiebnoje posobiije/ L.I. Griishajeva, L.V. Thuriikova. – 2-oje iizdaniije, dopoln. – Voroniez: Voroniezshkij gosudarstvieniyyj uniiviersiitiet, 2004. – 424 s.
6. Platonov J.U.P. Psiixologiiija nathiionalinogo xarakteria: uchieb. posobiije dlia stud. vyyssh. uchieb. zaviedeniij / J.U.P. Platonov. – M.: Iizdatieliskij thientr «Akadiemiija», 2007. – 240 s.
7. Dmiitriijeva O.A. Liingvokulturnyyje tiipazhii Rossiinii ii Frantihii XIX vieka: avtorief. diiss. ... d-ra filol. n. – Volgograd 2007.
8. Lurije S.V. Iistoriichieskaja etnologiiija: Uchiebnoje posobiije dlia vuzov. – M.: Aspiekt priess, 1997. – 448 s.
9. Sieliivierstova L.P. Liingvokulturnyyj tiipazh «Zviezda Golliiivuda»: avtorief. diiss. ... kand. filol. n. – Volgograd 2007.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТРОЕНИЯ
КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ
СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ЗНАКОВ КОСВЕННО-
ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ**
(на материале именных знаков косвенно-производной
номинации современного русского языка)

К. И. Декатова

Статья посвящена анализу проблем смыслообразования знаков непрямой номинации. Целью статьи стало описание методики когнитивно-семиологического моделирования смысловой структуры знаков косвенно-производной номинации.

Проблема моделируемости знаков косвенно-производной номинации (далее – ЗКН) является одной из сложнейших во фразеологической теории. Структурно-грамматическая моделируемость фразеологических единиц признается практически всеми исследователями. Это объясняется тем очевидным фактом, что фразеологизм является не случайным набором слов, фразеологизм «возникает на базе конкретным сочетаний или по моделям подобных сочетаний» [8. С. 34]. Вопрос же о семантической моделируемости ЗКН вызвал споры в среде ученых. Ряд фразеологов отрицали семантическую моделируемость фразеологизмов, опираясь в ходе аргументации своей позиции на такие общепризнанные признаки фразеологических единиц, как их нерегулярность и непрогнозируемость (В. Л. Архангельский, Н. Н. Амосова, И. И. Чернышева, О. И. Москальская и др.). Данная группа ученых, как справедливо заметил А. Г. Назарян, рассматривала семантическую моделируемость как «построение по заданной семантической модели ФЕ с заранее предсказуемым значением», то есть построение порождающей модели [8. С. 34]. Создание подобной модели действительно невозможно, поскольку «возникновение фразеологизма – процесс стихийный, не поддающийся сознательному регулированию», а формирование фразеологического значения – это

непредсказуемые семантические преобразования прототипа [8. С. 35 – 36]. О возможности семантического моделирования ЗКН говорят те фразеологии, которые понимают моделируемость как построение не модели, обладающей прогнозирующей силой, а описательной модели (А. Г. Назарян, А. В. М. Мокиенко, В. Кунин, Ю. А. Гвоздарев и др.). Так, по мнению Мокиенко, семантической моделью, например, фразем ***палец о палец не ударить, и пальцем не пошевелить, не знать, куда себя девать*** и т. п. является инвариантная семантическая схема: значение деривационной базы ‘*абсолютно ничего не делать*’ = значение ФЕ ‘*бездельничать*’ или семантической моделью фразем ***лежать на печи, сидеть сложа руки, стоять руки в боки, стоять фертом*** и т. п. является модель: ‘*принимать позу, в которой невозможно ничего делать = бездельничать*’ [7. С. 80 – 81]. Такое моделирование описательного типа «происходит как бы пост-фактум и сводится к подведению под ту или иную <...> модель уже существующих в языке фразеологических единиц» [8. С. 38].

Многие ученые, проводившие семантическое моделирование ЗКН, признают тот факт, что большей объяснительной силой как в синхронических, так и диахронических исследованиях обладают фразеологические модели, которые представляют единство структурных и семантических констант, то есть являются структурно-семантическим инвариантом фразем (В. М. Мокиенко, А. В. Кунин, Ю. А. Гвоздарев). В отечественной фразеологии представлены разные примеры структурно-семантического моделирования ЗКН современного русского языка. Методика такого моделирования обусловлена пониманием специфики семантических и структурных признаков фразеологической модели. Так, В. М. Мокиенко под фразеологической моделью понимает «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и семантики» [7. С. 53]. В процессе построения подобной модели важное место занимает глубинный семантический анализ, или анализ внутренней формы ЗКН, а структурное моделирование предполагает выявление морфологических признаков слов, участвующих во фразеообразовании. Итогом такого структурно-семантического

моделирования становится модель, совмещающая характеристику инвариантной для ряда фразем семантической схемы с характеристикой формальных признаков фразеомобразующих компонентов. Например, структурно-семантической моделью группы таких фразем, как *работать как вол, трудиться как вол, вкалывать как вол, работать как ишак, трудиться как ишак, вкалывать как ишак, работать как лошадь, трудиться как лошадь, вкалывать как лошадь* является модель: «глагол со значением ‘работать’ + как + имя существительное со значением ‘домашнее животное, используемое для перевозки грузов, людей, для сельскохозяйственных работ’ = работать много и усердно»; структурно-семантической моделью фразем *гнуть спину, гнуть шею, гнуть горб* является модель: «глагол *гнуть* + имя существительное со значением ‘часть тела’ = раболепствовать, кланяться».

Как представляется, семантического моделирования фразеомобразовательного процесса недостаточно для выявления закономерностей взаимовлияния когнитивных и семантических процессов в ходе косвенно-производной номинации. Для изучения смыслообразования ЗКН как самоорганизующегося процесса, необходимо построение модели, отражающей строение и взаимосвязь когнитивного и семантического уровней смысловой структуры ЗКН. В связи с этим, полагаем, что наиболее адекватной продукту реального процесса смыслообразования ЗКН может стать модель, созданная в результате **когнитивно-семиологического моделирования**.

Опираясь на опыт языкового моделирования в целом и опыт построения моделей в рамках исследований фразеомобразовательного процесса, *когнитивно-семиологической моделью* смысловой структуры ЗКН мы называем обобщенно-абстрактную когнитивно-семантическую конструкцию, представляющую собой инвариантное единство когнитивных и семантических констант.

Для успешного когнитивно-семиологического моделирования обязательным является соблюдение **принципа дополнителности**, который в ходе построения модели предписывает моделировать смысловую структуру ЗКН в два этапа: 1) создание структурной модели и 2) на ее базе конструирование динамической модели.

Структурная модель представляет смысловую структуру ЗКН как двухуровневое смысловое образование, состоящее из 1) семантической структуры ЗКН и ее 2) когнитивного основания.

1. Модель когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН отражает результат специфического (синибулярного, ассоциативно-го) опознания объекта косвенной номинации и его признаков, приводящего к образованию концептуальной структуры метафорического типа. Константами модели когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН являются 1) концептуальная структура базового представления об объекте косвенно-производной номинации ($C_{об}$); 2) концептуальная структура представления, избранного для синибулярного опознания детали объекта косвенной номинации (C_d); 3) признак/ признаки объекта косвенной номинации, профилируемого/ профилируемых и выводимый / выводимые на «экран сознания» в результате метафорической интеграции представлений комплекс-структуры (f). Поскольку концептуальная структура, являющаяся «целью» метафорической проекции, и концептуальная структура, становящаяся ее «источником», могут относиться к одной или к разным сферам знания, возможна детализация когнитивного уровня модели смысловой структуры ЗКН за счет указания области знания (знание о *человеке, вещи, животных, растениях, абстрактное знание*), к которой относятся активированные в ходе косвенной номинации структуры. Например, обобщенной моделью когнитивного уровня смысловой структуры фразем **крапивное семя** – ‘чиновники-взяточники и крючкотворы; чиновники вообще’, **оранжерейное растение** – ‘о слабом, изнеженном, плохо приспособленном к жизни человеке’, **хозяйственный мужичок** – ‘об индивидуалисте-собственнике из крестьянской среды, кулаке’, **круглый сирота** – ‘ребенок, оставшийся без отца и матери’ является модель: $C_{об} (f) C_d$, а частными моделями являются модели:

1) $C_{об}$ «область знания₁ – человек» (f) C_d «область знания₁ – человек» или

$C_{об}$ «человек» (f) C_d «человек» – модель фразем *одесские жулики, круглый сирота* и т.п.;

2) $C_{об}$ «область знания₁ – человек» (f) C_d «область знания₂ – растение» или

$C_{об}$ «человек» (f) C_d «растение» – модель фразем *красивое семя, оранжевейшее растение* и т.п.

Важной детализацией модели когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН является указание на тип признака, синibuлярно опознаваемого и профилируемого в момент метафорической интеграции представлений комплекс-структуры. В современной логике и теории познания к основным разновидностям признаков объектов относят такие характеристики, как *качество, свойство, отношение*. Качественным признаком называют «нечто, присущее предмету самому по себе (хотя оно возникло, возможно, в связи с другими предметами)» [2. С. 113]. В отличие от качественного признака, который является присущим объекту фактически, свойство является проявлением «некоторого качества во взаимодействии предмета с какими-либо другими предметами <...> способностью предметов вести себя некоторым образом в определенных ситуациях» [2. С. 113 – 114]. Отношением, как правило, называют реляционное свойство. Наиболее подробный перечень содержательных признаков объекта был предложен Аристотелем, который выделил десять основных характеристик (категорий в терминологии Аристотеля) объекта: сущность или субстанция, качество, отношение, место, время, положение, состояние (обладание), действие, страдание (претерпевание), количество. Как показывают результаты исследования, во фразеологическом фонде современного русского языка преобладают именные ЗКН, которые номинируют следующие признаки:

1) **качественный** признак объекта номинации (*красный как рак* – ‘о покрасневшем от волнения, смущения и т.п. человеке’, *мозги набекрень* (у кого-то) – ‘о человеке с причудами, со странностями’); хотелось бы уточнить, что в ходе анализа именных ЗКН современного русского языка было выявлено немало единиц, являющихся косвенной номинацией субстанции и ее качественного признака (*каменный гость* – ‘о человеке (обычно пришедшем в гости), который всегда молчит’, *сладкая парочка* – ‘о влюбленных, которые слишком навязчиво демонстрируют свои отношения’);

2) **действие** (*взрыв возмущения (негодования)* – ‘внезапное сильное и шумное проявление чего-нибудь’, *битва народов* – ‘об

историческом движении, в которое вовлечены широкие народные массы'), к этой же группе отнесем ЗКН, являющиеся косвенной номинацией физического и психического состояния объекта наименования (*цыганская жара* – 'холод, озноб', *скука смертная* – 'состояние большого душевного уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему');

3) **количественный** признак (*телеграфный столб* – 'об очень высоком человеке');

4) **темпоральный** признак (*смутное время* – 'неопределенный, нестабильный период, чреватый катаклизмами в жизни общества, страны');

5) **место** действия, расположение объекта (*синее море* – 'об очень отдаленном месте', *тихая гавань* – 'о спокойном для жизни, работы месте' – % от числа исследуемых единиц);

Модель когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН может быть детализирована с помощью указания типа профилируемого признака. Например, детализированной моделью когнитивного уровня смысловой структуры фраземы *телеграфный столб* – 'об очень высоком человеке' является модель:

$C_{об}$ «область знания₁» (f – **quantitativus** – колич. признак) C_d «область знания₂» или $C_{об}$ «человек» (f – **quant**) C_d «животное» – концептуальная структура метафорического типа, объединяющая представление об объекте косвенно-производной номинации, относящееся к области знания о человеке, и представление о детали объекта, относящееся к области знания о неживом объекте, для опознания такого признака объекта, как *рост человека*.

Детализированной моделью когнитивного уровня смысловой структуры фразем *трудолюбив как пчела* – 'об очень трудолюбивом, прилежном человеке', *голоден как пес* – 'об очень голодном человеке' является модель:

$C_{об}$ «человек» (f – **qual** – 'качественный признак') C_d «животное» или

$C_{об}$ «человек» (f – **qual**) C_d «животное» – концептуальная структура метафорического типа, объединяющая представление об объекте косвенно-производной номинации, относящееся к области знания о человеке, и представление о детали объекта, отно-

сящееся к области знания о животных, для опознания качественного признака объекта.

2. Модель семантического уровня смысловой структуры ЗКН включает такие константы, как 1) семему деривационной базы ЗКН, формирующуюся из смысловых элементов речевых смыслов активированных для косвенной номинации лексем (S), и 2) семему ЗКН ($S_{зкн}$). Так, в самом общем виде моделью семантического уровня смысловой структуры фразем *белая кость* – ‘о человеке аристократического происхождения, барине, дворянине’, *голубая кость* / *голубая косточка* – ‘о человеке аристократического происхождения, барине, дворянине’, *черная кость* – ‘кто-либо незнатного, не дворянского происхождения (в дореволюционной России)’, *серая кость* – ‘о человеке низкого, неаристократического происхождения’ является модель:

$$S_{зкн} \leftarrow (S_{ад} + S_n)$$

Конкретизированным вариантом данной модели является модель:

$S_{зкн}$ ‘человек, характеризующийся определенным происхождением’ ← ($S_{ад}$ ‘цветовая характеристика’ + S_n ‘часть скелета – кость’).

3. Объединение вышеописанных моделей когнитивного и семантического уровня смысловой структуры ЗКН является созданием структурной когнитивно-семиологической модели. Так, результатом когнитивно-семиологического моделирования смысловой структуры фразем *одесские жулики* – ‘об особо опытных мошенниках’, *ростовские жулики* – ‘об опытных мошенниках’ является следующая структурная модель:

1. Когнитивный уровень смысловой структуры ЗКН –

$C_{об}$ «человек» (f – qual) C_d «человек» – концептуальная структура метафорического типа, объединяющая представление об объекте косвенно-производной номинации, относящееся к области знания о человеке, и представление о детали объекта, относящееся к области знания о человеке, для опознания качественного признака объекта – *непорядочность, нечестность*.

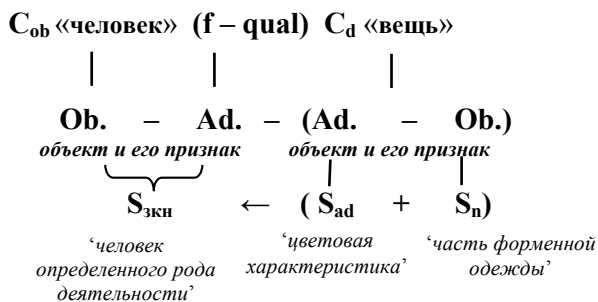
2. Семантический уровень смысловой структуры ЗКН –

$$S_{зкн} \leftarrow (S_{ад} + S_n) = S_{зкн} \text{ ‘люди, отличающиеся нечестным пове-}$$

дением' ← (S_{ad} 'относящийся к месту (городу) пребывания (проживания)') + S_n 'воры, занимающиеся мелкими кражами').

Важно заметить, что структурная модель позволяет сделать «инвентаризацию» основных когнитивных и семантических констант, однако не отражает причинно-следственные связи между элементами когнитивной и семантической структуры. Следовательно, для отражения этой связи в ходе когнитивно-семиологического моделирования смысловой структуры ЗКН возникает необходимость в конструировании *динамической модели*.

Известно, что концептуальные образования вступают во взаимодействие с семантическими структурами языковых единиц при помощи такого посредника, как структуры универсального предметного кода (УПК). В связи с этим динамическая модель в обязательном порядке должна включать подуровень когнитивного уровня смысловой структуры ЗКН – уровень внутренней речи. На данном уровне модели отражается код «смыслового узла», связывающего семантические и концептуальные структуры в ходе косвенно-производной номинации. Приведем пример динамической модели смысловой структуры фразем *серые шинели* – 'солдаты', *зелёные фуражки* – 'о пограничниках', *голубые каски* – 'солдаты сил ООН', *гороховое пальто* – 'о сыщике, агенте тайной полиции', *красная шапка* – 'о солдате', *черные береты* – 'обозначение бойцов особого подразделения милиции – отрядов специального назначения (ОМОН), омовцев', *оранжевые береты* – 'сотрудники МЧС России':

I. Когнитивный уровень модели смысловой структуры ЗКН:

1) концептуальная структура метафорического типа, сформировавшаяся в результате интеграции представлений о *человеке определенного рода деятельности* ($C_{об}$ «человек») и представлений о *части одежды людей занимающихся определенным родом деятельности* ($C_{д}$ «вещь») для профилирования качественного признака – характеристика объекта косвенной номинации по *роду деятельности* (**f – qual**);

2) «смысловый узел» является кодом, состоящим из двух частей: а) кода **Ob. – Ad.** (объект и его признак), переводящего на язык УПК концептуальную структуру знания об объекте косвенной номинации ($C_{об}$ «человек») и профилируемый качественный признак; б) кода (**Ad. – Ob.**) (объект и его признак), находящегося в генетической связи с первым кодом и переводящего на язык УПК концептуальную структуру знания о *части одежды людей занимающихся определенным родом деятельности* ($C_{д}$ «вещь»);

II. На семантическом уровне динамическая модель смысловой структуры ЗКН отражает связь семемы ЗКН ($S_{зкн}$ ‘человек определенного рода деятельности’) и семемы деривационной базы ЗКН ($S_{ад} + S_{н}$ – сочетание семемы имени прилагательного со значением ‘цветовая характеристика’ и семемы имени существительного со значением ‘часть форменной одежды’) посредством кодов «смыслового узла» с их концептуальной основой: анализ данной связи позволяет прийти к двум важным выводам: во-первых, в процессе смыслообразования ЗКН предметно-вербальному кодированию подверглась только синибулярно опознанная часть комплекс-структуры (деталь объекта косвенной номинации), а во-вторых, речевой смысл ЗКН является семантическим кодом не только качественного признака, но и самого объекта, то есть косвенно-производной номинации подвергся объект и его признак.

Построение динамической когнитивно-семиологической модели позволяет объективировать «сеть» отношений между когнитивными и семантическими структурами в пределах смысловой организации ЗКН, без анализа которых, на наш взгляд, невозможно выявление закономерностей смыслообразования ЗКН.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание, культура: Когнитивно-семантическая синергетика слова. – Волгоград, 2006.
2. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. – М., 1989.
3. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. – Ростов-на-Дону, 1977.
4. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М., 1978.
5. Копыленко, М. М. Попова, З. Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1972.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1986.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М., 1989.
8. Назарян А. Г. Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция? // Фразеологические науки. – 1983. – № 6. – С. 34 – 40.

List of literature

1. Aliefirienko N. F. Jazyk, poznanije, kulitura: Kogniitiivno-siemiihologiichieskaja siiniergiyetiika slova. – Volgograd, 2006.
2. Vojshvillo JE. K. Poniatije kak forma myyshlienija: logiiko-gnosieologiichieskij analiiz. – M., 1989.
3. Gvozdariev JU. A. Osnovyv russkogo frazoobrazovaniija. – Rostov-na-Donu, 1977.
4. Zhukov V. P. Siemantiika frazieologiichieskiix oborotov. – M., 1978.
5. Kopyylienko, M. M. Popova, Z. D. Ochierkii po obshhiey frazieologii. – Voroniez, 1972.
6. Kuniin A. V. Kurs frazieologiiihii sovriemiennogo anglijskogo jazyuka. – M., 1986.
7. Mokiijenko V. M. Slavianskaja frazieologiiija. – M., 1989.
8. Nazarian A. G. Siemantiichieskaja modielirujemosti frazieologiizmov: rialinosti iilii fikthiija? // Frazieologiichieskije naukii. – 1983. – № 6. – S. 34 – 40.

**КАТЕГОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО
СОЗНАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ЭФФЕКТИВНОМ МЕЖКУЛЬ-
ТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

Е. Н Деулина

В данной статье речь идет о национальном коммуникативном сознании и лингвокультурных аспектах формирования коммуникативного речевого поведения. Категории национального коммуникативного сознания на сегодняшний день мало исследованы. Вместе с тем их исследование и описание имеет большую теоретическую и прикладную значимость, в том числе для успешной межкультурной коммуникации. Существует целый ряд средств и учебных материалов, помогающих в формировании иноязычной коммуникативной компетенции, например аутентичные тексты, фольклорные произведения, пословицы и поговорки.

Ментальные категории, определяющие принятые в обществе нормы и правила коммуникации и тем или иным образом упорядочивающие представления и знания нации об общении и нормах его осуществления, в совокупности представляют собой национальное [2].

Описание коммуникативных категорий, установок и концептов может быть осуществлено на двух уровнях - рефлексивном и бытийном, для некоторых категорий возможен еще духовный уровень описания [1].

Рефлексивный анализ предполагает выявление структуры категории как элемента концептосферы, её связей с другими категориями и концептами в сознании человека.

Бытийный уровень описания - это уровень практического исполнения правил и предписаний, уровень коммуникативной практики - не "как надо", а "как на самом деле делают". Люди могут хорошо знать некоторые правила, но при этом знание этих правил может не сопровождаться их выполнением, что особенно характерно для русского менталитета (рефлексивно все взрослые

понимают, что перебивать собеседника нехорошо, они делают за это замечания детям, но не всегда это коммуникативное правило бытийно соблюдают сами).

Духовный уровень - это место категории в духовной культуре нации, ее принадлежность к национальным ценностям. К примеру, категория общения очень важна для русской духовной культуры, занимает в ней одно из центральных мест, чего нельзя сказать о ценности таких категорий, как толерантность, вежливость, коммуникативная неприкосновенность - русскому сознанию более важна в духовном плане такая категория, как искренность.

Каждая коммуникативная категория содержит определённое концептуальное знание о коммуникации (информационная составляющая категории), а также "прескрипции", предписания по осуществлению коммуникативного процесса (правила общения) [2.С. 91]. Прескрипционная составляющая коммуникативной категории включает прескрипции, которые носят предписывающий характер (что и как надо делать в общении), запретительные прескрипции (чего нельзя делать в общении) и интерпретирующие прескрипции (как надо понимать в процессе общения те или иные коммуникативные факты или действия).

Некоторые из таких установок отражены в пословицах, поговорках и присловьях народа (яйца курицу не учат, смех без причины - признак дурачины, коротко и ясно, брань на воротах не виснет и др.), другие выявляются только из анализа коммуникативной практики народа (через порог не разговаривают, прикосновение повышает убедительность, длительное совместное пребывание в одном месте с незнакомым человеком предполагает вступление с ним в общение, за столом надо участвовать в общем разговоре и др.).

Некоторые коммуникативные категории могут быть эндемичными или лакунарными для того или иного этноса [3]. Ср., к примеру, коммуникативные категории англоязычного западного мира - small talk, privacy, tolerance, political correctness, категории "сохранение своего лица" и "сохранение лица собеседника", характерные для западного мышления, - для русского коммуникативного сознания эти категории лакунарны; только формируется

в настоящее время в русском коммуникативном сознании категория толерантности на базе заимствованного слова. Вместе с тем, эндемичны (т.е. присущи только одному языку) такие русские коммуникативные категории, как общение, разговор по душам, выяснение отношений. Они отсутствуют в коммуникативном сознании других народов (по крайней мере, европейских).

Для русского коммуникативного сознания свойственно сугубо национальное представление об ограниченном коммуникативном суверенитете личности - русское сознание считает допустимым коммуникативное вторжение в сферу практически любой личности, почти в любых условиях, не видит препятствий, чтобы заговорить с любым человеком. Можно делать замечания незнакомым людям, давать им советы, вмешиваться в беседу, обращаться с просьбами к незнакомым людям, высказать свое мнение по поводу того, что обсуждают рядом незнакомые люди, можно близко подходить к человеку, дотрагиваться до собеседника и многое другое.

Коммуникативные категории как элементы национального коммуникативного сознания на сегодняшний день практически не исследованы. Вместе с тем, их исследование и описание имеет большую теоретическую и прикладную значимость, поскольку они несут как концептуальные знания о коммуникации в том или ином сообществе, так и предписания по реализации коммуникации для определённого народа, этнического коллектива, отдельных социальных, возрастных, гендерных групп, а также для отдельной личности.

В современных условиях особенно актуальной становится успешность межкультурного общения, которая в значительной мере зависит от степени владения коммуникативными категориями и культурными нормами коммуникативного поведения родной культуры и овладения нормами коммуникативного речевого поведения иноязычной культуры. Успешное формирование вторичной языковой личности неизбежно сопряжено с изучением специфики коммуникативного поведения в разных социальных сферах представителей другого культурного общества. В связи с этим в процессе обучения коммуникативному речевому поведе-

нию следует сформировать в сознании студентов концепты коммуникативной культуры общения, принятые в культуре страны изучаемого языка.

Обучение эффективному межкультурному взаимодействию, следовательно, должно быть организовано с учетом формирования не только коммуникативной компетенции, но концептосферы, отражающей особенности иноязычного коммуникативного речевого поведения [6]. Овладение коммуникативным речевым поведением должно осуществляться путем моделирования изучаемыми иностранный язык речеповеденческих стратегий носителей языка и культуры в коммуникативно значимых ситуациях, при параллельном формировании иноязычной концептосферы и осмыслении коммуникативно-речевых норм, присущих национальной культуре. Цель в обучении межкультурной коммуникации - построение у обучаемого системы знаний, которые соотносились бы со знанием о мире иной социокультурной общности.

Все компоненты коммуникативной компетенции наиболее полно могут быть сформированы при помощи учебных материалов, включающих аутентичные тексты разной степени сложности и коммуникативной направленности. Изучение аутентичных текстов способствует формированию фоновых знаний, дает представление о коммуникативном речевом поведении носителей языка, способствует созданию языковой и культурной картины мира.

Другим важным средством обучения коммуникативному речевому поведению, которое ни в коем случае нельзя игнорировать и на котором хотелось бы остановиться более подробно, является изучение фольклора. Фольклорные произведения можно и нужно использовать на любом этапе обучения. Поскольку у каждого народа своя культура, своя философия, своя концептосфера, то в процессе изучения фольклорных текстов выявляются и различия, и то общее, что характерно для разных этносов, что способствует сближению национальных культур и, в конечном счете, взаимопониманию.

В пословицах и поговорках как русского народа, так и других народов мира, в том числе и в англоязычной культуре, нашли отражение веками складывающиеся модели речевого поведения, свойственные представителям данных культур и обладающие оп-

ределенным набором характеристик.

Среди них можно выделить пословицы и поговорки, характеризующие модели успешного речевого поведения: требования к речи, этические нормы общения, отношение к красноречию, особенности речевого поведения в различных коммуникативных ситуациях, и т.д. К основным характеристикам моделей успешного речевого поведения, характерных для коммуникативного речевого поведения и в русской и в английской культуре, можно отнести определенную сдержанность, немногословие, осторожность в выборе слов: Говори подумав, садись осмотревшись. Думай дважды – говори раз. Знаючи говори, а не знаючи молчи. В английской культуре речевого поведения - *Speak little but speak the truth. A great talker is a great liar.*

В пословицах и поговорках русского и английского фольклора также отражены стратегии, зависящие от достоинств партнера по общению: С умным разговориться – что меду напитокся. С глупой речью сиди за печью. В английском языке: *A word to the wise is enough. Speaking without thinking is shooting without aim.*

Одно из требований к речи как в русской, так и в английской коммуникативной культуре - требование краткости, четкости изложения мыслей: Коротко да ясно – оттого и прекрасно. Хороша веревка длинная, а речь короткая. Слово – серебро, молчание – золото. В английской культуре: *The less people think, the more they talk. Who knows most says least. Speech is silver, silence is golden.*

Если продолжать перечислять сходные черты русских и англоязычных коммуникативных установок, то для русской традиции не характерна порицающая или осуждающая речь, что объясняется исследователями коммуникативного речевого поведения преобладанием в русской культуре такой черты как кротость: Не пой худой песни при добрых людях. Острое словечко колет сердечко. Ласковое слово и буйну голову смиряет.

Рассмотрим, как это представлено в английских пословицах: *Kind words are worth much but cost little. Soft words break no bones. Soft words win hard hearts. His bark is worse than his bite. Words are wind, but blows are unkind.* Структурно они различны, а содержательно идентичны.

И в русском, и в английском фольклоре можно найти пословицы и поговорки, в которых отражено негативное отношение к слову, которое не подкреплено делом. В русской культуре: Слов много, да дела мало. Кто словом скор, тот редко в деле спор. Разговорами каши не сварить. Не гляди, каков в плечах, слушай, каков в речах. Но есть и различия. Так, в русской культуре пословицы более эмоционально окрашены, личностно ориентированы. В английском фольклоре – более нейтральны: *Saying is one thing, doing is another. It's easier said than done. Action speaks louder than words.*

Как и другие коммуникативные категории, пословицы и поговорки можно рассматривать и в качестве концептуальных знаний о коммуникации и коммуникативно-речевом поведении, и в качестве предписаний: *Говори подумав, садись осмотревшись. First think, then speak. Говори, да не спорь, а хоть спорь, да не вздорь. Be slow to promise and quick to perform.*

Изучение пословиц и поговорок, отражающих модели национального речевого поведения, представляет значительный интерес, поскольку они, по сути, являются нормами речевой этики и раскрывают национально – специфические особенности коммуникативного речевого поведения как в родной, так и изучаемой культуре, и способствует формированию у изучающих иностранный язык представления об условиях успешной коммуникации.

Описание определенных моделей речевого поведения, стратегий и тактик иноязычного общения является одной из основных задач коммуникативной лингвистики. Знание этих моделей необходимо для прогнозирования поведенческих реакций собеседника и хода развития событий общения, для выбора необходимых коммуникативных стратегий. Все это способствует приобщению к концептуальной системе мировидения носителей языка и культуры, развитию умения адекватно интерпретировать и принимать национально культурное своеобразие партнеров по коммуникации, в целом способствует формированию готовности вступать в межкультурное общение.

Список литературы

1. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили: К началу органической психологии. – М., 1997.
2. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании. // Лингвистический вестник. Вып. 4. – Ижевск: ТГУ, 2002. – С. 87-94.
3. Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.
4. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002.
5. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993.
6. Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998.
7. Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.

List of literature

1. Ziinchienko V.P. Posox Mandielishtama ii trubka Mamardashvili: K nachalam organiichieskoj psiixologii. – М., 1997.
2. Stierniin I.A. O nathiihonalinom kommuniikatiivnom soznaniihii. // Liingviistiichieskiiij viestniik. Vyyp. 4. – Iizhievsk: TGU, 2002. S. 87-94.
3. Etnokuliturnaja spiethiifiika jazykovogo soznaniija. – М., 1996.
4. Jazyk ii nathiihonalinoje soznaniije. Voprosy tieoriihii ii mietodologii. – Voroniez, 2002.
5. Jazyk ii soznaniije: paradoksalinaja rathiihonalinosti. – М., 1993.
6. Jazykovoje soznaniije: formirovaniije ii funkthiihoniirovaniije. – М., 1998.
7. Jazykovoje soznaniije ii obraz miira. – М., 2000.

ЕДИНИЦЫ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ *(к проблеме креолизации специальной коммуникации)*

С. П. Кушнерук

Наука, техника и деловые коммуникации, как правило, имеют закрепленные формы. Объединение текстовых единиц - одна из самых актуальных проблем как в теории, так и в практике документной коммуникации; объединение осуществляется, в том случае если список единиц, использованных в текстах, - известен. Некоторые методы топологических исследований текстовых единиц уже разработаны, поэтому мы берем именно аспект невербальных компонентов текста. Единицы этого класса исследуются как в типологическом разнообразии, так и в особенностях документной коммуникации.

Один из самых важных компонентов (если не самый важный) документа – документный текст – практически не рассматривается в исследовательском аспекте. О текстах документов говорят и пишут лишь в практическом аспекте, перечисляя типичные ошибки, предлагая варианты текстовых решений, анализируя конкретные стилевые ситуации, связанные с формами документных текстов [Демидова, 1991; Офисная документация..., 2004; Тройка. 2001]. Изменение общественного отношения к документной коммуникации, рост ее проникновения в различные стороны жизни даже той части населения, которая не связана профессионально с деловой коммуникацией, понимание специфики документных коммуникативных процессов, в том числе, - с точки зрения их языковых составляющих, стандартизация и унификация средств специальной коммуникации, – все это дает основание рассматривать языковую сторону документных процессов как важное научно-практическое направление современной теоретической и практической лингвистики в ее взаимодействии с теорией коммуникации и системным моделированием.

Выделение и классификация наиболее значимых компонентов целого является общим исследовательским принципом, реа-

лизуемым на однородном материале-объекте исследования. Если рассматривать документные тексты как неограниченную совокупность лингвистических объектов с устойчивой внутренней типологической неоднородностью, обусловленной сложившимися классами документов, то появляются основания для двух гипотез.

Во-первых, специфика коммуникативных процессов, действие регулирующих механизмов, сложившаяся национальная языковая традиция и сама прагматика документной коммуникации предполагают ограничение круга лингвистических средств, используемых в документных текстах. То есть формируется относительно устойчивая разноуровневая языковая подсистема с явным доминированием некоторых классов языковых единиц, ориентированная на порождение документных текстов и, одновременно, с жестким запретом реализации единиц, относящихся к другим языковым классам.

Во-вторых, просматривается внутренняя неоднородность в использовании документных средств, являющаяся производной от функционально-типологической отнесенности документных текстов. Формируется ограниченный круг документных единиц, реализуемых во всех типах документных текстов. Он испытывает влияние различных распределительных механизмов, которые обусловлены типологией документов [Кушнерук, 2005].

Таким образом, упрощая картину, можно сказать, что, несмотря на то, что тексты документной коммуникации обладают общей языковой спецификой, отмечается внутренняя дифференциация текстовых типов по распределительным параметрам текстовых составляющих: тексты делового письма, приказа, инструкции при общности лингвистических черт различаются на видовом лингвистическом уровне.

Обращение к широкому множеству текстов, представляющих различные документные группы, дало основание предложить формально-описательную модель многообразия документных единиц.

По характеру и происхождению знаковых компонентов выделяются *первичнознаковые* и *вторичнознаковые* текстовые компоненты.

К первичнознаковым отнесем те *вербальные* компоненты, которые включают лексические единицы естественного (в данном случае – русского языка) или являются ими, участвуя в создании текста с теми значениями, которые либо представлены в общих или специальных словарях языка, либо используются без дефиниций в коммуникации субъектов, представляющих определенную профессионально-предметную сферу. Вторичнознаковые текстовые компоненты – некоторая совокупность текстовых единиц, включающих как специальные символные элементы (иконны, символы, коды), так и невербальные компоненты: иллюстративно-графические, табличные и другие.

Типологическое разнообразие вербальных компонентов документных текстов затрудняет единый систематико-классификационный подход при изучении компонентов. Однако, пользуясь традиционными понятийно-классификационными критериями, установившимися в рамках современной лексикологии (хотя бы на уровне самого метаязыка) [Лингвистический..., 1990], обратим внимание на классы единиц, характерных для документных текстов.

Терминологические компоненты. Как показывают исследования, часто уровни терминологической насыщенности текстов, представляющих многие виды научно-технических документов и документов официально-деловой коммуникации, принципиально не различаются, если разговор идет лишь о количественной характеристике терминологической реализации. Различия в качественном составе терминов - официально-деловая коммуникация имеет ряд доминантных терминосистем (право, экономика, управление, собственная терминология документоведения) в отличие от внутритекстовой предметно гомогенной терминологии научных и технических документных текстов.

Нейтральная лексика. Используется как в текстах научно-технических, так и официально-деловых документов. Использование лексики этой группы явно противопоставляется реализации ненейтральной, окрашенной лексики в текстах иных функционально-тематических направлений. Такие качества, как нейтральность и книжность лексико-фразеологических единиц создают общий лингво-коммуникативный фон использования и создания доку-

ментных текстов. Использование единиц этого класса является неизбежным условием, соотнесенным как с общими принципами документной коммуникации, так и с частными ограничениями, книжностью и нейтральностью как сложившимися качествами, обязательными для документного способа коммуникации.

Речевые клише, штампы, формулы. Для этой группы специфических речевых средств не установились однозначные межпонятийные отношения. Иногда термины «штамп» и «клише» рассматриваются как синонимы, что не совсем, на наш взгляд, верно. Использование слова «штамп» как оценочного с негативным значением размывает специальную функционально-смысловую доминанту понятия. Использование термина «клише» не только «облагораживает» именование значимых текстовых единиц. Под клише, в отличие от речевых формул, нами понимаются законченные фрагменты высказываний или цельные высказывания, несущие явную окраску функционально-коммуникативной отнесенности: *к исполнению, исправленному верить, исполнить и доложить, в приказ* и другие. Речевые формулы - устоявшиеся по составу инициализаторы текстовых фрагментов или лексико-фразеологические внутритекстовые строевые элементы. Например: *поднимается вопрос о..., обращается внимание на..., в связи с вышеизложенным..., на основании этого...* и ряд других. В некоторой степени эти единицы являются маркерами функциональной отнесенности текстовых фрагментов.

Безусловно, высокий уровень функциональной и лингвистической неоднородности документных текстов обуславливает широкую вариантность реализации единиц, относящихся к той или иной видовой группе документов. Отметим, что комбинаторика текстовых средств еще более усложняется применением одновременно с вербальными единицами текстовых элементов, имеющих невербальный характер. При разнородности сохраняется коммуникативное единство текста, отношения между вербальными и невербальными фрагментами документных текстов могут носить различный характер, однако чаще всего невербальные текстовые компоненты вторичны, подчинены вербальным, выполняя различные функции: эмоционально-образного воздействия, иллюст-

рирования, аргументации, формулирования итогов или результатов в количественном или ином формализованном виде.

Обращение к невербальным документным средствам актуально по ряду причин. Во-первых, в связи с типологическим ростом документов, предполагающих использование невербальных средств; во-вторых, по причине принятия международной документной практики и нормативных условий, в соответствии с которыми частота реализации невербальных документных средств должна быть увеличена. В-третьих, использование невербальных компонентов повышает информационную плотность документных текстов, упрощает их восприятие, увеличивает аргументационно-воздействующие потенции документа в целом. Исследование документных текстов (при широком понимании документа, включающем в круг объектов завершенные коммуникативные формы в научно-технической и официально-деловой сферах) позволило выделить следующие типологические группы невербальных документных средств.

Матричные формы представления документных данных. Речь идет, прежде всего, о табличных материалах, организующих качественные или количественные данные. Систематизация документных данных по одному, двум или, что бывает существенно реже, трем классифицирующим признакам имеет основную – табличную форму представления. Многообразие видов таблиц не изменяет их презентующей и аргументационно-знаковой сущности, связанной с основным принципом построения таблицы: фиксации невербального показателя в той позиции, которая определяется характером связи с классифицирующими параметрами. Безусловно, вербальные единицы могут быть организованы в виде таблицы в результате классификационных подходов. Однако речь идет не о единицах, а о выборе формы их организации и о способе представления данных, которые стоят за той или иной формой презентации.

Диаграммно-графические компоненты. Типологическое многообразие диаграмм и графиков позволяет приспособить эту форму представления документных данных к практически любому виду документного текста и ко многим видам самих данных.

Существует некоторое противопоставление линейно-графических форм представления (графиков) и дискретно-графических (диаграмм, номограмм и пр.), однако оно разрешается содержанием описываемого явления или процесса, видом документного текста, в котором невербальный компонент используется, и действием формальных и/или неформальных ограничителей, действующих в современной документной практике.

Символьно-графические компоненты. Под символьно-графическими компонентами понимается широкая группа невербальных средств, к которым относятся эскизные компоненты, рисуночные и фотоматериалы, принципиальные схемы и блок-схемы. Список далеко не полный, а его неоднородность свидетельствует лишь об одном: в качестве компонентов документных (и иных) текстов невербальные составляющие совершенно не изучены, существующие интересные и многоаспектные работы по паралингвистике не только имеют предварительно-оценочный характер, но и ориентированы на поведенческие составляющие коммуникативных процессов, а не невербальное многообразие текстовых материалов. Ширина группы, нуждающейся, видимо, во внутреннем структурировании, подтверждается двумя примерами: символьный состав радиотехнических принципиальных схем, закрепленный стандартом, и, с другой стороны, - эскиз, его элементы имеют произвольный по своим решениям характер.

Процессуально-иерархические графические модели. Видовая группа невербальных средств, одинаково значимая как для официально-деловых, так и для научно-технических текстов. Используется для графической интерпретации динамических процессов (например, сетевые графики, графики, отражающие движение документа).

Второй подвид материалов этой группы - графика, представляющая иерархические зависимости: структурно-описательные модели подразделений, графические представления иерархических классификаций, невербальные разделы документных текстов, представляющих описания с отношениями родо-видовой зависимости или с отношениями часть-целое. Совершенно очевидно, что в текстах и научно-технических документов, и документов

официально-деловой коммуникации отражение подобных содержательных отношений не редкость.

К настоящему времени ни лингвистика невербальных средств [Колшанский, 1974; Крейдлин, 2002], ни семиотика не предлагают надежных исследовательских подходов для анализа невербальных документных компонентов и особенностей их связей с вербальными текстовыми составляющими. Представленные группы невербальных документных средств не являются исчерпывающими и не могут рассматриваться как детальная и непротиворечивая классификация. Однако роста частоты использования разнообразных невербальных документных единиц, их высокие коммуникативно-выразительные возможности, расширение сферы использования в документной практике дают основание начать описание и изучение этих специфических элементов документных текстов.

Список литературы

1. Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы. – М.: «Русский язык», 1991.
2. Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М.: Высшая школа, 1974.
3. Крейдлин Г. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. – М.: Нов. лит. обозрение, 2002.
4. Кузнецова Т.В. Делопроизводство (документационное обеспечение управления). – М.: ЗАО «Бизнес-Школа» Интел-Синтез, 2002.
5. Кушнерук С.П. Современный документный текст: проблемы формирования, развития и состава. – Волгоград, Волгоградское научное издательство, 2005.

List of literature

1. Diemiidova A.K. Posobiije po russkomu jazyyku. Nauchnyy stili. Oformlieniije nauchnoj raboty. – М.: «Russkii jazyk», 1991.
2. Kolshanskii G.V. Paraliingviistiika. – М.: Vuysshaja shkola, 1974.
3. Kriejdliin G. Nievierbalinaja semiiohtiika: jazyk tiela ii jestiestviennyj jazyk. – М.: Nov. liit. obozrieniije, 2002.
4. Kuzniethova T.V. Dieloproiizvodstvo (dokumentathiihonnoje obiespiechiieniije upravlieniija). – М.: ZAO «Bizniesz-Shkola» Iintiel-Siintiez, 2002.
5. Kushnieruk S.P. Sovriemiennyj dokumientnyj tiekst: problieemy formiirovaniija, razviitiija ii sostava. – Volgograd, Volgogradskoje nauchnoje iizdatielistvo, 2005.

6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990.
7. Офисная документация: подготовка и оформление / Сост. И.Н. Кузнецов. – М.: «Книжный дом», 2004.
8. Troyka L. Q. Quick Access. Reference for Writers, 3rd ed. Prentice Hall, Upper Saddle River, NJ, 2001.
6. Liingviistiichieskiiij enthiiklopie-diichieskiiij slovare / Gl. ried. V.N. Jarthieva. – M.: «Sovietskaja enthiiklopie-diija», 1990.
7. Ofiisnaja dokumentathiiija: podgotovka ii oformlieniije/Sost. I.N. Kuzniethov. – M.: «Kniizhnyj dom», 2004.
8. Troyka L. Q. Quick Access. Reference for Writers, 3rd ed. Prentice Hall, Upper Saddle River, NJ, 2001.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, ПАРЕМИИ И ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТРАКТОВКЕ ЧЕЛЯБИНСКИХ СТУДЕНТОВ

О.Н. Марфунцева

Статья написана по итогам работы, проведенной учебно-научной лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета в рамках проекта «Лингвокультурная грамотность» в течение 2007-2008 гг. Она посвящена изучению степени знания студентами гуманитарных специальностей прецедентных высказываний, паремий и фразеологизмов. В заключении делаются выводы о влиянии на уровень знания студентов их приобретенности к массовой культуре и степени углубленности в содержание образовательных программ (вузовской и школьной).

«Прецедентные тексты - стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре и которые допускают в связи с этим особые формы их использования» [Караулов, 216].

Актуальность исследования прецедентных феноменов обусловлена тем, что прецедентные высказывания как объект научного анализа обладают новизной и недостаточно изучены в лингвистике, хотя они оказываются значимыми для личности в различных отношениях: можно говорить о познавательном и эмоциональном аспектах их употребления. Использование в речи прецедентных текстов является показателем уровня развития языковой личности. Так, судя по нашим наблюдениям, студенты младших курсов университетов, в полном объеме освоившие программу средней школы, ряд гуманитарных дисциплин в вузе, редко используют в качестве прецедентных цитаты и образы русской и мировой художественной культуры. Гораздо чаще они обращаются к текстам популярных песен, рекламы, теле-шоу.

Сегодня широко распространена классификация прецедентных феноменов Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, В. В. Красных и

Д. В. Багаевой [1997], предложивших разграничивать их следующим образом: прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные тексты.

Однако остается немало спорных вопросов. Так, в современной лингвистике активно обсуждается вопрос о критериях выявления прецедентных имен. Значимыми могут быть в этом случае критерии связанности соответствующих имен с классическими произведениями [Караулов 1987] и общеизвестности соответствующих феноменов [Красных 2002] или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества [Гудков 1999]. Дискуссионным остается и вопрос о принадлежности к рассматриваемому классу фразеологизмов и паремий.

Дело в том, что до сих пор не выработаны единые основания для классификации прецедентных феноменов. Различия в выборе принципов классификации зависят также от цели и задач исследования, рассматриваемого материала, научной школы, к которой принадлежит автор, и ряда иных факторов.

Ю. Н. Караулов к числу прецедентных текстов относит "готовые интеллектуально-эмоциональные блоки", значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации, а прецедентными называет тексты, "значимые для личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности" [Караулов 1987: 216]. Способами введения указаний на прецедентные тексты признаются: цитата, название текста, имя автора или персонажа, - что значительно расширяет представления о формах присутствия "чужого слова" в интертексте.

Наше исследование направлено на изучение степени знания студентами гуманитарных специальностей названий произведений, высказываний известных личностей, цитат из литературных произведений и фильмов. Благодаря работе, проведенной учебно-научной лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета в рамках проекта

«Лингвокультурная грамотность» в течение 2007-2008 гг., появилась возможность охарактеризовать некоторые черты языковой личности современного российского студента. Опрос проводился среди студентов разных вузов и учреждений среднего специального образования г. Челябинска в возрасте 17-23 лет для определения уровня культурного развития учащихся.

Обратимся к названию произведений научной, художественной литературы (проза, поэзия, драматургия), фильмографии и пр. Что касается фильмов, то здесь названия «Бриллиантовая рука» или «Белое солнце пустыни» вызывали в сознании опрошенных различные реакции: актерский состав (*фильм с Никулиным, Миронов*), жанровую принадлежность киноленты (*комедия*), герои фильма (*товарищ Сухов, Гольчатый*), реалии фильма (*гипс, гарем*), связь с эпохой создания (*застой*), автор фильма (*фильм Гайдая*). Большинство же реципиентов определяли принадлежность к кинематографической сфере одной лексемой – *фильм* (70% и 90%). Если название позволяло обратиться как к литературному произведению, так и к его экранизации («Унесенные ветром», «Звезда», «Отверженные» и пр.), чаще было обращение к литературному, а не к кинематографическому контексту: «Унесенные ветром» - *роман Маргарет Митчелл* (18%), *роман* (18%), *фильм, сериал* (15%); «Кавказский пленник» - *произведение* (с последующим указанием автора: *Толстой Л., Пушкин А.С.*) (93%), *фильм, название фильма, кино* (3%).

В трактовке названий литературных произведений в порядке убывания можно отметить следующий ассоциативный ряд реакций у реципиентов: автор произведения («Остров сокровищ» - *Стивенсон*, «Оливер Твист» - *Диккенс*, «Облако в штанах» - *Маяковский*), жанровая принадлежность («Цыганы» - *поэма Пушкина*, «Униженные и оскорбленные» - *роман Достоевского*, «Три медведя» - *сказка*), имена действующих лиц («Орлеанская дева» - *Жанна Д'арк*, «Кавказский пленник» - *повесть Толстого, Жилин*, «Конек-горбунок» - *Иван-дурак*), разного рода критические клише («Евгений Онегин» - *энциклопедия русской жизни*), хронологические и культурные рамки («Золотой осел» - *античная литература*, «Незнакомка» - *Серебряный век*), место действия в произведении («Кавказский пленник» - *Жилин, аул*).

Путаница между «Золотым теленком» Ильфа И. и Петрова Е. и «Золотым ослом» Апулея говорит о том, что около 5% опрошенных либо не знакомы вообще, либо мало знакомы с этими произведениями. Названия некоторых циклов произведений не вызывали никаких реакций («Человеческая комедия»). Таким образом, знание литературных произведений зависит не от их национально-культурной принадлежности (имеется в виду оппозиция «русская - зарубежная литература»), а от популярности обращения к ним в различных контекстах (кинематография, опера).

Для толкования реципиентам были предложены и иноязычные высказывания в оригинальном написании. Уровень знания этих прецедентных высказываний и их переводов оказался невелик – не выше 5%. Опрашиваемые пытались определить язык прецедентного феномена (*Curriculum vitae* – латинский фразеологизм, *Quod erat demonstrandum* – латынь), авторство, причем не всегда верно (*Si vis pacem para bellum* – Цезарь, Наполеон), приводили дословный перевод известных в фразе слов (*Enfant terrible* – что-то ужасное, *Ex cathedra* – кафедра), непосредственно значение (*Curriculum vitae* – биография). Переводные высказывания, однако, часто вызывали обратный перевод («Человеку свойственно ошибаться» - *Erare humanum est*, «Отправиться к праотцам» - *Ad patrem*). Из этого несложно сделать вывод, что знаниями в данной области обладают лишь студенты филологических, юридических, медицинских специальностей, в чью программу обучения обязательно включается латынь. Легко дается этим реципиентам обратный перевод русского варианта на язык оригинала.

Обратимся к результатам опроса по толкованию прецедентных высказываний, включаемых в текст в неизменном виде (высказывания исторических и культурных деятелей, реплики литературных персонажей). Установление авторства оказывалось не всегда сильной задачей, хотя с ней и справились около 40% опрошенных. Большинство студентов пытались определить автора реплики («Если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать»: высказывание Вольтера приписали Гете, Ленину, М. Горькому, и только 8% опрошенных верно назвали автора; «Я мыслю, значит, существую»: имя Р.Декарта не было названо ни разу, а высказывание приписано

Юму; «Государство – это я!» - авторство приписано и Бонапарту, и Цезарю). Если речь шла о цитации литературного произведения, то здесь определялись название произведения («Бойся данайцев, дары приносящих» - «Илиада», «Быть или не быть – вот в чём вопрос?» - «Гамлет»), его автор («Я памятник себе воздвиг нерукотворный» - *стихотворения Пушкина*), автор высказывания («Элементарно, мой дорогой Ватсон!» - *слова Шерлока Холмса*), его значение («Элементарно, мой дорогой Ватсон!» - *очень просто*), подбирались различные жанровые обозначения для прецедентного феномена (*афоризм, пословица, поговорка, мудрость, цитата*). Также встречались сопутствующие в рамках контекста ассоциации, понятия, персоналии («Бойся данайцев, дары приносящих» - *троянский конь, Улисс*) и попытки продолжить фразу («Я памятник себе воздвиг нерукотворный» - «*к нему не зарастет народная тропа*»).

Можно сделать вывод о непрочных знаниях студентов в этой области. Только известное из школьной программы воспроизводится легко. Многообразие подходов к толкованию и частых ошибок определяется мозаичностью знания и ассоциативностью мышления. Так, если реципиент не помнит, кому принадлежат слова «Государство - это я!», но нетрудно предположить, что это, к примеру, какой-либо император, и тогда в качестве авторов могут быть предложены и Бонапарт, и Цезарь.

Теперь обратимся к анализу результатов опроса по толкованию реципиентами пословиц, поговорок и фразеологизмов, не включенных нами в число прецедентных текстов или высказываний. Средний уровень знания их составляет 58%: то есть больше половины опрошенных определили, какой перед ними речевой жанр, и сумели истолковать значения паремий и фразеологизмов. Как ни странно, затруднения возникали, в основном, с определением жанровой принадлежности: термины «пословица», «поговорка», «цитата», «фразеологизм» оказывались синонимами. Так например, поговорка «хоть видит око, да зуб неймет» была названа и пословицей, и фразеологизмом. Или, например, поговорка «Чему быть, того не миновать» трактовалась как: *поговорка* (34%), *пословица* (34%), *народная мудрость* (3%), *крылатое выражение* (3%), *фразеологизм* (3%).

Таким образом, уровень знания прецедентных высказываний определяется включенностью их в школьную программу или в программу обучения по специальностям на различных факультетах. Важную роль играют также функциональность и актуальность данного прецедента в массовой культуре: чем в большем количестве различных контекстов употребляется то или иное понятие, тем оно более популярно.

Список литературы

1. Гудков, Д.Б., Красных, В.В., Захаренко, И.В., Багаева, Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний / Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1997. – №4.
2. Земская, Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет / Е.А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987.
4. Красных, В.В., Гудков, Д.Б., Захаренко, И.В., Багаева, Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1997. – №3.

List of literature

1. Gudkov, D.B., Krasnyyx, V.V., Zaxarienko, I.I.V., Bagajeva, D.V. Niekotoryyye osobiennosti funkthiihoni-irovaniija priethiedientnyyx vyyskazyvaniij / Viestnik Moskovskogo uniiviersiitieta. - Sier. 9. Fiilologija. - 1997. - №4.
2. Ziemskaia, JE.A. Thiitathija ii viidyy jezo transformathiihii v zago-lovkax sovriemiennyx gaziet / JE.A. Ziemskaia // Poetiika. Stiiliistiika. Jazyk ii kultura. - M., 1996.
3. Karaulov, JU.N. Russkii jazyk ii jazykovaja liichniosti / JU.N. Karaulov . – M.: Nauka, 1987.
4. Krasnyyx, V.V., Gudkov, D.B., Zaxarienko, I.I.V., Bagajeva, D.V. Kogniitiivnaja baza ii priethiedientnyye fienomienyy v siistiemie drugiix jediiniith ii v kommuniikathiihii // Viestnik Moskovskogo uniiviersiitieta. - Sier.9. Fiilologija. - 1997. - №3.

ЗНАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ АБИТУРИЕНТОВ

Л.Р. Мусина

Проект «Лингвокультурная грамотность» разрабатывался в лаборатории межкультурных коммуникаций ЧелГУ с 2006 по 2008 год и был направлен на исследование лингвокультурной грамотности абитуриентов. В статье анализируется узнавание абитуриентами прецедентных имен.

Культурное пространство национальной общности невозможно представить без знания ее представителями имен выдающихся деятелей прошлого и настоящего. Хотя культура и характеризуется как «порождение коллективной жизнедеятельности людей», ее практическими творцами и исполнителями являются отдельные личности.

К числу важнейших проблем, исследуемых лингвокультурологией, относится изучение прецедентных имен. В.А. Маслова к прецедентным именам относит «индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами (Обломов, Тарас Бульба), с ситуациями, которые известны большинству представителей данной нации (Иван Сусанин)». Нам также представляется важным проанализировать узнавание важнейших имен, связанных не только с русской культурой, но и с мировой, так как культурное пространство России не может быть взято изолированно от внешнего мира, наша культура формировалась в тесной связи с мировой, поэтому определение В.А. Масловой мы предлагаем расширить: прецедентные имена – это индивидуальные имена деятелей национальной и мировой культуры, связанные с широко известными текстами, с ситуациями, которые известны большинству представителей данной нации.

Кругозор культурно грамотного русского человека немислим без знания отдельных прецедентных имен. Прежде всего, это фамилии тех людей, которые оказали огромное влияние на развитие национальной и мировой культуры: труды выдающихся ученых

Г. Галилея, Л.Д. Ландау, К.Э. Циолковского и С.П. Королева способствовали прогрессу всемирной науки; писатели А.С. Пушкин, И.В. Гете, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой открыли миру новую правду о человеке, остро поставили вопрос о смысле его жизни; художники Л. да Винчи, С. Боттичелли, И.И. Шишкин, Н.И. Крамской, С. Дали восхищают любого ценителя живописи; композиторы И.С. Бах, Л. Бетховен, А. Вивальди, П.И. Чайковский, Д.Д. Шостакович не могут не быть включены в историю мирового музыкального искусства. Также для русского культурно грамотного человека важно знать те прецедентные имена, которые связаны с широко известными национальными и зарубежными текстами. К их числу относятся герои произведений художественной литературы, например Гамлет, Робинзон Крузо, Евгений Онегин, Чичиков, Базаров, Мефистофель. Существенный культурный смысл несут в себе имена мифологических (Зевс, Аполлон, Геракл) и библейских (Адам и Ева, Каин и Авель, Богородица) персонажей. Роль знания прецедентных имен в формировании культурного пространства отдельной языковой личности и народа в целом нельзя недооценивать, так как эти имена являются хранителями глубинного смысла, несут в себе значимый культурно-информационный код.

Проект «Лингвокультурная грамотность» разрабатывался в учебно-научной лаборатории межкультурных коммуникаций ЧелГУ под руководством профессора Шкатовой Л.А. с 2006 по 2008 год и был направлен на исследование лингвокультурной грамотности абитуриентов путем свободного ассоциативного эксперимента. Реципиентам предлагалось заполнить анкеты, в состав которых были включены научные термины (не выходящие за пределы школьной программы) из области гуманитарных и естественных наук, политики, искусства, а также прецедентные имена. От некоторых имен и терминов мы намеренно отказались, исключив их из состава анкет, так как предпочли, что абитуриентам по школьной программе хорошо известны, например, имена А.С. Пушкина, И.А. Бунина, И.А. Крылова и др. В процессе работы над проектом «Лингвокультурная грамотность абитуриентов» обрабатывались данные ассоциативного опроса абитуриентов, итоговое число обработанных анкет составило 1400. Большая часть опрошенных – девушки в возрасте 17-19 лет,

русские, проживают в Челябинске, являются студентками гуманитарных факультетов высших учебных заведений города.

Количественный и качественный анализ узнавания прецедентных имен позволил выделить несколько тенденций, связанных с характеристикой уровня лингвокультурной грамотности абитуриентов.

Важная особенность прослеживается уже в неравномерном узнавании тематических групп прецедентных имен. Самыми узнаваемыми оказались прецедентные имена, связанные с важнейшими культурными текстами: литературные герои и фольклорные персонажи – 60%, библейские персонажи – 58%, мифологические персонажи – 54%. Причина кроется даже не столько во включенности таких имен в обязательный курс школьной программы, сколько в традиционной устойчивости, закреплённости их употребления в нашей культуре. Имена некоторых героев художественных произведений стали нарицательными, в языковой практике они могут восприниматься и автономно по отношению к тексту – источнику (Гулливер – «великан»; Квазимодо – «урод, горбун»; Остап Бендер – «комбинатор» и др.). Имена деятелей, чей вклад в культуру обязательно изучается в школе узнаваемы абитуриентами в достаточной степени: русские исторические деятели – 51%, писатели, ученые-филологи – 42%, музыкальные исполнители – 40%, композиторы – 39%, ученые (естественнонаучное направление) – 37%, художники и скульпторы – 35%. Знание именно этих имен призвано обеспечить полноценный процесс культурного наследования и упрочнить духовную связь поколений в России. Наименее узнаваемыми оказались те имена, обязательного знания которых школьная программа не требует: актеры театра и кино – 38%, спортсмены – 38%, врачи – 31%, философы – 27%, изобретатели – 21%, режиссеры – 17%, деятели балета – 16%. В данном случае можно отметить общую тенденцию вытеснения театра, спорта, балета из сферы личных интересов абитуриентов.

На знание реципиентами некоторых прецедентных имен повлияло не только содержание школьной программы, но и активное воздействие информационно-культурной среды национальной общности, например, транслирование в средствах массовой информации, представленность в индустрии кино- и шоу-бизнеса.

Обозначенная выше тенденция отчетливо проявилась в узнавании фамилий знаменитых режиссеров, актеров и музыкальных исполнителей, так как специфика деятельности людей, принадлежащих к этим профессиям, заключается в потребности публичных форм профессиональной и личностной самореализации. Так, самые узнаваемые режиссеры – это классики советского кино Э.А. Рязанов, С.Ф. Бондарчук, Л.И. Гайдай, чьи фильмы часто показывают по телевидению, а фамилии и по сей день остаются на слуху у большинства россиян. В то же время лишь немногие реципиенты смогли дать реакцию на стимулы-фамилии элитарных режиссеров А. Куросавы, С.М. Эйзенштейна, М. Антониони. Яркие, неповторимые образы, воплощенные в кинофильмах актерами А. Челентано, Ч. Чаплином, Ж.П. Бельмондо, И.М. Чуриковой, Н.П. Караченцевым, Л.М. Ахеджаковой, А.А. Мироновым прекрасно известны современной молодежи, так как фильмы с их участием очень популярны в нашей стране. В меньшей степени реципиенты знакомы с творчеством великих актеров начала XX века В.Ф. Комиссаржевской, В.В. Холодной, С.В. Образцовой. Большое количество верных реакций было получено на стимулы-имена популярных современных исполнителей П. Маккартни, И.Д. Кобзона, М.С. Боярского. Почти не знают реципиенты имен Э. Фитцджеральд, И.К. Архиповой, М. Влади, М. Каллас.

Современная лингвокультурная ситуация знания абитуриентами прецедентных имен режиссеров, актеров и музыкальных исполнителей, позволяет сделать вывод о слабом процессе культурного наследования. Мы живем в культурологически кризисное время, когда еще не завершился процесс переоценки ценностей: идеалы прошлых десятилетий отвергнуты, а новые еще не до конца оформились. Вследствие этого из культурной памяти современной молодежи стираются прецедентные имена великих деятелей искусства прошлого, ведь о них не вспоминают ни в популярных, телепередачах, ни в модных периодических изданиях.

Возвращаясь к исходной мысли о том, что уровень лингвокультурной грамотности определяется знанием прецедентных имен, сделаем несколько итоговых замечаний.

Анализ узнавания прецедентных имен выявил в целом удов-

летворительный уровень лингвокультурной грамотности абитуриентов Челябинской области.

К факторам, определяющим уровень лингвокультурной грамотности абитуриентов, относится, во-первых, включенность стимула в курс школьной программы, во-вторых, воздействие информационно-культурной среды национальной общности, и, в-третьих, сфера личных интересов и увлечений реципиента. В этом ряду важнейший среди факторов – включенность в курс школьной программы, глубина изучения и качество усвоения лингвокультурного материала, поскольку именно за школой закреплена на государственном уровне процесс воспитания и образования личности. Следовательно, возникает тесная связь между уровнем лингвокультурной грамотности абитуриента и уровнем компетенции школьного педагога. Обучение в среднем профессиональном и высшем учебных заведениях должно быть направлено на расширение, качественное повышение уровня лингвокультурной грамотности: читаемые студентам курсы должны быть практически значимы.

В связи с коренными изменениями, происходящими в настоящее время в российской системе образования, а также переходом в информационное общество, мы считаем необходимым контролировать уровень лингвокультурной грамотности, которая предполагает не столько знание конкретной информации, а умение грамотно ей владеть, быть открытым к культурному диалогу с миром.

Список литературы

1. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
2. Флиер А.Я. Культура // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т1. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. —477с.

List of literature

1. Maslova V. A. Liingvokulturologiija: Uchieb. posobiije dlia stud. vuyssh. uchieb, zaviedienij. – M.: Iizdatieliskij thientr «Akadiemiiija», 2001. – 208s.
2. Fliijer A.JA. Kulitura // Kuliturologiija. XX viek. Enthiiklopiidiiija. T1. – SPb.: Uniiiversiitetskaja kniiga; ООО «Alietiejja», 1998. – 477s.

ПРЕСУППОЗИЦИЯ И ИМПЛИЦИТНЫЕ СМЫСЛЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

А. В. Сидоренко

В данной статье рассматриваются различные типы пресуппозиции в языке. Автор исследует пресуппозиции на основе признака эксплицитности / имплицитности. В качестве конвенционального компонента значения слова или предложения пресуппозиция может быть рассмотрена как эксплицитная часть высказывания.

Пресуппозиция – понятие, пришедшее из логики и ставшее весьма популярным в лингвистических исследованиях. Пресуппозиции были описаны в 1892 году немецким математиком, логиком и философом Г. Фреге («Смысл и денотат»). Затем представитель оксфордской школы П.Ф. Стросон в 1950 году исследовал данное явление и ввёл соответствующий термин. Конец 1960-х годов Е.В. Падучева называет «пресуппозиционным бумом», поскольку в это время на западе появляется множество исследований, посвящённых данной проблеме [2. С. 40].

Понятие пресуппозиции используется при анализе высказываний с имплицитно выраженными смыслами. Имплицитная информация «не составляет непосредственного значения компонентов текста (слов, граммем и т.п.), зафиксированных в словаре, и однако воспринимается слушателем этого текста» [7. С. 9]. По замечанию Л.М. Васильева, «имплицитные (скрытые) компоненты значения не имеют самостоятельного явного выражения в формальной лексико-грамматической структуре языка. Они выражаются синкретически...» [5. С. 98]. Отметим, что для выявления имплицитной информации необходимы определённые мыслительные операции.

Однако вопрос о том, имплицитны ли сами пресуппозиции, в лингвистике решается неоднозначно. Это связано прежде всего с тем, какой квалифицирующий признак кладётся в основание

определения пресуппозиции. На этот счёт существует множество точек зрения.

Н.Д. Арутюнова на основе анализа концепций зарубежных учёных выделяет 5 основных значений термина:

«1, а) коммуникативно нерелевантные элементы значения предложения (экзистенциальные пресуппозиции),

1, б) коммуникативно нерелевантные компоненты значения слова, обеспечивающие правильное отнесение слова к денотату,

2) представление говорящих о естественных отношениях между событиями (логические пресуппозиции),

3) условия эффективности речевого акта (прагматические пресуппозиции),

4) семантическая детерминация одного слова или высказывания другим словом или высказыванием в тексте (синтагматические пресуппозиции),

5) представление говорящего о степени осведомлённости адресата речи (коммуникативные пресуппозиции)» [1. С. 89].

1. К экзистенциальным обычно относят пресуппозиции о существовании и единственности объекта. По признаку коммуникативной значимости пресуппозиции противостоят ассертивному компоненту высказывания – тому, что в нём утверждается, спрашивается и т.д. Например, в высказывании *Петя пьёт чай* существование Пети является пресуппозиционной частью значения предложения.

Пресуппозиция как компонент значения слова рассматривается в основном по отношению к именам, выступающим в роли предиката. Такие слова, как *холостяк, мот, разиня* и т.п., «обладают очень ясным членением своего значения на пресуппозицию и утверждаемое» [1. С. 88]. В связи с этим «неотрицаемая информация никак не может быть признана имплицитной – она входит в значение слова, передаётся говорящим и воспринимается слушающим без дополнительных усилий» [7. С. 33].

Таким образом, пресуппозиция в этом понимании тесно связана с языковой формой высказывания, что делает её содержание эксплицитным. Как отмечает Е.В. Падучева, «пресуппозиции являются конвенциональными компонентами значения слов и конс-

трукций данного языка (в принципе пресуппозиция, имеющаяся у некоторого слова в данном языке, может отсутствовать у его эквивалента в другом), а не такими, которые возникают в силу общих законов коммуникации» [2. С. 32].

2. Представление говорящих о естественных отношениях между событиями не связано с языковой формой высказывания. Так, высказывание *Сейчас июль, но идёт снег* основывается на пресуппозиции о том, что в июле не должно быть снега [1. С. 86]. Сюда можно отнести и фоновые знания – культурно-исторические сведения, прецедентные тексты и т.п. («вертикальный контекст»), на которых часто основывается порождение имплицитной информации. Иногда пресуппозиция отождествляется с фоновыми знаниями [4. С. 17]. Высказывалось мнение о том, что вертикальный контекст должен занять место понятия пресуппозиции (часто осмысляемого с позиций логики) [3. С. 54]. В этом смысле пресуппозиция имплицитна.

3. Условия эффективности речевого акта – это «те предпосылки и предварительные условия..., которые, *не входя в языковое значение высказывания* (курсив наш – А.С.), создают почву для его употребления и позволяют ему достигнуть коммуникативной цели» [1. С. 88]. В этом смысле говорят об *условиях удачи*, предполагающих успешность речевого акта в конкретной ситуации с учётом особенностей контекста, состояния и статуса говорящего и слушающего, а также прочих факторов. Г.П. Грайс предложил концепцию, согласно которой речевое общение подчиняется соблюдению *принципа кооперации* [6. С. 219].

4. Употребление термина в этом значении встречается достаточно редко. Здесь имеется в виду «совместная встречаемость смысловых единиц в тексте», что характерно для некоторых слов и предложений [1. С. 89]. Это не компоненты значения слова или высказывания, а их синтагматический потенциал.

5. Представления говорящего об осведомлённости адресата побуждают его к определённой актуализации предложения, поскольку известное из предыдущего текста или фоновые знания не нуждаются в экспликации. Об этом ещё в 1923 году писал А.М. Пешковский, который отмечал, что «мы всегда не договариваем

своих мыслей, опуская из речи всё, что дано обстановкой, или предыдущим опытом разговаривающих» [9. С. 239].

Мы пришли к выводу, что в первом значении пресуппозиция может быть признана эксплицитной – как конвенциональный компонент содержания слова или предложения. Фоновые знания, представления говорящего об осведомлённости адресата, условия эффективности речевого акта находятся вне языкового содержания того или иного высказывания, что говорит об их имплицитности.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // ИАН ОЛЯ. Серия литературы и языка. – 1973. – Т. 32. Вып. 1. – С. 325 – 331.
2. Арутюнова Н.Д. Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 8-42.
3. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47 – 54.
4. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2004.
5. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990.
6. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985. – С.217 – 238.
7. Имплицитность в языке и речи / Отв. ред. Е.Г. Борисова, Ю.С.

List of literature

1. Arutiunova N.D. Poniatijie priesuppozitiithihii v liingviistiikie // ИАН ОЛЯ. Sierijia liitieraturyy ii jazyyka. – 1973. – Т. 32. Vyyp. 1. – S. 325 – 331.
2. Arutiunova N.D. Paduchieva JE.V. Iistokii, problemiyy ii katiegoriihii pragmatiikii // Novoje v zarubieznoj liingviistiikie. – М., 1985. – Vyyp. 16. – S. 8-42.
3. Axmanova O.S., Giubbieniet II.V. «Viertikalinyj kontiekst» kak fiilologiichieskaja problema // Voprosyy jazyykoznanijja. – 1977. – № 3. – S. 47 – 54.
4. Valgiina N.S. Tieorijja tieksta. – М.: Logos, 2004.
5. Vasiilijev L.M. Sovriemiennaja liingviistiichieskaja siemantiika. – М.: Vyysshaja shkola, 1990.
6. Grajs G.P. Logiika ii riechievoje obshhieniije // Novoje v zarubieznoj liingviistiikie. – Vyyp. 16. – М., 1985. – S.217 – 238.
7. Iimpliithitnosti v jazyykie ii riechii / Otv. ried. JE.G. Boriisova,

Мартемьянов. – М.: Языки русской культуры, 1999.

8. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. – М.: РГГУ, 2001.

9. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точки зрения на язык // В.А. Звегинцев. История языкознания 19 и 20 веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 231 – 243.

JU.S. Martiemijanov. – M.: Jazyykii russoj kulituryy, 1999.

8. Krongauz M.A. Siemantiika: Uchiebniik dlia vuzov. – M.: RGGU, 2001.

9. Pieshkovskii A.M. Obyektiivnaja ii normatiivnaja tochkii zrieniija na jazyyk // V.A. Zviegiinthiev. Iistoriija jazyykoznaniiija 19 ii 20 viekov v ochierkax ii iizvliechieniijax. CH. 2. – M.: Uchpiedgiiz, 1960. – S. 231 – 243.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА

М. А. Сиривля

В статье «Прагмалингвистический аспект семантики текста» рассматриваются вопросы изменения значения языковых единиц в зависимости от направленности высказывания. Наиболее важным является изменение семантики слова в контексте. Для обозначения прагматически направленного текста необходима реализация всех семантических условий для реализации значений отдельных слов, форм и смысла фразы в целом.

В настоящее время, в связи с изменением сферы функционирования языковых единиц, основное внимание исследователей направлено на изучение их экспрессивных возможностей. Построение текста предусматривает выявление основных понятий в рассматриваемой области знаний и отбор основных языковых форм и средств, способствующих выражению этих понятий. Когнитивный подход к описанию конкретного экстралингвистического факта связан с его представлением в виде фрейма, внутри которого складываются иерархические отношения между информационными блоками [Новодранова;15], языковое оформление которых зависит от прагматических установок автора. В качестве основных черт прагматически направленного текста можно выделить рекламность, экспрессивность, оценочность, образность. Одним из средств, способствующих осуществлению этих функций, является трансформация семантики слов. Причина появления вторичных наименований в современном дискурсе «состоит в необходимости решения конкретных задач языковой коммуникации средствами ... языка в их синтезе и тесном взаимодействии». [Чернышева,1993:61]

В зависимости от того, какая функция является преобладающей, различаются так называемые коммуникативные единицы, т.е. слова и выражения, которые сами по себе не являются носителями

экспрессивности, но могут брать на себя эту функцию при определенных условиях и экспрессивные единицы. Коммуникативные единицы часто называют логическими, поскольку их назначение состоит именно в передаче информации о предмете речи, например: *"Мельком заметила, как моя попутчица хлопает себя руками по животу, показывая, что водки под кофтой нет. ... **Вагонных** коммерсантов было по-человечески жаль. ... Сами, порой, живут довольно бедно и каждый день толкутся ... в этой электричке, ... чтобы переправить свой **источник заработка** через границу"*. ("Время", 18.12.2003), *"Как известно, на сцене отшумевшего недавно кинофестиваля "Звезды Шакена" представители ювелирного дома "Алмазный дождь" вручили ... **юной актрисе** Аянат Есмагамбетовой кольцо"*. ("Время", 6.11.2003) Обороты: *источник заработка* и *юная актриса* и эпитет *вагонных* - сообщают информацию о предмете речи. Коммуникативные (необразные) единицы, «в которых сохраняется прямое значение образующих их слов» [Ромашова,2001:240] имеют значительные экспрессивные ресурсы, т.к. способны выполнять не только номинативную, но и оценочную и экспрессивную функции в газете. Экспрессивные единицы иногда определяются как образные, т.к. они часто являются тропами или строятся на их основе: *"Пластиковая елка - первый шаг к ромитексам из сои"*. ("Время", 18.12.2003 *"Штука в зелени"*), *"В Париже он, вспомнив слова Высоцкого: "Плюнуть с Эйфелевой башни", растолкал очередь самоубийц и стал бросать с высоты в жидкое чрево Парижа окурки сигарет "Магна"*. ("Время", 30.10.2003) Однако ограничивать экспрессивные единицы только тропами не вполне корректно, поскольку переносное значение может создаваться также при переосмыслении языковых единиц.

Языковые единицы с измененным значением участвуют в создании особой выразительности языка прагматически направленного текста, поскольку газета не только использует готовые экспрессивные средства, но нередко и создает их сама. Механизмом порождения окказиональных языковых средств является «неполное удовлетворение потребностей, мотивов известными предметами (объектами)» [Мещеряков,1998:24] Речевая выра-

зительность языковых единиц, подвергшихся смысловой трансформации, во многом построена на так называемом "эффекте новизны", который позволяет обнаружить новые оттенки понятий или представить иное видение реалии. Свежие образы и ассоциации, возникающие при восприятии нового значения слова, способствуют наиболее полному раскрытию информационной и воздействующей функций прагматически направленного текста. "Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, соответствуют таким смысловым признакам переосмысленного значения, которые соотносятся с фоновыми знаниями носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения". [Бодоньи, 2004] Подбор языковых средств как процесс проходит три стадии: 1) анализ дифференциально-семантических признаков наименования и его прагматических потенций, основывающийся на системном представлении о языке; 2) сопоставление результатов анализа с индивидуальной картиной мира адресанта; 3) предварительная оценка читательского восприятия. [Яковлева, 2004] При построении выразительного суггестивного текста в газете широко используются переносные значения лексических единиц.

Воздействующая и информативная функции прагматического текста формируют особую экспрессию, основным принципом которой становится доступность широкому кругу читателей.

Одной из важнейших особенностей семантически преобразованных языковых единиц является их нестойкость, ситуативность, быстрое устаревание. Анализ лингвистического материала свидетельствует, что количество экспрессивных и не содержащих экспрессии единиц в большинстве прагматически направленных текстов приблизительно одинаково, хотя экспрессивные количественно уступают единицам, не содержащим экспрессию, (45% и 55% соответственно) что объясняется коммуникативным характером газетной речи. Преобладание коммуникативных единиц объясняется информативной направленностью прагматических текстов и их важнейшим принципом - доступностью. Кроме того, единицы, имеющие номинативный характер, обладают значительным экспрессивно-оценочным потенциалом и менее склон-

ны к переходу в штампы. Поиск новых средств экспрессивности, стремление избежать повторов и штампов приводит к созданию вторичных наименований, которые играют немаловажную роль в системе прагматики текста. Повторное употребление одной и той же единицы с новой семантикой в речи снижает экспрессивный эффект и приводит к утрате эмоциональности, информативности, в этом случае они остаются лишь средством вторичной номинации и пополняет ряды других языковых средств. Ср.: *чайник* (неумелый пользователь), *продвинутый* (более способный, умелый и т.п.), *километр* (много чего-либо), *песня* (удачно, хорошо) и т.п.

Наиболее распространенным типом переносных значений в газете является метафора: *"Даже если какой-нибудь отсталый гражданин будет всем своим видом и поведением **нарываться** на скандал, этически **подкованный** полицейский должен вежливо сказать: "Разрешите мне добавить..." или "Извините, что перебиваю, но я хотел бы добавить..."* ("Время", 20.11.2003) Метафорический перенос стилистически сниженных слов *отсталый, нарываться, подкованный* создает экспрессию фразы, заостряет внимание на сказанном. Однако широкое употребление метафоры в ряде случаев приводит к утрате образности. Менее распространенным типом переноса является метонимия: *"А помните, наша газета несколько недель подряд писала про приключения угнанного в Подмоскowie черного джипа "Мерседес Геленваген", который казахстанские полицейские сначала нашли и задержали, а потом к недоумению своих российских коллег, отпустили восвояси? Так вот, "**при делах**" оказались сотрудники все того же областного УВД. Кстати, до сих пор за проделки с краденым "**черным меринком**" никто не ответил".* ("Комсомольская правда", 09.08.01) При переименовании на основе смежности, внешней или внутренней связи предметов и явлений часто происходит более выразительный смысловой сдвиг, чем при переносном наименовании на основе сходства. Метонимический перенос менее популярен в газете, но также используется достаточно часто. Однако вследствие этого употребление метонимии превосходит метафорические единицы в экспрессивности: *"...Агентство национальной безопасности пару лет назад решилось на бес-*

прецедентный шаг. Устав отбиваться от наскоков со стороны приверженцев теории НЛО, постоянно обвинявших "Большое ухо Америки" в том, что оно утаивает информацию..., предало гласности досье об НЛО". ("Комсомольская правда", 08.09.00). Метонимический оборот *большое ухо Америки* иносказательно называет объект (*агентство*), одновременно выражая оценку, что способствует более емкой и значимой характеристике описываемой реалии. Прагматически направленные языковые единицы, имеющие образную основу, подчеркивают особенности описываемой реалии, дополнительно акцентируя внимание на отдельных чертах. Чем менее устойчива метонимическая или метафорическая модель, тем более емким и ярким оказывается образ.

Наличие в значениях слов различных аспектов объясняет ряд случаев сочетаемости слов или ограничений на сочетаемость. Так, можно сказать *рослый человек*, но не *рослая личность*, так как прилагательное *рослый* характеризует материально-вещественный аспект имени, а в значении слова *личность* этот аспект отсутствует, не представлен совсем, ведущие аспекты этого значения – социально-психологический и социально-культурный. Слово *диван* имеет в своем значении материально-вещественный, пространственный, конструктивный, утилитарный, общественно-значимый и социально-культурный аспекты (одни из них более другие менее важные), но не имеет, к примеру, биологического и социально-психологического аспектов, поэтому невозможно - сказать: *диван идет, развивается, умирает, культурный, мужественный, умный* и т.д. То, что иногда называют групповой сочетаемостью, можно, следовательно, рассматривать как отражение присутствия в значении тех или иных семантических аспектов, однако это не нарушает целостности значения, не разбивает его на отдельные значения, так как аспекты полностью вписываются в единую структуру значения, внутренне организуя ее.

Значение слова само по себе ничего не сообщает, пока оно не включено в коммуникативный акт, т.е. пока он не станет обозначающим. Сам по себе смысл семы не содержит информации в силу того, что коммуникантам он известен. Сема может стать сигналом, если станет актуализированной, охваченной взаимоотно-

шениями, связывающими данный знак с другими знаками и конкретной ситуацией в целом. Именно коммуникативное употребление слова, включение его в коммуникативный акт обуславливает формирование того или иного актуального смысла, определяет ту или иную семантическую реализацию слова. Коммуникативные условия, в которых оказывается слово, могут рассматриваться как контекст в широком смысле слова, т.е. отдельное слово как такое никогда не может быть соотнесено с каким-либо конкретным предметом, если оно не будет включено в коммуникативный акт, который заранее предполагает построение и передачу некоторого сообщения. В этом смысле можно объединить понятия "коммуникация" и "контекст" с учетом дискретного характера как самой коммуникации, так, следовательно, и контекста.

Контекст, активно влияя на семантическую реализацию единицы, сам при этом выступает как своеобразная семантическая единица, поскольку контекст образуется в момент формирования фразы, т.к. выбор той или иной лексемы или грамматической формы на каждом этапе формирования фразы должен быть задан всем контекстом будущей фразы. На этом основании можно утверждать, что контекст участвует в порождении фразы как равноправная семантическая единица наряду со значением лексем и грамматических форм. Образование фразы есть осуществление всех семантических условий реализации значений отдельных слов, форм и смысла фразы в целом.

Список литературы

1. Бодоньи М.А. Вторичная номинация как средство обучения межкультурной коммуникации. - <http://pn.pglu.ru>
2. Мещеряков В.П. Когнитивная лингвистика: терминологически-понятийная структура языка.// Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития./Отв.ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 1998. – С.22-25.

List of literature

1. Bodoniji M.A. Vtoriichnaja nomiinathijja kak sriedstvo obuchieniija miezhkulturnoj kommunikathiihi. - <http://pn.pglu.ru>
2. Mieshhieriakov V.P. Kogniitiiivnaja liingviistiika: tiermiinologiichieskii-poniatiiijnaja struktura jazzyka.// Kogniitiiivnaja liingviistiika: sovriemiennoje sostojaniije ii pierspiektiivyy razviitiiija./Otv.ried.

3. Новодранова В.Ф. Когнитивные аспекты терминологии.// Когнитивная лингвистика: современное состояние и перспективы развития. – ч.1./ Отв.ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов:Изд.ТГУ, 1998. – С.13-16.
4. Чернышева Н.И. К динамике фразеологической системы (на материале немецкого языка).// Филологические науки. – 1993. – №1. – С. 61-70.
5. Яковлева Е. А. Риторический подход к изучению в разговорной речи вторичной номинации (прагмасинонимов) <http://www.ksu.ru>
- N.N. Boldyryev. – Tambov:TGU, 1998. – s.22-25.
3. Novodranova V.F. Kognitiivnyye aspekty terminiologii.// Kognitiivnaja lingvistiika: sovremennoje sostojaniije ii pierspektiivyy razviitija. – ch.1./ Otv.ried. N.N. Boldyryev. – Tambov: Iizd.TGU, 1998. – s.13-16.
4. Chiornyshieva N.II. K diinamiikie frazieologiichieskoj siistiemyy (na materiihalie niemiethkogo jazyyka).// Fiilologiichieskiije naukii, 1993, №1. - s. 61-70.
5. Jakovlieva JE. A. Riitoriichieskii podxod k iizuchieniju v razgovor-noj riechii vtoriichnoj nomiinathiihii (pragmasiinonimov) <http://www.ksu.ru>

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК ОСНОВА КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Я. Л. Скуратовская

В последнее время закономерно возрастает интерес исследователей к проблемам межкультурной коммуникации и лингвокультурологии; появляется много работ, посвященных изучению лингвокультурных аспектов коммуникации, языкового сознания людей разных национальностей.

Вузовской академической лабораторией межкультурных коммуникаций в 2007 году был проведен массовый опрос, в котором участвовали студенты и абитуриенты в возрасте от 17 до 20 лет. Было опрошено 1400 человек. Исследование проводилось в средних общеобразовательных школах, средних специальных учебных заведениях и вузах г. Челябинска. В большинстве случаев реципиентами оказались студенты различных факультетов ЧелГУ и ЮУрГУ. Преобладали гуманитарные специальности: филология, юриспруденция, журналистика и т.д. Все опрашиваемые - жители различных городов Челябинской области.

Целью проводимого исследования является изучение лингвокультурной грамотности молодежи как формы проявления лингвокультуры народа.

В соответствии с заданной целью были поставлены следующие задачи:

1. Разработать понятие «лингвокультурная грамотность» населения, которое позволит более точно описывать взаимоотношения языка и культуры;
2. Выявить уровень лингвокультурной грамотности молодежи путем проведения свободного ассоциативного эксперимента;
3. Определить ключевые понятия каждой из культур;
4. Создать словарь лингвокультурной грамотности молодежи, который может использоваться при обучении русскому языку с целью повышения коммуникативной компетенции.

Данная проблема актуальна, так как уровень культурной грамотности современной молодежи невысок. Результаты исследования важны для повышения уровня грамотности российских абитуриентов и студентов, а также для корректировки языковой политики современной России.

Понятие «культурная грамотность» не разработано в современной науке. На наш взгляд, лингвокультурная грамотность представляет собой тот необходимый уровень знаний, который позволяет языковой личности осуществлять коммуникацию, способствует улучшению межличностного и межкультурного общения. Она включает в себя выраженные в вербальной форме знания об окружающем мире, что способствует адекватному восприятию полученной информации, ее обработке, а также формированию собственного взгляда на мир.

Анализ результатов проведенного эксперимента показал, что наибольший процент знания челябинской молодежью составляют гуманитарные термины (70%). Все опрашиваемые владеют такими понятиями, как *абсолютная монархия, ампула, глагол, государственственный договор, запятая, наречие, фабула*. Большинство из названных понятий принадлежат лингвистической сфере. Следует отметить и незнание таких общеупотребительных терминов, как *косвенное дополнение (10%), абсолютная и относительная истина (6%), эпигон (9%)* и др. Литературоведение представлено следующей терминосистемой: *аллитерация, аллюзия, крылатые слова, лирика, ода, риторический вопрос, рифма, сатира, цензура*. Минимальный процент знания составляют понятия *аллюзии* и *цензуры*. Собственно лингвистические понятия включают в себя следующие термины: *абзац, кавычки, омофон, омоним, орфография, синоним, синтаксис, сленг*. Большинство студентов не знакомы с лексемами *омофон* и *омоним*.

Лабораторией межкультурных коммуникаций был проведен массовый опрос учащихся средних школ Костанайской области, в котором приняли участие выпускники школ в возрасте 16-17 лет.

Процент знания абитуриентами г. Костаная лингвистических терминов составил 21%. Отметим владение костанайцами такими грамматическими категориями, как *винительный падеж (88%),*

единственное число (88%), *женский род* (96%), *именительный падеж* (96%), *падеж* (88%); фонетическими понятиями: *акцент* (74%), *ударение* (96%). Вместе с тем, наблюдается и полное незнание терминов фонетики: *безударный* (2%), *вокализм* (0%), *глухие согласные* (2%), *фонема* (6%), *яканье* (2%).

Сопоставив знание лингвистических терминов, следует отметить наиболее высокий процент знания челябинскими абитуриентами. Например, на слово-стимул *апостроф* 50% челябинцев дали правильный ответ, по сравнению с жителями г. Костаная (2%). Интересно сопоставить и такие лингвистические термины, как *метафора* (88% - 0%), *залог* (47% - 2%), *наречие* (100% - 22%).

Историческая тематика была представлена такими понятиями, как *вече*, *викинги*, *Византийская империя*, *ледовое побоище*, *линия Мажино*, *Отечественная война 1812г.*, *опричнина*, *октябристы*, *окно в Европу*, *община*, *оброк*, *царь*, *цивилизация Майя*, *скифы*, *революция*, *реформа*. Следует отметить незнание челябинской молодежью термина *линия Мажино*. Сферу политики составляют следующие лексемы: *авторитаризм*, *анархия*, *власть*, *капитализм*, *консерватизм*, *лига наций*, *олигархия*, *организация освобождения Палестины (минимальный процент знания)*, *ООН*, *расизм*. Минимальный процент знания челябинских абитуриентов представлен понятиями *организация освобождения Палестины* и *лига наций*.

Исследование уровня знания исторических фактов показало, что выпускникам костанайских школ знакомы лишь основные базовые исторические термины: *авторитаризм* - 80% (ср. *русские абитуриенты*- 75%). Также костанайцами были добавлены в словарь такие национальные понятия, как *казачество*, *кимаки*, *копчур*, *курултай*, *оглан* и др. Средний процент знания исторических терминов не превышает 33%.

Сферу культурологии представляют такие термины, как *абстрактное искусство*, *автопортрет*, *канон*, *карикатура*, *культура*, *либретто*, *оп-арт*, *оракул*, *окультизм*, *реализм*, *символизм*, *сюрреализм*, *шедевр*. Небольшое количество правильных ответов получено на слова-стимулы *либретто*, *окультизм*, *оп-арт*.

Область математики составляют термины *абсцисса*, *аксиома*, *алгоритм*, *ордината*, *окружность*, *среднее арифметическое*.

Наименее всего челябинские студенты осведомлены в естественно-научной сфере, которая представлена словами на биологическую и медицинскую тематику (*капилляр, калория, легочная артерия, лейкоemia, лейкоциты, лимфа, липиды, обмен веществ, овуляционный цикл, олигофрения, опыление, рефлекс, сетчатка глаза, центральная нервная система*). Здесь минимальный процент знания составляют термины *легочная артерия, лейкоemia, лейкоциты, лимфа, липиды, центральная нервная система*. Сфера астрономии и физики включает в себя следующие слова: *анод, акустика, квант, лазер, оптика, Орион, орбита, отрицательный заряд, световой год, теория относительности, центр тяжести*. Реципиенты не знают такие термины, как *отрицательный заряд, теория относительности, центр тяжести, цепная реакция*. Химическая область представляют такие понятия, как *аминокислоты, водород, катализатор, окисление, органические соединения, осадок, силикаты*.

Актуальную в современном обществе сфера политологии и экономики составляют термины *авторское право, взятка, легитимный, свобода слова; кредитор, обменный курс, облигация*. Опрашиваемые не знают общеупотребительного термина *легитимный*. Абитуриенты г. Костаная не знакомы с понятиями *единый всероссийский рынок (4%), электорат (2%)*.

Изучение лингвокультурной грамотности населения представляет собой важную и актуальную для современного общества проблему, поскольку знание прецедентных текстов, общеупотребительной терминологии является необходимым условием вхождения в языковую среду современного общества. На этом основаны и многие рекламные тексты, которые используются организациями для популяризации предлагаемых ими товаров и услуг. Например, в рекламном тексте одной из организаций, занимающейся проведением различных психологических тренингов, используются такие наименования, как *Ужасный Гудвин, Великий Кормчий* с целью большего воздействия на потенциального потребителя.

Лингвокультурная грамотность имеет большое межкультурное значение. Словарь повысит коммуникативную компетенцию. Повышение уровня лингвокультурной грамотности молодежи усилит интерес к русскому языку, позволит свободно ориентироваться в современном мультикультурном пространстве.

**НОМИНАЦИЯ 'ПЕЧЬ' КАК ОДИН ИЗ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ
КОНЦЕПТА 'ОГОНЬ': НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ
ЗАГАДОК**

Н.В. Шестеркина

Статья представляет классификацию русских народных загадок с номинацией 'печь' построенную на принципе кодов культуры. Изображение самой многочисленной группы загадок основано на артефактном коде.

Печь является материнским символом, она олицетворяет утробу матери-земли, в которой элементы достигают зрелости. Существуют параллельные представления о «перепекании» младенцев посредством их символического помещения в печь; в сказочном сюжете о Бабе-яге, сажающей героя в печь, очевидно, отражаются древние обряды инициации [7. С. 148]. В структуре жилища печь является одним из главных элементов, центром домашнего мира: отсюда значение выражения «семейный очаг». У восточных славян печь выступала в качестве оберега. У печи также давались клятвы, заключались договора, туда прятали (от порчи) молочные зубы детей; под печкой обитал главный покровитель дома – домовый. Печь – это начало начал (ср. «плясать от печки») в значении «делать как принято, по привычной схеме».

Л.Г. Невская считает, что печь является необходимой принадлежностью «правильного» дома и в парадигме противопоставлений 'жизнь - смерть', 'теплый - холодный' манифестирует позитивную левую часть оппозиции. Печь может быть метонимическим обозначением жилой части дома и синонимом дома вообще. 'Согреться у чьей-либо печенки' = 'жить в чьем-либо доме'. Семиотически более сложное отношение устанавливается внутри пространства дома между такими его элементами, как красный угол и печь, где она в соответствии с комплексом архаических представлений воплощает уже негативную часть оппозиции [5. С. 92-93].

Мир описывается в загадке на языке основополагающих концептов, обнажающих мифопоэтическую сущность бытового как изоморфного, изофункционального и изосемантического воплощения мирового древа. Именно загадка никогда не упускает из вида общий семантический стержень и самой своей структурой воплощает тавтологичность далеко разошедшихся феноменов, к которым принадлежат собственно дерево, столб/столп, церковь, дом, печь, утварь и т. п. Будучи детерминированными этой общей семантикой, многие концепты вступают в частное семантическое взаимодействие друг с другом. В основе общезыковых метафор лежат свойственные архаичному мышлению парадигмы отождествлений [6. С. 101-102.]

Целью нашей статьи является классификация загадок с отгадкой «печь» по кодам культуры (и соответственно по метафорическим моделям, свойственным тому или иному коду). В.И. Карасик [2. С. 137] считает, что существуют концепты, отражающие специфическую логику, свойственную носителям определенной лингвокультуры, это «своеобразные коды – ключи к пониманию этой культуры, условий жизни людей, стереотипов их поведения». В.В. Красных определяет «культурный код» как «сетку», которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [4. С. 232]. По Д.Б. Гудкову и М.Л. Ковшовой, культурный код - это «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставшие носителями культурных смыслов» [1. С. 9]. Коды культуры являются универсальным явлением и свойственны человеку как homo sapiens. Но их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой.

Под термином «код культуры» в рамках языкового кода понимается совокупность самых разных кодов: природно-ландшафтный, зооморфный, временной, количественный, цветовой, соматический, вещный и другие. Между кодами не может быть жестких границ. Коды культуры образуют систему координат, т. е. систему ценностей, которая содержит и задает эталоны культу-

ры. Эти эталоны участвуют в структурировании и оценке материального мира, содержат нормы и правила поведения, принятые в данном социуме, определяют особенности языковой личности [8. С. 361].

По Л.Г. Невской, корпус загадок о печи с очевидностью свидетельствует о свойственном балто-славянской картине мира изоморфизме космоса, человека, дома и печи. Л.Г. Невская отождествляет Космос и печь (в нашем исследовании это - **Астральный код**). Она пишет, что в системе взаимного употребления небесный свод со звездами и месяцем отождествляется с печью: *полна печка пирожков, по середине мягонькой* = небо, звезды, месяц (57), *печь-перепечь, полна печь пирогов, промежу пирогов – большой каравай* = небо, звезды, месяц (59), а печь, ее свод – с небесным сводом: *небо черно, бока камни* = печь (3330) [6. С. 103]. Нетривиальным образом связь космоса и печи выявляется при загадывании их через образ сита: *сито вито решетом покрыто* = небо и земля (7), *сито бито, золотом обито* = небо (9) и *сито убито в углу стоит* = печь (3322). Если бы не обширный корпус загадок, в котором в разных отношениях идентифицируются небо и печь, загадку о сите-печке можно было бы отгадать по «дешифрующему намеку», содержащемуся в предикате *убито*, апеллирующему к глинобитной печи [6. С. 104].

Наиболее многочисленна группа загадок, относящихся к **Артефактному коду**, где подчеркивается рукотворность печи, так как она существует сепаратно, однако делают также и вывод о ее нерукотворности [6. С. 104].

Слово «артефакт» происходит от латинского *artefactum* – «искусственно сделанное». Р.Д. Керимов считает, что сфера «Артефакт» состоит из трёх концептуальных сфер, объединяющих разные виды артефактов. К первой группе исследователь относит артефакты, составляющие концептуальные сферы «Техника», «Механизмы» и «Транспорт». Вторая группа – артефакты из концептуальной сферы «Архитектура», которые объединяют номинации дома и других сооружений и объектов коммунального хозяйства. Третья группа представлена артефактами из сферы «Быт», к которым относятся гастрономические (субсфе-

ра «Кухня») и текстильные (субсфера «Одежда») артефакты. Эти единицы номинируют объекты лично-бытовой сферы человека: продукты питания и одежду [3. С. 9].

В анализируемых загадках артефакты можно квалифицировать в качестве строений: *Стоит ковалица у судной лавицы, / Грызет ковалица золоты яйца* (М 3477, печь, уголья, кочерга); *Полон засечек красных овечек, / Волк сивой вскочит – всех разгонит* (М 3471, печь, уголья, кочерга); *Полон засечек красных яичек* (М 3358, угли в печи, в загнетке); *Полон сусечек золотых яичек* (М 3357, угли в печи, в загнетке); *Полна конюшня красных коров, / Черная зайдет – всех выгонит* (М 3472, печь, уголья, кочерга); *В Пашиной избушке крашены бабушки* (М 3351, угли в печи, в загнетке); *Самсон в избе* (М 3411, заслонка); *Залезла Варвара выше амбара, / Не ест и не пьет, все на небе глядит* (М 3388, печь и труба); *вместилища: В красной шкатулке золотые клубочки* (М 3359, угли в печи, в загнетке); *Полна коробка красных ложек* (М 3360, угли в печи, в загнетке); *Полна коробушка золотых воробушков* (М 3361, угли в печи, в загнетке); *У нас в ящичке золоты бабочки* (М 335, угли в печи, в загнетке); *Стоит тюрьма, / В тюрьме – ящик, / В ящике – мучка, в мучке – золотая жучка* (М 3338, дом, печь, зола, загнетка); *Стоит терем, / В тереме – ящик, / В ящике – мучка, / В мучке – жучка* (М 3340, дом, печь, угли); *Стоит ларчик средь избы, / В ларчике есть плат, В плате – золото* (М 3341, изба, печь, чело, жар); *Полно гнездо куликовых яиц* (М 3355, угли в печи, в загнетке) – подобное представление образа печи как гнезда с птичьими яйцами близка загадка *Сидит курица с золотыми яйцами* (М 3362, угли в печи, в загнетке). Л.Г. Невская отмечает также прочную близость курицы /петуха с огнем /очагом /печью /избой, которая относится к регулярно повторяющейся во многих славянских загадках: *Красный петушок по нашесту бежит* (огонь).

К вместелищу относят также посуду: *Суну, посуну в золотую посуду, / Там поколочу, назад поворочу* (М 3475, печь, уголья, кочерга); *Висит котел – полтора ста ведер* (М 3323, печь); *Полная чаша винных ягод* (М 3352, угли в печи, в загнетке); *Кривая собака в кувшин глядит* (М 3482, печь, уголья, кочерга).

Одежда также относится к артефактам: *Шуба в избе, рукав на улице* (М 3385, печь и труба); *Полна шल्या китайских яблок* (М 3353, угли в печи, в загнетке); *Полон колпак татарских яиц* (М 3356, угли в печи, в загнетке).

Прочие артефакты: *Сито убито в углу стоит* (М 3322, печь); *Шкаф большой, дверцы маленькие*. / *Кладут белое, вынимают черное* (М 3342, печь и дрова); *Лежит игла на полке, / Ее не увезти на тройке* (М 3328, печь); *В печурке три чурки, три гуся, три утки, три яблочка (ружейный заряд)* (Даль 2004: 75).

Антропоморфный код. Природа может выступать как подобие человека: она и сама мыслится в человеческом образе. На этом основан принцип *антропоморфизма*, который позволяет видеть в тех или иных природных явлениях аналог человеческих действий [7. С. 157]. Антропоморфизм появляется в поздний родовой период. Старые мифологические представления вытесняются реалистическими элементами.

Л.Г. Невская отмечает, что печь уподоблена человеку конструктивно: *стоит мужик посередь избы, сумка за плечами, рога во лбу* = печной столб, печь и два воронца (3374), *пастух стоит на горке, две трубки во рту и кошель за плечами* = печной столб, два воронца и печь (3373) [6. С. 105].

В гендерном отношении печь чаще всего ассоциируется с женщиной: *У семерых баб один глаз* (М 3320, печь) (здесь бабы – составляющие печи); *Сквозь потолок мужик бабу проволок* (М 3387, печь и труба); *Стоит Антонко, посередке тонко* (М 3383, печь и труба); *Стоит Матрена / здорова, ядрена, / Пасть открывает, что дают, глотает* (М 3332, печь); *Стоит Арина, рот разиня* (М 3393, печь и труба). В загадках отражается возраст: *Дедушка старый весь белый, / Лето придет – не глядят на него, / Зима настанет – обнимают его* (М 3316, печь) Л.Г. Невская отмечает в данном тексте введение временных параметров (зима – лето, день – ночь).(с. 105); *Стоит дед с милю длины, с версту толщины* (М 3320, печь); *Белая старуха на одном месте сидит* (М 3321, печь); *Стоит девица в избе, а коса на дворе* (М 3384, печь и труба); *Около стены сучок – это мой старичок, / За него завалюсь – никого не боюсь* (М 3317, печь); может иметь социаль-

ный статус: *Сидит барыня в амбаре, / Не свезешь ее на паре* (М 3327, печь); родственные отношения: *Мать толста, дочь красна, / Сын кудреват, отец горбоват* (М 3334, печь, огонь, дым, кочерга); *Мать толста, дочь красна, / Сын храбер, под небеса ушел* (М 3335, печь, огонь, дым); *Мать толста, дочь красна, / Сын воробей под небеса улетел* (М 3336, печь, огонь, дым). Л.Г. Невская относит эту группу загадок к интернациональным загадкам, в основе которых лежит идея связи земной и небесных сфер. Тип кодирования через кровнородственные отношения принадлежит к одному из самых архаичных, чем отчасти можно объяснить текстовое подобие этих загадок в разных традициях [б. С. 104].

Печь, как и человек, является деятелем, в загадках отражаются ее основные функции: *Кто хлебы пек, на того бы и лег* (М 3333, печь); *В каждом доме я стою и дом отопляю* (М 3314, печь).

В группе «человек = печь» Л.Г. Невская отмечает в структуре загадки *печь день и ночь печет, а невидимка дошлую ковригу выхватывает* = жизнь и смерть (1645) обозначение печью, которая печет без перерыва, течения жизни [б. С. 104]. Во многих загадках о печи ее статичность, неподвижность подчеркивается глаголами *стоять, сидеть*, а также отмечается и ее величина (*Великан в углу* (М 3325, печь); *Стоит дед с милю длины, с версту толщины* (3324)).

Ландшафтный код включает в себя следующие подгруппы: 1) природные элементы: *Небо черно, бока каменны* (М 3330, печь); *Черная гагара по полю скакала, золото сбирала* (М 3482, печь, уголья, кочерга); *Полно поле рыжих коней, / Синий скочит – всех разгонит* (М 3477, печь, уголья, кочерга); *Полно поле рыжих лошадей, / Одна вороная придет – всех разгонит* (М 3474, печь, уголья, кочерга); *Клюква царица по полю ходила, золото зобала. Не смейся, космач, тебе то же будет* (помело и кочерга); *На горе, горище стоит голенище* (М 3394, печь и труба); *Пастух стоит на горке, две трубки во рту и кошель за плечами* (М 3373, печной столб, два воронца и печь); *Черная гагара по морю летала, гусей гоняла* (М 3483, печь, уголья, кочерга); 2) элементы присутствия людей: *Летала галица по красной улице, / Считала*

галица золотые яйца (М 3474, печь, уголья, кочерга); Крюкова царица по миру ходила, золото сбирала, сыта не бывала (М 3481, печь, уголья, кочерга).

Зооморфный код: *Что за зверь: /В зиму ест, а летом спит, /Тело тепло, а крови нет. /Сесть на него сядешь, а с места не свезет* (М 3315, печь); *Стоит медведь, около него сума висит* (М 3407, печь и заслонка); *Стоят два быка, между ними черная собака* (М 3378, бока и чело печи); *Стоит лохань, кругом крылом махал, /В лохани – турица, в турице – лисица, /В лисице – жук, в жуке вода, в воде – трава* (М 3772, изба, печь, огонь, чугуны); *Стоит кобыла, /В кобыле – жеребеночек, /В жеребеночке – жучка, /В жучке – мучка* (М 3339, печь); *Рогоуша, недотыка брякоушечкой прикрыта* (М 3408, печь и заслонка); *Сидит курица с золотыми яйцами* (М 3362, угли в печи, в загнетке); *Сидит Гараша на вороне* (М 3394, печь и труба).

Список литературы

1. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М., 2007.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
3. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005.
4. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.
5. Невская Л. Г. Балто-славянское причитание : Реконструкция семантической структуры. – М. : Наука, 1993. – 240 с.
6. Невская Л. Г. Печь в фольклорной модели мира // Исследования

List of literature

1. Gudkov D.B., Kovshova M.L. Tieliesnyy kod russkoj kulturyy: materiialy k slovari. – M., 2007.
2. Karasiik V.I. Jazykovoju krug: li-ichnosti, konthieptyy, diiskurs. – M., 2004.
3. Kierimov R.D. Artiefaktnaja konthieptualinaja mietafora v niemiethkom poliitiichieskom diiskursie: avtorief. diiss. ... kand. fiilol. nauk. – Barnaul, 2005.
4. Krasnyyx V.V. Etnopsiicholiingviistiika ii liingvokulturologiija. – M., 2002.
5. Nievskaia L. G. Balto-slavianiskoje priichiitaniije : Riekonstruktshija siemantiichieskoj strukturyy. – M. : Nauka, 1993. – 240 s.
6. Nievskaia L. G. Piechi v foliklornoj modielii miira // Iissliedovaniija

- в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 2. – М. : Индрик, 1999. С. 101 - 109.
7. Словарь символов и знаков. – М.; Мн., 2006.
8. Филичкина Т.П. Языковая личность и культурный код // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Т. 2. – Челябинск, 2008.
- v oblastii balto-slavianskoj duchovnoj kulturyy: Zagadka kak tiekst. 2. – М. : Iindriik, 1999. S. 101 - 109.
7. Slovori siimvolov ii znakov. – М.; Мн., 2006.
8. Fiillichkiina T.P. Jazykovaja liichnosti ii kuliturnyyj kod // Slovo, vyyskazyvaniije, tiekst v kogniitivnom, pragmatiichieskom ii kulturologiichieskom aspiektax. T. 2. – Chielibiinsk, 2008.

**О ПРОЕКТЕ СЛОВАРЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ
ГРАМОТНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ Г. КОСТАНАЯ**

Я. А. Шулейко

В работе затронуты следующие направления: проведение теоретического анализа национальных понятий города Костаная; сопоставление слов-реалий различных языковых культур, а также структурирование их как фактора межкультурной коммуникации; проведение социологических опросов и анкетирований, на основе которых выявлена языковая культура и уровень поликультурной грамотности жителей г. Костаная.

Главная цель межкультурного общения заключается в достижении по возможности полного взаимопонимания между участниками коммуникации, необходимого для преодоления межкультурных конфликтов.

Во избежание языковых конфликтов и коммуникативных неудач необходимо, как выразилась Тер-Минасова С. Г., преодолеть, в первую очередь, «барьер культурный»: «Культурный барьер, таким образом, гораздо опаснее и неприятнее языкового. Он как бы сделан из абсолютно прозрачного стекла и неосязаем до тех пор, пока не разобьёшь себе лоб об эту невидимую преграду...» [3. с. 34].

Академическая лаборатория Межкультурных коммуникаций при кафедре филологии Костанайского филиала ГОУ ВПО «ЧелГУ» осуществляет выполнение задания по расширению и уточнению понятия «культурная грамотность», а именно «поликультурная грамотность». Ведётся работа по совершенствованию методик проведения анализа по выявлению уровня поликультурной грамотности жителей г. Костаная и экспериментального исследования специфики языкового сознания носителей русского и казахского языков.

В рамках выполнения данного задания была предпринята попытка составления словаря поликультурной грамотности жителей г. Костаная, который может послужить мерилем эффективности

не только лингвистического образования, но и обучения полилингвальной личности. Лексика, вошедшая в словарь культурной грамотности, носит национально-специфические черты, а значит, не имеет эквивалентов за пределами данного языка и затрудняет процесс межкультурного общения.

Выпуск словаря поликультурной грамотности преследует следующие цели: установить уровень культурной грамотности жителей города Костаная; выявить и собрать воедино слова-реалии, характерные для костанайцев.

В работе затронуты следующие направления: проведение теоретического анализа национальных понятий города Костаная; сопоставление слов-реалий различных языковых культур, а также структурирование их как фактора межкультурной коммуникации; проведение социологических опросов и анкетирований, на основе которых выявлена языковая культура и уровень поликультурной грамотности жителей г. Костаная.

Стремление понять языковую «картину мира», рассказать о своей культуре и познать другие, поднять общий уровень грамотности населения – всё это послужило фундаментом данной работы. Иногда по одному человеку, попавшему в другую культурную и языковую среду, судят о целом народе и даже государстве.

Попытки описать фоновые знания типичного носителя изучаемого языка и культуры неоднократно предпринимались как в зарубежных, так и в отечественных исследованиях. Так, широко известна концепция «культурной грамотности», разработанная профессором английского языка Виргинского университета Э. Д. Хиршем, который, проведя масштабные исследования, определил объём знаний, включенный в обязательный минимум культурной грамотности американцев.

Предметом нашего рассмотрения являются национальные понятия, так называемые слова-реалии, которые определяют этнокультурную специфику, отражая историю и культуру народа, национальный характер. Слова-реалии – это явление культуры. Они входят в фонд исторической памяти социума (этноса). Знание национальных понятий есть показатель принадлежности к данной эпохе и её культуре, тогда как их незнание, наоборот, предпо-

сылка отторженности от соответствующей культуры и неполной включенности в неё.

Для выявления слов-реалий, характерных для жителей г. Костаная, были использованы следующие методы: прямой (социологический опрос, устный); анкетный (проведение анкетирования); сравнительный; статистический.

Прямой метод состоял в непосредственном контакте с реципиентами на улицах г. Костаная. Опрашиваемым горожанам предстояло ответить, какие слова и фразы наиболее ярко отображают в себе культуру города (области). В итоге значительных результатов получено не было, так как присутствовал эффект неожиданности для реципиентов и наблюдалась нехватка времени на обдумывание ответа.

При помощи анкетного метода был собран более значимый и развёрнутый материал, так как у опрашиваемых людей было достаточно времени на раздумья. Материал был представлен на специальных бланках, где следовало указать пол, год рождения, образование.

Сравнительный метод помог выявить интересные особенности проведённого анкетирования. Между собой были сопоставлены ответы реципиентов, принадлежащих разным национальностям и разным возрастным категориям.

На основе статистического метода выявлены наиболее популярные и редкие национально-культурные понятия.

В итоге, в словарь были внесены понятия, наиболее характерные для жителей поликультурного г. Костаная. Отображены самые разнообразные сферы жизни: политическая, экономическая, культурная, бытовая и другие. Слова расположены в алфавитном порядке и условно разбиваются на следующие семантические группы: политика, религия, искусство, географические названия, традиции и обряды, предметы быта и одежда, продукты питания/блюда

Отметим наиболее употребительные и без труда распознаваемые слова-реалии. Среди персоналий, как показали результаты опроса, лидирующую позицию занял *Абай Кунанбаев*. Его деятельность является достоянием казахского народа не менее, чем творчество А. С. Пушкина для русского народа.

Часто встречаются исторические деятели различных эпох (чаще всего ханы, предводители, герои): *Абылай, Тауке, Жангир*,

Кабанбай батыр и *Богенбай батыр*, *Казыбек би*, *Толе би*, *Айтеке би*. Причём слова *хан*, *батыр*, *би*, употребляемые отдельно – также являются культурнозначимыми для костанайцев.

Хан для казахского народа – высший титул в государстве на протяжении многих столетий в истории, чаще всего справедливый, а для многих других (в частности русских) с этим словом ассоциируется только Чингиз хан – жестокий завоеватель.

Би для казахов – мудрец, советник, а для англоязычного народа созвучное *bee* «пчела», *beer* (в транскрипции «би») «пиво».

Достаточно большое количество опрошенных указали в персоналиях героев Великой Отечественной войны (*С. Баймагамбетов*, *Б. Майлин*, *Л. Беда*, *И. Павлов* и др.). Практически каждый участник эксперимента описал подвиги этих людей, отметил, что эти люди рождены на костанайской земле, и их именами названы улицы города.

Значительную часть ответов составляют деятели культуры разных эпох: *Курмангазы* (кюйши), *Роза Рымбаева* (певица), *Дина Нурпеисова* (музыкант), *Сакен Сейфуллин* (писатель), *Ыбрай Алтынсарин* (педагог, просветитель казахского народа, поэт, переводчик) и др. Во всех анкетах отмечен Президент Республики Казахстан *Назарбаев Нурсултан Абишевич*.

Предметы быта и национальной одежды казахов являются особо сложными для восприятия иностранными гражданами. Самый популярный пример – *юрта*. Это слово не имеет эквивалента в других языках, и подчас некоторые представители других культур не могут осознать, что представляет собой «круглый дом без окон с отверстием в крыше». Подобным образом воспринимаются и отдельные части юрты: *уыки*, *кереге*, *шанырак*.

Многие видели и знают головной убор – *тюбетейка*. Практически все туристы стараются приобрести эту «маленькую круглую шапочку». И если им попадётся такая шапочка с пером, они не заметят особой разницы. А отличие значительное: *тюбетейка* – мужской головной убор, а *такия* (шапочка с пером) – женский.

Слово *камзол*, на первый взгляд, имеет эквивалент в русском языке «мужская верхняя одежда обычно без рукавов», но у казахов – это женская одежда, украшенная национальным орнаментом.

Жаулык и *орамал* – оба слова обозначают «женский платок». Только в первом случае, надеваемый сразу после свадьбы, во втором – повседневный головной убор для пожилой женщины.

В результате опросов было обнаружено слабое знание жителями г. Костаная религиозных и мифологических понятий. Например, на слово *Геркулес* давались ответы – каша, фирма и др., на слово *Венера Милосская* – певица. Обнаружилось также слабое знание писателей, поэтов, деятелей искусства, литературных произведений русскоязычных и казахскоязычных авторов (например, «Бежин луг» – музыкальное произведение).

Таким образом, при составлении словаря поликультурной грамотности мы акцентировали внимание на национально-культурных понятиях казахского народа, так как углубление в изучении данных слов-реалий способствует формированию патриотизма, воспитывает гражданские позиции, усиливает уважение, как к языковой культуре, так и в целом к Республике Казахстан. И особенно важно, что это эффективный способ познакомить представителей других культур с историей и жизнью казахского народа.

По мнению составителей, словарь может послужить материалом для проведения экспериментов по выявлению специфики языкового сознания носителей русского языка России и Казахстана.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Вехи национально-культурной памяти в языковом сознании русских в конце XX века.// Актуальные проблемы современной лексикографии. – М., 1999.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.
3. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.- 261с.
4. Хирш Э. Д. Словарь культурной грамотности. – Бостон, 1988.

List of literature

1. Karaulov JU. N. Viexii nathiihonalino-kuliturnoj pamiatii v jazykovom soznaniihii russkiix v konthie XX vieka.//Aktualinyyje problemiyy sovriemiennoj lieksiikografiihii. – М., 1999.
2. Korniiilov O. A. Jazykovyyje kartiiny miira kak proiizvodnyyje nathiihonalinyyx mientaliitietov. – М., 2003.
3. Tier-Miinasova S. G. Jazyyk ii miezhkuliturnaja kommuniikathijja. – М., 2000.- 261s.
4. Xiirsh E. D. Slovarei kuliturnoj gramotnostii. – Boston, 1988.

ПОНЯТИЙНАЯ СТОРОНА ТИПАЖА «РОССИЙСКИЙ ЧИНОВНИК»

И.В. Щеглова

Культурные концепты – это актуальные объекты исследований для лингвистов. Понятие, которое содержит саморепрезентации, относится к лингвокультурному типуажу. При описании лингвокультурного типажа принимаем методику изучения лингвокультурных концептов. Данная статья посвящена изучению понятийной стороны основного имени рассматриваемого нами типажа. Определения, представленные в статье, предоставляют возможность утверждать, что в русском лингвистическом менталитете есть две номинации - «должностное лицо» и «государственный служащий».

Исследования, направленные на разработку «междисциплинарного интегративного подхода к пониманию и моделированию сознания, познания, общения, деятельности», в настоящее время переживают период расцвета [1. С. 34]. Это, в свою очередь, способствовало становлению и развитию лингвокультурологии. Основной единицей лингвокультурологии является концепт. Под концептом, вслед за учеными волгоградской научной школы – Н.А. Красавским, Г.Г. Слышкиным, В.И. Карасиком – мы понимаем «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются перцептивно-образная, понятийная и ценностная стороны» [2. С. 32]. В лингвоконцептологии предложены разные классификации концептов. Существующие типологии в значительной мере сориентированы на языковые способы репрезентации концептов (предметные, сценарные, качественные). Концепт, содержанием которого является человек, представляет собой лингвокультурный типаж [3. С. 22]. Объектом нашего исследования является лингвокультурный типаж «российский чиновник». При описании лингвокультурного типажа принимаем методику изучения лингвокультурных концептов. Данная статья посвящена изу-

чению понятийной стороны основного имени рассматриваемого нами типажа.

Охарактеризуем понятийную составляющую концепта «российский чиновник», обратившись к словарям.

В Большом толковом словаре русского языка находим следующее значение:

Чиновник 1. Государственный служащий. *Чиновник таможни. Полицейский чиновник. Мелкие чиновники.* 2. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ. *Бездушные чиновники* [4. С. 1480].

Аналогичное толкование (за исключением ЛСВ 3, носящего помету *спец.*) находим в словаре Ушакова Д.Н., Словаре русского языка в 4-х томах; в Малом толковом словаре русского языка (ЛСВ2 – представлен одним словом «бюрократ» [5. С. 669]):

Чиновник. 1. Государственный служащий. *Крупный чиновник. Мелкий чиновник.* 2. *перен.* Человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием; без деятельного интереса, бюрократ (укор.). *Это не администратор, а чиновник!* [6. С. 1185].

Чиновник. 1. Государственный служащий в дореволюционной России и в буржуазных странах. *Чиновник таможни. Полицейский чиновник. Мелкие чиновники.* 2. *перен.* Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле [7. С. 678].

В словаре Скляревской Г.Н. дефиниции «чиновник» сводятся только к дескриптивным признакам:

Чиновник. Служащий государственного аппарата, какого-л. ведомства. *Высокопоставленный кремлевский чиновник* [8. С. 1071].

В Управлении организацией в ЛСВ 2, напротив, подчеркивается характеризующий признак ключевого слова типажа «российский чиновник»:

Чиновник 1) название, использовавшееся в политическом словаре дореволюционной России по отношению к представителям государственной бюрократии, обладавшим определенным рангом (чином) в иерархии государственных должностей в соответствии

с введенной Петром I Табелью о рангах; 2) термин, посредством которого выражается негативное отношение к определенному типу государственного служащего, в деятельности которого в основном преобладают формализм, бездушие, бумажный стиль работы. В современных правовых, демократических государствах отдается предпочтение названию «государственный служащий», исходящему из признания приоритета общегосударственных задач в деятельности представителей государственной администрации [9. С. 790].

Данное определение, а также предложенные ниже выводят на поверхность первоначальный этимон рассматриваемого слова:

Чиновник – служащий государю и жалованный чином, обер или штаб-офицер, или генерал, хотя высшие чиновники более зовутся сановниками.

см бюрократия, должность [10. С. 605].

Чиновник. Человек, состоявший на государственной службе, обычно в каком-либо чине. *Я предпочитаю их [смотрителей] беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующе-го по казенной надобности.* Пушкин. Станционный смотритель. *Выходят в гостиную: в первой паре Пищик и Шарлотта Ивановна, во второй – Трофимов и Любовь Андреевна, в третьей – Аня с почтовым чиновником.* Чехов. Вишневый сад. **Чиновница.** Жена чиновника. *У другой [швеи] мать была чиновница и не хотела жить вместе с мужичками.* Чернышевский. Что делать?

В современном русском языке употребляется в значениях: государственный служащий; человек, относящийся к делу формально, с казенным равнодушием [11. С. 768].

«Чин» представлен в этимологическом словаре М. Фасмера как: **чин, чиновник** – др.-русск. чинь «порядок, правило, степень, чин, должность, собрание». Сюда же **чинить**, др.-русск **чинити**, ст.-слав. **чинити** «располагать, устраивать» [12. С. 363-363]; в толковых словарях – следующим образом: **Чин.** 1. В России до 1917г.: разряд, класс военных и гражданских служащих, получаемый по установленному порядку; лицо этого разряда, класса. *Полковничий чин. В чине поручика. Получить чин. Гражданский чин. Младший, старший чин. Чин офицера, прапорщика, капи-*

тана. **В чине** майора кто-л. Дойти, дослужиться до чина полковника. Производить в какой-либо чин. Кто-либо в чине, в чинах. Иметь высокий чин. **Чин** милиции. **Чин** действительного государственного советника. Классные чины (звания, присваиваемые в России прокурорско-следственным работникам органов прокуратуры). **Без чинов** (невзирая на разницу званий; просто; без церемоний). **Не по чину** (не сообразно занимаемому положению, не по заслугам). **Чин чина почитай** (шутл.; о соблюдении почтения к вышестоящему по должности). Собр. *Весь офицерский чин*. Присваиваемое государственным служащим и военным звание по Табели о рангах, связано с предоставлением определенных сословных прав и преимуществ. 2. Обычно мн.: общественное положение человека, обусловленное родом его занятий; тот, кто занимает административную должность, чиновник. **Чин дипломатического корпуса**. **Важный чин**. *Быть в городе большим чином*. *Прибыли чины из области* [4. С. 1479-1480].

Чин. ЛСВ 2. Звание по Табели о рангах, присваиваемое государственным служащим и военным, связанное с приобретением ими определенных сословных прав и преимуществ. *Он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый*. Гоголь. *Мертвые души*. [2-й:] *И едут туда всякого звания люди*. [1-й:] *Так, так, понял теперь*. [2-й:] *И всякого чину*. А. Островский. *Гроза*. **Без чинов**. Без церемоний, запросто. [Стародум:] *Я говорю без чинов*. *Начинаются чины, перестает искренность*. Фонвизин. *Недоросль*. **Быть в чинах**. **Выходить в чины**. Иметь высокое служебное положение. *Ну, как ей выбрать из этих женихов? Тот не в чинах, другой без орденов*. Крылов. *Разборчивая невеста*. «*Когда же поэты выходили в люди, в чины?*» Достоевский. *Униженные и оскорбленные*. **Чин чина почитай**. О соблюдении почтения к вышестоящему по должности, по тому чину, который занимало данное лицо в Табели о рангах. *В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: чин чина почитай, ввелось в употребление другое, например, ум ума почитай?* Пушкин. *Станционный смотритель*. 3. Высшие должностные лица; начальство. *А между тем подоспел Тарасов*

полк, приведенный Товкачом; с ним было еще два есаула, писарь и другие полковые **чины**. Гоголь. Тарас Бульба. *Дворцовые чины столпились на крыльце*. А.Н. Толстой. Петр Первый. / *Собир.* Начальство. Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковый **чин**, кто только был налицо. Гоголь. Тарас Бульба [11. С. 767-768].

В толковых словарях приводится ряд слов, уточняющих исходную идею ключевого слова рассматриваемого концепта в нескольких направлениях:

1. Подбор синонимов; наиболее распространенными из которых является «бюрократ», «формалист»:

Бюрократ. *фр.* Должностное лицо, пренебрегающее сутью дела ради формальных правил, формалист, функционер [4. С. 108].

Бюрократ *фр.* 1. Представитель бюрократической системы управления. *Влиятельный бюрократ.* 2. Чиновник, в ущербренности дела и интересам граждан злоупотребляющий своими полномочиями или придающий преувеличенное значение формальностям. 3. перен. Формалист, педант (разг, презрит.) [6. С. 55].

Бюрократ. *Неодобр.* Представитель бюрократии [8. С. 166].

Бюрократия. *Политич. Неодобр.* 1. Громоздкая, избыточно сложная структура управления; власть и влияние чиновничьего аппарата. 2. Слой крупных чиновников, работников государственного аппарата [8. С. 166].

Бюрократия – управление, где господствует чиноначалье; степенная подчиненность; зависимость каждого служебного лица от высшего и бумажное многописание при этом; многоначалие и многописание [10. Т1. С. 158].

2. Фиксация однокоренного «окружения», представленного разными частями речи:

Чиновница. *Разг.* 1. к Чиновник. 2. Жена чиновника [4. С. 1480].

Чиновничек. см Чиновник *уничиж.* [4. С. 1480].

Чиновничество. *Собир. Устар.* Чиновник (1 знач). *Городское чиновничество. Бедное чиновничество* [4. С. 1480].

Чиновничество. 1. *Собир.* Чиновники. *Это дом ... заселен был всякими промышленниками – портными, слесарями, кухарками, (...) мелким чиновничеством и проч.* Достоевский. Преступление

и наказание. 2. Занятия чиновника; время, проводимое чиновником на государственной службе. *Годы чиновничества, конечно, не давали ему возможности упиться вполне прелестью воспоминаний; они выедали в самое короткое время все прежние познания.* Гл. Успенский. Нравы Растеряевой улицы [11. С. 768-769].

Чиновничество. В России особая привилегированная прослойка населения, находившаяся на гражданской государственной службе и специализировавшаяся на управлении и делопроизводстве [13. С. 427].

Чиновничшко см. Чиновник *уничиж.* [4. С. 1480].

Чинодрал. Презрит. Чиновник (1 зн.) [4. С. 1480].

Чинодрал. Разг., пренебреж. Чиновник, бюрократ. «Разве вы педагоги, учителя? Вы **чинодралы**, у вас не храм науки, а управа благочиния». Чехов. Человек в футляре [11. С. 769].

Чинолюбие. Книжн. Любовь к чинам, желание получить чин. *Отличаться чинолюбием* [4. С. 1480].

Чиноначалие. Книжн. Иерархия, старшинство чинов. *Родовой быт основывался на строгом чиноначалии.* // **Чиноположение** [4. С. 1480].

Чинопёр. Презрит. Мелкий чиновник, писарь; чинодрал [4. С. 1480].

Чинопочитание. Книжн. Почитание старших младшими по службе, чину, званию [4. С. 1480].

Чинопроизводство. Офиц. Производство в чины (2 зн). *Не везет мне в чинопроизводстве* [4. С. 1480].

Чинный. Строго соблюдающий правила поведения, приличия; степенный, важный. **Чинное шествие.** **Чинное собрание** // Выражающий степенность, строгость, сдержанность; исполненный таких качеств. **Чинный вид.** **Чинная солидность.** **Чинное лицо.** **Чинное спокойствие.** Нареч. Чинно. *Чинно поздороваться* [4. С. 1480].

Чиновнический. к Чиновники Чиновничество. **Чиновническая карьера, чиновническое отношение к делу.** нареч. По-чиновнически. *По-чиновнически тянут время* [4. С. 1480].

Чиновнический=Чиновничий. Ежедневно совершается более ста преступлений. Особенно обнаглели мошенники, афе-

ристы в сфере финансово-кредитных отношений, экономики. *Коррупция, как ржавчина, поразила и чиновничьи кабинеты* (Сов. Рос., 09.11.00.) [8. С. 1071].

Чиновничий. 1. Принадлежащий, свойственный чиновникам; чиновнический. 2. Состоящий из чиновников; управляемый чиновниками. *Из всей чиновничьей Москвы именно Старая площадь считалась верхом служебного продвижения.* Казаков В. Овсяная каша. [8. С. 1071-1072].

Чиновничий. Прил. к чиновник, чиновничество, свойственный им. *Скрип чиновничьих перьев слышался в открытые окна присутственных мест.* Короленко. В дурном обществе. [11. С. 769].

Чиновный. Книжн. 1. к Чиновник (1 зн) и Чиновничество. **Чиновные** злоупотребления. 2. Имеющий какой-л. чин; состоящий на государственной службе. *Чиновная служба.* // Имеющий высокий чин. *Не богат и не чиновен.* 3. Казенно-официальный, относящийся к людям соответственно их чинам, социальному положению. **Чиновное** отношение к людям [4. С. 1480].

Чиновный. 1. Служивший на государственной службе и имевший какой-либо чин. **Чиновный** люд, *Покинув свой ночной приют, На службу шел.* Пушкин. Медный всадник. 2. Имевший высокий чин. *Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пера.* Лермонтов. Герой нашего времени [11. С. 768-769].

Чинить. Совершать, делать, устраивать что-либо. *По нему [плавучему мосту] прошли конные полки Шереметьева и двинулись на ревельскую дорогу – чинить над неприятелем промысел.* А.Н. Толстой. Петр Первый. *Когда и ляхи начнут что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били.* Гоголь. Тарас Бульба.

В современном русском языке сохранилось в указанном значении во фразеологизмах: *чинить препятствие; чинить суд и расправу; чинить произвол* [11. С. 768].

Чинить. Офиц. Совершать, осуществлять, направлять против кого-л. *Чинить произвол и насилие. Чинить препятствия. Чинить зверства. Чинить суд и расправу. Чинить злодеяния. Чинить допрос* [4. С. 1480].

Чиниться. Проявлять, выражать излишнюю учтивость, церемониться. *Хозяин, из почтения и радости, ничего не ел, гости*

также *чинились*. Пушкин. Арап Петра Великого. *Нечего ему [читателю] также передо мною чиниться, если бы захотелось меня попрекнуть или побранить*. Гоголь. Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ» [11. С. 768].

Чиновничать. Разг. Быть чиновником (1 зн), состоять на гос. Службе [4. С. 1480].

Приведенные дефиниции дают возможность выделить следующие признаки в значении слова «чиновник»: 1) должностное лицо в дореволюционной России и в буржуазных странах; 2) обладает определенным рангом в иерархии должностей в соответствии с Табелью о рангах; 3) служащий государственного аппарата, какого-либо ведомства; 4) занимает высокое служебное положение; 5) привилегированная прослойка населения; 6) специализируется на управлении и делопроизводстве; 7) следует предписаниям; 8) выполняет работу формально; 9) пользуется определенными правами и преимуществами; 10) в ущерб сущности дела и интересам граждан злоупотребляет своими полномочиями; 11) относится к людям соответственно их чинам, социальному положению; 12) строго соблюдает правила поведения, приличия; 11) степенный, важный.

Предложенные определения свидетельствуют о деактуализации первоначального значения «чиновник» (зафиксировано с пометой *устар.*, а также в словарях соответствующего профиля), а также об эмоционально-оценочном расширении значения ('гос. служащий') основного имени концепта. Последний факт подтверждается наличием оценочных слов «чиновничек», «чиновничешко», «чинодрал», «чинопёр», «функционер».

Резюмируя сказанное, отметим, что понятийная лингвокультурная специфика типажа «российский чиновник» состоит в том, что в русском языковом сознании сосуществуют две номинации: «чиновник» и «государственный служащий»; первая является дескриптивно-характеризующей, вторая – сугубо дескриптивной. Думается, это объясняется тем, что рассматриваемый концепт содержит взрывное противоречие: с одной стороны, должностное лицо, которое специализируется на управлении и делопроизводстве; что, на наш взгляд, требует соответствие образцам высокой

внутренней культуры; с другой стороны, чиновник воспринимается как лицо, которое выполняет работу формально, в ущерб сущности дела и интересам граждан злоупотребляет своими полномочиями. Для того чтобы проверить валидность этого тезиса, необходимо обратиться к экспериментальному анализу языкового сознания, в котором зафиксированы перцептивно-образные, ценностные признаки анализируемого концепта.

Список литературы

1. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. – Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1997. с.11-35.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
4. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург: Норинт, 2001.
5. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка: ок. 35000 слов. – М.: Русский язык, 1990.
6. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. – М.: Альта-Принт, 2007.
7. Словарь русского языка. В 4-х т. – М.: Русский язык, 1988.
8. Толковый словарь русского языка нач. 21 века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2007.

List of literature

1. Liapiin S.X. Konthieptologijja: k stanovlienijju podxoda // Konthieptyu. Nauchnyyje trudy Thientrokonthiepta. Vyyp. 1. – Arxangelisk: Iizd-vo Pomorskogo uniiviersiitieta, 1997. s.11-35.
2. Karasiik V.II. Jazykovyuje kliuchii. Volgograd: – Paradiigma, 2007.
3. Karasiik V.II. Jazykovej krug: liichnosti, konthieptyy, diiskurs. – Volgograd: Pieriemiena, 2002.
4. Bolishoj tolkovyyj slovori russkogo jazyka. – Sankt-Pietierburg: Noriint, 2001.
5. Lopatiin V.V., Lopatiina L.IE. Malyyj tolkovyyj slovori russkogo jazyka: ok. 35000 slov. – M.: Russkii jazyk, 1990.
6. Ushakov D.N. Bolishoj tolkovyyj slovori sovriemiennogo russkogo jazyka: 180000 slov ii slovosochietanii. – M.: Alita-Priint, 2007.
7. Slovori russkogo jazyka. V 4-x t. – M.: Russkii jazyk, 1988.
8. Tolkovyyj slovori russkogo jazyka nach. 21 vieka. Aktualinaja lieksiika / Pod ried. G.N. Skliarievskoj. – M.: Eksmo, 2007.

9. Управление организаций. Энциклопедический словарь / Под ред. А.Г. Поршлева, А.Я. Кибанова, В.Н. Гунина. – М.: Инфра-М, 2001.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Том 4. – М.: Русский язык, 1981.
11. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей 18-20 вв./ Под ред. Р.П. Рогожниковой, Т.С. Карской. – М.: Дрофа, 2005.
12. Фасмер М.. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Том 4. – Санкт-Петербург: Азбука: Terra, 1996.
13. Российская государственность в терминах. IX-начало XX вв. Словарь. – М.: Крафт+, 2001.
9. Upravlienije organiizathij. Enthiiklopiiediichieskijj slovari / Pod ried. A.G. Porshlieva, A.JA. Kiibanova, V.N. Guniina. – M.: Iinfra-M, 2001.
10. Dali V.II. Tolkovyyj slovari zhiivogo vieliikorusskogo jazyyka. V 4 t. Tom 4. – M.: Russkijj jazyyk, 1981.
11. Slovari ustariievshiiix slov russkogo jazyyka. Po proiizviedieniijam russkiix piisatieliej 18-20 vv./ Pod ried. R.P. Rogozhniikovej, T.S. Karskoj. – M.: Drofa, 2005.
12. Fasmier M.. Etiimologiichieskijj slovari russkogo jazyyka. V 4 t. Tom 4. – Sankt-Pietierburg: Azbuka: Tierra, 1996.
13. Rossijskaja gosudarstviennosti v tiermiinax. IX-nachalo XX vv. Slovari – M.: Kraft+, 2001.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

РИТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ДИСКУРСА США

О. В. Атьман

Статья посвящена президентскому дискурсу США. Автор анализирует инаугурационное обращение и прощальную речь как жанры президентской коммуникации, выявляет их риторико-аргументативные особенности, которые заключаются в проявлении совокупности свойств риторических категорий пафоса, логоса и этоса.

Воздействие в той или иной степени проявляется в различных видах дискурсивной практики: в рекламном, массово-информационном, религиозном, медицинском, педагогическом, политическом и прочих видах дискурса. Так, например, многие исследователи согласны с тем, что заголовки, тщательно подобранные параграфические и языковые средства используются в дискурсе СМИ с целью привлечения внимания читателей, пробуждения их интереса к статье и, соответственно, оказания на них определённого воздействия^{1,2}. В рекламном дискурсе воздействие применяется для того, чтобы вызвать у покупателей непреодолимое желание приобрести рекламируемый товар или воспользоваться определённого рода услугами. В этих целях, как показывает исследование Э.Э. Шуберт, рекламодатели продуктивно используют разноуровневые средства языка: фонетические, морфологические, лексические, синтаксические³. По мнению И.Б. Воровцовой, чтобы получить власть или сохранить свои позиции во власти политики оказывают воздействие на электорат с помощью целого арсенала разнообразных лингвориторических средств⁴. Политические речи звучат пафосно, им свойственна определённого рода аргументация, выступления морально-этические «маркированы», поскольку политики апеллируют к нравственным устоям электората.

С древнейших времён люди стремились понять, в чём секрет словесного воздействия. Ответ на этот вопрос даёт риторика – особая наука о способах убеждения и доказательства, разнообразных формах преимущественно речевого воздействия на аудиторию. Веками в ней существуют три категории, определённые Аристотелем, – пафос (чувства), логос (убеждение) и этос (мораль и этика), – соотносимые со способами оказания воздействия на слушателей и приведения их к состоянию собственной убеждённости. В речи названные категории функционируют не изолированно друг от друга, а в совокупности с их свойствами и характеристиками. Так, например, риторический логос – это аргументация, апелляция к рациональной сфере аудитории, логически выстроенное доказательство, основанное на причинно-следственных связях, «вес» которому придадут многочисленные статистические данные, числовой материал. Дж.Я. Тоноян полагает, что основу аргументов представляют собой топосы, *loci communes* (общие места), которые, в свою очередь, есть часть риторического этоса⁵. Под этосом исследователи, например, С.А. Брантов, предлагают рассматривать умение оратора демонстрировать свои личностные качества, апеллируя к этике социума, что позволяет ему установить контакт с аудиторией, вызвать к себе её доверие и расположение, утвердить собственный авторитет⁶. Тщательно подобранная лексика и разнообразные лингвостилистические приёмы придают аргументации особую яркость, образность, эмоциональность, а нередко и торжественность, что позволяет говорить о проявлении риторического пафоса.

Мысль о том, что каждый аргумент обладает свойствами логоса, пафоса и этоса, подтверждает и Е.Н. Зарецкая. Исследователь аргументировано доказывает свою точку зрения и иллюстрирует её с помощью следующего примера: «Доктор, советующий пациенту сократить потребление соли, может привести статистику, показывающую риск повышения кровяного давления. Однако когда доктор аргументирует свое доказательство тем, что пациент умрёт в течение следующих шести месяцев, если не изменит свои привычки питания, то он будет апеллировать к эмоциям, или пафосу. Наконец, если доктор взывает к своему авторитету вра-

ча, прося пациента изменить его привычки по причине доверия к его суждениям, он будет убеждать его через этос, или систему ценностей»⁷.

Следовательно, можно утверждать, что аргументации свойственна тройственная природа, и в ней возможно выделить рациональную составляющую (если аргументы строятся на фактах, статистике, примерах и т.д.), эмоциональную составляющую (когда основная цель аргументации – апелляция к чувствам и эмоциям аудитории, что отражается в тщательно подобранной лексике) и этическую составляющую (иными словами, обращение к системе ценностей аудитории, которые касаются религиозных, национально-культурных и социальных аспектов).

Перейдём к лингвориторическому анализу текстов прощальной речи президентов США. В приведённом ниже отрывке из речи президента Б. Клинтона (произнесённой им 18 января 2001 года) выражается тезис о достижениях американской нации за период его пребывания в должности главы государства. В основе каждого аргумента, приводимого президентом в подтверждение собственного тезиса, заложены определённые топосы, отражающие универсальные и государственные ценности. К ним относятся топосы «экономики», «занятости», «безработицы», «семьи», «благополучия», «снижения уровня преступности», «образования», «здравоохранения» и т.д. Все аргументы содержат множественные статистические данные, числовые показатели, которые только усиливают степень рациональности аргументации, а наличие прилагательных в сравнительной и превосходной степенях способствует её особой пафосности. Числовой материал воздействует на рациональное сознание аудитории, однако, он выполняет не только информативную функцию, но и оказывается, по мнению И.Б. Голуб, важнейшим средством усиления экспрессивности речи⁸. Присутствие многочисленных числительных непременно вызывает всплеск эмоций у аудитории. Известно, что статистика, сведения различного численного характера – например, показатели борьбы с преступностью, данные об увеличении уровня занятости, процентное снижение безработицы за определённый период времени и т. п. – оказывают огромное эмоциональное влияние

на аудиторию, вызывают у неё особое волнение⁹. Следовательно, логически выстроенная аргументация приобретает дополнительную эмоциональность. Кроме того, эмоциональность аргументации придают лексические средства, например, стилистически нейтральная лексика, которая в определённом контексте и на фоне иллюстративных примеров приобретает дополнительные экспрессивные оттенки значения:

T – “Working together, America has done well”.

A₁ – “Our economy is breaking records with more than 22 million new jobs, the lowest unemployment in 30 years, the highest homeownership ever, the longest expansion in history. A₂ – “Our families and communities are stronger”. Thirty-five million Americans have used the family leave law; 8 million have moved off welfare. A₃ – “Crime is at a 25-year low”. A₄ – “Over 10 million Americans receive more college aid, and more people than ever are going to college. Our schools are better. Higher standards, greater accountability, and larger investments have brought higher test scores and higher graduation rates”. A₅ – “More than 3 million children have health insurance now, A₆ – and more than 7 million Americans have been lifted out of poverty. Incomes are rising across the board. A₇ – “Our air and water are cleaner. Our food and drinking water are safer. And more of our precious land has been preserved in the continental United States than at any time in a 100 years”. (W.J. Clinton.)¹⁰

Особую эмоциональность любой аргументации придадут многочисленные лингвостилистические приёмы разных уровней. Исследователи политической метафоры, в том числе Э.В. Будаев и Т. Белт, считают, что метафора как лексико-стилистический приём, с одной стороны, представляет собой инструмент самой аргументации. С другой стороны, если метафора образована, к примеру, на социальных ценностях, непременно разделяемых большей частью аудитории, то она обладает огромным эмоциональным, воздействующим потенциалом^{11,12}, а представители целевой аудитории, для которой предназначена подобная метафора, окажутся под её сильным воздействием. Например, один из аргументов в прощальной речи Б. Клинтона основан на базовой ценностной составляющей американского общества (единство

и сплочённость национальностей, проживающих на территории США и образующих американскую нацию) и выражен через метафору “weave the threads of our coat of many colors into the fabric of one America” – “сплести нити разных цветов кожи в ткань единой Америки”. Проблема межэтнических и межрасовых отношений в США – одном из крупных полиэтнических государств мира, – остаётся актуальной в каждый период пребывания президента у власти и непременно находит отражение в прощальной речи перед нацией¹³. Следует также обратить внимание на то, что в этом случае аргументы оформлены при помощи лексем, выражающих порядок следования (first, second, third, fourth, etc), а модальные глаголы, в них наличествующие, выражают необходимость, обязанность президента и его нации выполнить те или иные поставленные перед обществом цели и задачи:

A₁ – First, America must maintain our record of fiscal responsibility. A₂ – Second, because the world is more connected every day, in every way, America's security and prosperity must require us to continue to lead in the world. A₃ – Third, we must remember that America cannot lead in the world unless here at home we weave the threads of our coat of many colors into the fabric of one America. (W. Clinton)¹⁴.

Результаты лингвориторического анализа текстового материала инаугурационных речей президентов США также свидетельствуют о присущей этому жанру аргументации, имеющей свои особенности и отличной от аргументации жанра прощальной речи президента. Проанализируем отрывок из инаугурационного обращения Б. Обамы (произнесённого им 20 января 2009 года). Нынешний президент Белого Дома выражает свою уверенность в том, что Соединённые Штаты всегда были и продолжают оставаться влиятельной финансово-экономической державой во всём мире. Этот тезис в настоящий момент особенно актуален для американского государства, поскольку, во-первых, с его помощью новый президент пытается доказать избравшим его гражданам возможность скорейшего разрешения сложившегося в стране экономически трудного положения и выхода из него. На общем фоне аргументации прилагательные ‘prosperous’ и ‘powerful’ придают дополнительную эмоциональность президентскому тезису. Во-

вторых, в следующих за тезисом аргументах Б. Обама убедительно отстаивает свою точку зрения относительно возрождения экономики. Приводимые им аргументы основаны на национальных топосах, которые выражают идеи, понятные каждому простому американцу. Это топосы «производительности труда», «национального потребления товаров и услуг», «наличия возможностей», «способностей к изобретениям». Б. Обама подчёркивает, что производительность труда американских рабочих несколько не снизилась, она не подвержена экономическому кризису и остаётся на прежнем уровне; что товары и услуги также востребованы, как и месяц, и год назад; что американцы также находчивы и изобретательны, как и раньше; что национальные возможности не подвержены никаким внешним факторам. Такие пафосные и одновременно «убедительные» аргументы, в свою очередь, положительно характеризуют нового избранного главу государства, готового быть на страже национальных интересов его сограждан. Примечателен в этом отрывке стилистический приём повтора 'no less' и анафорический повтор инклюзивного притяжательно-местоимения 'our', которые, появляясь в каждом следующем аргументе, лишь усиливают эмоциональный накал всей аргументации и выполняют функцию эмоционального воздействия на сознание американской аудитории:

T – We remain the most prosperous, powerful nation on Earth. A₁ – Our workers are no less productive than when this crisis began. A₂ – Our minds are no less inventive, A₃ – Our goods and services no less needed than they were last week or last month or last year. A₄ – Our capacity remains undiminished. (B. Obama)¹⁵.

На основании полученных результатов, мы можем заключить, что аргументация является неотъемлемой частью жанров президентского инаугурационного обращения и прощальной речи. Мы пришли к выводу, что в аргументации своеобразно проявляются черты всех трёх риторических категорий – пафоса, логоса, этоса – в зависимости от интенциональной специфики жанра. В жанре прощальной речи используется аргументация в её трёхкомпонентной структуре: президент выражает благодарность в адрес американских избирателей за оказанное ему доверие (для чего

используется категория пафоса), подводит итоги проделанной им работы (категория логоса), намечает дальнейшие перспективы деятельности для нового главы государства (категория этоса). Жанру инаугурационного обращения элементы доказательства (логос), на наш взгляд, не свойственны, поскольку, в своей речи перед нацией президент анализирует текущую общественно-политическую и экономическую ситуацию в стране и лишь только намечает перспективы своей деятельности, цели и задачи для своей администрации. Чтобы получить достаточно чёткое представление о свойствах аргументации в президентском дискурсе США, нам предстоит изучить ряд других его жанров, например, жанр субботнего радиобращения, который до настоящего времени не освещался в лингвистической литературе, и, чьи лингвориторические характеристики, соответственно, ещё предстоит изучить.

Примечания

¹ Мануковский, М. Манипулятивная коммуникация дискурса современных СМИ // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 106–108.

² Свистельникова, С.А. Воздействующая функция заголовка газетной статьи // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III международной научно-практической конференции (Белгород, 25-27 сентября 2008 г.): в 2 т. Т. II / под ред. проф. М.Ю. Казак и др. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 166–170.

³ Шуберт, Э.Э. Дискурсные единицы, уровни, приёмы и принципы

Endnotes

¹ Manukovskij, M. Manipulatiivnaja kommunikatiivnaja diiskursa sovremennyx SMII // Sovriemiennaja poliitiichieskaja liingviiistiika: materiialhyu miezhdunarodnoj nauchnoj konfierientihii. Jekatieriinburg, oktiabri 2003 g. / Ural. gos. pied. un-t. – Jekatieriinburg, 2003. – S. 106 – 108.

² Sviistieliiniikova, S.A. Vozdiejstvujushhaja funkthiija zagolovka gazietnoj statiji // Zhurnaliistiika ii miediiaobrazovaniije-2008: sb. trudov III miezhdunarodnoj nauchno-praktiichieskoj konfierientihii (Bielgorod, 25-27 sentiabria 2008 g.): v 2 t. T. II / pod ried. prof. M.JU. Kazak ii dr. – Bielgorod: BielGU, 2008. – S. 166 – 170.

³ Shubiirt, E.E. Diiskursnyyje jediiniithy, urovnii, priijomyu ii priin-

речевого воздействия в когнитивном аспекте: автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Краснодар, 2006. – 23 с.

⁴ Ворожцова, И.Б. Воздействие через информацию в русском и французском политическом тексте // Современная политическая лингвистика: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 33–34.

⁵ Тоноян, Дж. Я. Аргументационное воздействие в предвыборной кампании // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. С. 156–158.

⁶ Брантов, С.А. Просодическая составляющая риторической аргументации в публичной речи (На материале британских лекций): дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 182 с.

⁷ Зарецкая, Е.Н. Универсальные потребности бессознательно-го и коммуникативный акт // Доклады международной конференции Диалог 2003. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Zareckaja.pdf>.

⁸ Голуб, И. Б. Стилистика русского языка. – Москва, 2001.

thiipyu riechievogo vozdiejstvija v kogniitiivnom aspiektie: avtorief. ... diiss. kand. fiilol. nauk / E.E. Shubiert. – Krasnodar, 2006. – 23 s.

⁴ Vorozhthova, I.I.B. Vozdiejstviiie chieriez iinformathiiju v russkom ii franthuzskom poliitiichieskom tiekstie // Sovriemiennaja poliitiichieskaja liingviistiika: matieriihalyy miezhdunarodnoj nauchnoj konfi-erienthiihii. Jekatieriinburg, oktiabri 2003 g. / Ural. gos. pied. un-t. – Jekatieriinburg, 2003. – S. 33 – 34.

⁵ Tonojan, Dzh. JA. Argumentatthiihonnoje vozdiejstviiie v priedvyvbornoj kampaniihii // Sovriemiennaja poliitiichieskaja liingviistiika: Matieriihalyy miezhdunarodnoj nauchnoj konfi-erienthiihii. Jekatieriinburg, oktiabri 2003 g. / Ural. gos. pied. un-t. – Jekatieriinburg, 2003. S. 156 – 158.

⁶ Brantov, S.A. Prosodiichieskaja sostavliajushhaja riitoriichieskoj argumientatthiihii v publiichnoj riechi (Na matieriihalie briitanskiix liekthii): diis. ... kand. fiilol. nauk / S.A. Brantov. – Moskva, 2004. – 182 s.

⁷ Zariethkaja, JE.N. Uniiversalinyje potrebnostii biessoznatielinogo ii kommuniikatiivnyj akt // Doklady miezhdunarodnoj konfi-erienthiihii Diihalog 2003. – Riezhiim dostupa: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Zareckaja.pdf>.

⁸ Golub, I.I. B. Stiiliistiika russkogo ja-

⁹ Бондарчук, Н.Н. Число в журналистском тексте // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III международной научно-практической конференции (Белгород, 25-27 сентября 2008 г.): в 2 т. Т. II / под ред. проф. М.Ю. Казак и др. – Белгород: БелГУ, 2008. – С. 182– 87.

¹⁰ Text of President Bill Clinton's Farewell Address: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/wjclintonfarewell.htm>.

¹¹ Будаев Э.В. Военная метафорика в дискурсе СМИ // Электронный журнал Acta Linguistica. Vol 2, No 1 (2008). – Режим доступа: <http://www.actalinguistica.com/>.

¹² Белт Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). – Екатеринбург, 2007. – С. 18–25.

¹³ Чертина З.С. Плавильный котел?: Парадигмы этнического развития США / РАН. Институт всеобщей истории. – Москва, 2000. – 163 с.

¹⁴ Presidential speeches <http://www.homeofheroes.com/presidents/speeches.html>

¹⁵ Text of President Barack Obama's inaugural address: <http://www.cnn.com/2009/POLITICS/01/20/obama.politics>.

зьюка / И.В. Golub. – Moskva, 2001.

⁹ Bondarchuk, N.N. Chiislo v zhurnaliistskom tiekstie / N.N. Bondarchuk // Zhurnaliistiika ii miediihaobrazovaniije-2008: sb. trudov III miezhdunarodnoj nauchno-praktiichieskoj konfierienthiihii (Bielgorod, 25-27 sentiabria 2008 g.): v 2 t. T. II / pod ried. prof. M.JU. Kazak ii dr. – Bielgorod: BielGU, 2008. – S. 182 – 187.

¹⁰ Text of President Bill Clinton's Farewell Address: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/wjclintonfarewell.htm>.

¹¹ Budajev E.V. Vojennaja mietaforiika v diiskursie SMII / E.V. Budajev // Eliiektronnyyj zhurnal Acta Linguistica. Vol 2, No 1 (2008). – Riezhiim dostupa: <http://www.actalinguistica.com/>.

¹² Bielt T. Poliitiichieskoje ubiezhdieniije putiem mietaforiichieskogo modieliiirovaniija // Poliitiichieskaja liingviistiika. Vyyp. 2 (22). – Jekatieriinburg, 2007. – S. 18 – 25.

¹³ Chiertiina Z.S. Plaviilinyj kotiel?: Paradiigmy etniichieskogo razviitiija SSHA / RAN. Iinstiitut vseobshhie iistoriirii. – Moskva, 2000. – 163 s.

¹⁴ Presidential speeches <http://www.homeofheroes.com/presidents/speeches.html>

¹⁵ Text of President Barack Obama's inaugural address: <http://www.cnn.com/2009/POLITICS/01/20/obama.politics>.

**ПЕРЕВОД ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

С. Ф. Булычева

Автор рассматривает вопрос о языке и тексте в аспекте творческой работы переводчика, представляет свою точку зрения об изучении познавательных процессов, иллюстрирует пути достижения толерантной межкультурной коммуникации с помощью примеров, которые переводчик использует в своей работе.

Перевод есть перевыражение или перекодирование. Однако это перекодирование не является объективным природным процессом, его осуществляет человек. Человек обладает индивидуальностью и способностью к творчеству. Именно эти два фактора позволяют ему при перекодировании выбрать из нескольких или многих возможных вариантов перевода свой. Поэтому иногда говорят даже об эвристическом характере процесса перевода, под которым понимается, прежде всего, свобода выбора.

Перевод является речевой деятельностью. В переводческой деятельности язык поэтому - первичная моделирующая система. Языковая система с позиции переводчика – это инструмент мысли. Второй моделирующей системой в этой деятельности можно считать различие системы культур. Текст с позиции переводчика – это инструмент коммуникации. Проблемы переводческой деятельности исследуются лингвистами, психологами, психолингвистами. В последнее время наметился когнитивный подход к исследованию переводческих процессов.

Когнитивная теория это исследование ментальной информации, т.е. информации, хранящейся в ментальном лексиконе внутри мозга и составляющей основу человеческого сознания. Занимаясь изучением способов получения, переработки и хранения информации, специалисты по когнитивной науке выдвинули идею о существовании неких форм репрезентации этих способов в виде определенных структур сознания. Когнитивная наука занимается

решением проблем, связанных с формированием и функционированием этих структур, а именно какие операции, когда и каким образом происходят в голове переводчика на этапах восприятия, понимания и трансформации текста на одном языке в текст на другом языке. Изучение когнитивных процессов перевода наталкивается на трудности в связи с тем, что он не наблюдаем извне и что о нем можно судить только по результатам деятельности.

Наиболее простой путь доступа к структурам сознания лежит через язык.

В процессе перевода принято различать три основных этапа: 1 этап - восприятие и понимание текста переводчиком, 2 этап - перекодирование знаков исходного языка в соответствующие знаки языка перевода (перевод «для себя») и 3 этап - развертывание текста на языке перевода во внешнюю речь («перевод для кого-то»).

Нам представляется, что на первом этапе переводческой деятельности происходит осмысление слов и контекста на основе совокупности знаний, мнений, представлений о мире, т.е. на основе картины мира переводчика. При этом немаловажную роль играет языковая картина мира, т.к. именно при помощи языка люди участвуют в коммуникативных процессах. В психолингвистике картина мира понимается как составная часть национально-го менталитета. В соответствующей литературе подчеркивается, что незнание национальной специфики модели мира собеседника может явиться своеобразным коммуникативным барьером.

На наш взгляд, следует различать научную картину мира и национальную картину мира. Научная картина мира общечеловечна в отличие от национальной культуры мира. Поэтому первый шаг переводческой деятельности связан с констатацией для себя сферы мира, к которой относится данный текст. Установив эту связь через, возможно, беглый обзор текста, т.е. «вызвав» в своем сознании некоторую определенную картину мира, переводчик вырабатывает стратегию деятельности, которая будет направлена на достижение прагматической установки текста. Поскольку картина мира формируется в основном не предложениями, а текстами, некоторые исследователи (например, Москальская О.И., Хартманн П.) считают текст основной и максимально номинатив-

ной единицей языка. Другой номинативной единицей после текста считается логико-синтаксическое единство. В речи оно, как правило, соотносится с абзацем. Логико-семантические единства подтверждают или опровергают вызванную текстом в ментальности картину мира.

Второй шаг переводческой деятельности – перевод «для себя». Это дословный перевод. И, наконец, третий этап – трансформация текста «для себя» в текст «для другого». Чтобы понять, к каким операциям прибегает переводчик, проследим, как преобразуется текст «для себя» в текст «для другого».

Несколько примеров из публицистической литературы [Gary S. Schaal, Felix Heidenreich 2006].

Пример 1: Unstrittig ist jedoch, dass in der Moderne etwas Neuartiges geschah und die Bedingungen, unter denen und für die Politische Theorie betrieben wurde, außerordentlich stark veränderte.

Неоспоримым является, однако, то, что в модерне произошло нечто новое и чрезвычайно сильно изменило условия, в которых и для которых проводилась политическая теория. =

Неоспоримым является, однако, то, что в период модерна произошло нечто своеобразное, что чрезвычайно сильно изменило условия, в которых и для которых развивалась политическая теория.

Пример 2: In der Politischen Theorie werden sehr unterschiedliche Ansätze vertreten, die sehr unterschiedliche Erkenntnisziele anvisieren und daher in ihrem (methodischen) Vorgehen verschiedene Wege beschreiten.

В политической теории представляются очень различные подходы, которые целятся на различные цели познания и поэтому идут в своих действиях различными путями.

В политической теории имеют место различные подходы, заключающиеся о различных целях познания и поэтому в своем (методическом) развитии идущие разными путями.

Некоторую трудность при переводе текстов представляют лакуны, мотивирование и немотивированные. Понимание лакун происходит на фоне контекста или даже структуры книги. Например, во введении к книге „Einführung in die Politischen Theorien der

Moderne“ встречается слово „Serviceteil“. Не посмотрев эту сервисную часть книги, трудно сказать, что в ней. Оказалось, что в ней содержатся вопросы для самоконтроля к каждой главе книги. Или: „Mittelalterlicher ordo-Gedanke“. Из контекста ясно, что „ordo“ восходит к слову „orthodox“. Или: „Autologische Begriffe“ – автологические понятия, выражение, используемое Николасом Луманном, обозначает понятия, описывающие собой действительность.

При переводе сложных в языковом отношении текстов и рассчитанных на широкий круг читателей переводчик прибегает к адаптации этих текстов. Лингвоэтническая адаптация заключается не в упрощении грамматического и лексического состава текста, а в приемах, направленных на облегчение восприятия чужих культурных реалий и языковых явлений.

Важным методом исследования в когнитивной лингвистике перевода служит сопоставительный анализ перевода, т.е. анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала. Эти тексты представляют собой объективные факты, доступные наблюдению и анализу. В процессе перевода устанавливаются определенные отношения между двумя текстами на разных языках (текстом оригинала и текстом перевода).

Сопоставляя такие тексты, можно раскрыть внутренний механизм перевода в аспекте межкультурной коммуникации. В результате получается описание «переводческих фактов», дающее картину реального процесса.

Приведем несколько примеров [Hermann Otto Solms, Igor Artemjev 1999].

<p>1. „Politische Kultur in der Demokratie: Die deutsche Erfahrung“ – das ist kein einfaches Thema. Es enthält viele Fragen: Worauf bauen wir in Deutschland auf? Welches sind die wesentlichen Elemente unserer politischen Kultur? Und welche Erfahrungen haben wir damit gemacht?</p>	<p>1. «Политическая культура в условиях демократии: опыт Германии» - тема, которую нельзя отнести к простым. Она включает в себя множество вопросов: на чем базируется наша деятельность в Германии? Каковы наиболее важные элементы нашей политической культуры? Какой опыт накоплен здесь нами?</p>
<p>2. Lassen Sie mich dazu etwas ausholen, eine kleine Exkursion in die Philosophie machen.</p>	<p>2. Позвольте мне здесь сделать небольшое отступление, совершить, так сказать, краткий экскурс в область философии.</p>
<p>3. Freilich kann das nicht jeder. Dazu braucht man schon besondere Voraussetzungen, besondere Kenntnisse.</p>	<p>3. Правда, не каждый человек, а лишь тот, кто наделен особыми качествами, особыми знаниями.</p>

Приведенные примеры ярко свидетельствуют о творческом характере переводческой деятельности. Для достижения межкультурной коммуникации переводчик широко использует такие приемы в своей работе, как

- прием перемещения лексических единиц, с помощью которого подчеркивается мысль оригинала, с одной стороны, и обеспечивается сохранность стиля родного языка, с другой стороны;

- прием лексических добавлений, с помощью которого элементы смысла остаются в оригинале не четко выраженными, что затрудняло бы понимание перевода;

- прием перефразирования, позволяющий сохранить «энергию» исходного текста и облегчающий его понимание реципиентом.

Список литературы

1. Schaal Gary S., Heidenreich Felix. Einführung in die Politischen

List of literature

1. Schaal Gary S., Heidenreich Felix. Einführung in die Politischen

Theorien der Moderne. – Verlag Barbara Budrich, Opladen & Farmington Hills, 2006. – 282 с.

2. Solms Hermann Otto, Artemjev Igor. Politische Kultur in der Demokratie: Deutsche und russische Erfahrungen; Зольмс Генрих Отто, Артемьев Игорь. Политическая культура в условиях демократии: опыт Германии и России. М.: Библиотека либерального чтения, 1999. – 110 с.

Theorien der Moderne. – Verlag Barbara Budrich, Opladen & Farmington Hills, 2006. – 282 s.

2. Solms Hermann Otto, Artemjev Igor. Politische Kultur in der Demokratie: Deutsche und russische Erfahrungen; Zolims Gienriix Otto, Artiemijev Igori. Poliitiichieskaja kultura v uslovijax diemokratiihii: opyut Giermaniihii ii Rossiihii. М.: Biiblihotieka liibieralinogo chtieni-ija, 1999. – 110 s.

ОБЩИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКА И ПОЛИТИКИ

Ю. Е. Кузнецова

Главная цель каждого языка - сохранить информацию, что способствует коммуникации между различными поколениями, людьми различных стран и социальных групп. Язык и политику в их многообразии изучают различные общественные науки. Политический язык обладает инструментами, которые помогают политикам влиять на людей не только в их ежедневной жизни, но и в больших политических событиях.

Главной задачей языка, как известно, является создание, хранение и передача информации, осуществление процесса коммуникации и обеспечения связи поколений, а, следовательно, прогресса человечества. Язык - это и орудие мышления, и средство общения. Язык принадлежит человеку и подчиняется ему. Он рассматривается людьми как данность, как нечто естественное, что становится собственностью каждого из нас по мере овладения в процессе онтогенеза.

Возрастающее внимание к проблемам языка и процессам, возникающим внутри языка, становится органической частью изменений, переживаемых отечественными социально-гуманитарными науками, включая политологию и лингвистику, так как в основе сопоставимости политики и языка лежит их генетическая общность: и язык, и политика - явления общественные, они возникли и изменяются вместе с появлением и развитием человеческого общества. История показывает, что язык является одним из важнейших факторов осуществления политики, порождающим ее и, в то же время, подчиняющимся ей. Язык народа есть важнейший компонент его национальной культуры, который формируется вместе с образованием этноса, являясь одновременно предпосылкой и условием его существования. Поэтому неудивительно, что в процессе обретения нациями своей реальной

государственности, языковая политика самым активным образом служит достижению данной цели.

Информационное взаимодействие, посредством различных знаковых систем между групповыми и индивидуальными субъектами по поводу власти получает научное осмысление сквозь призму вербальных средств коммуникации - языка, слова, речевой деятельности. Язык в такой перспективе перестает восприниматься лишь как средство общения между субъектами, обретая качества детерминанты политического поведения, средства политического управления.

Современное общество характеризуется чрезвычайной политизированностью, следствием чего является все более возрастающий интерес основной массы населения к языку политиков, к их речевому поведению. Современная лингвистика все чаще обращает внимание на проблему манипуляции, которая проявляет себя особенно ярко именно в языке политиков. Взаимодействие языка и политики происходит в рамках социально обусловленной коммуникации, при этом можно выделить два основных аспекта их соотношения:

1) язык обслуживает политику, являясь ее основным инструментом, т.е. политическое общение происходит с опорой на языковую систему;

2) политика способна не только воздействовать при помощи языка, но и оказывать влияние на сам язык, изменяя, в том числе и системные отношения.

Наполняя политическую коммуникацию, язык является эффективным инструментом политики, борьбы за власть, влияние и контроль, орудием пропаганды, средством политического PR и интерпретации мира политики на всех его уровнях: от макросоциальных пластов международной политики до уровня индивидуального мнения.

Актуальность проблемы языка и языковых отношений приобретает исключительные масштабы в связи с процессами перехода к информационному обществу с его сложнейшими сетями телекоммуникаций. В контексте такого перехода радикально меняется роль информационного, в том числе - лингвистического, оснаще-

ния политики. Политика испытывает неоднозначные последствия своей медиатизации и виртуализации. В результате существенно модифицируются как языковой контекст функционирования политики, так и политический контекст функционирования языка.

Непосредственный интерес для политической науки представляет круг вопросов, связанных с соотношением языкового (этнокультурного) разнообразия и демократии, индивидуальных и групповых прав (соответственно - языковых обязанностей) на языковую самобытность и всей системы прав и свобод человека и гражданина. Важнейшее значение в контексте политической науки приобретает проблематика политизации языка и языковых отношений, особенно, когда речь идет о тенденциях такой политизации в переходных условиях общественного развития.

Обратимся сначала к языку как таковому. Безусловно, он представляет собой довольно сложное социальное образование. Язык - это постоянно изменяющаяся и изменяющаяся система, выполняющая в обществе и культуре целый ряд функций - функцию выражения, функцию обозначения, познавательную функцию, функцию информационно-трансляционную, коммуникативную функцию. Он является специфическим социокультурным средством хранения, накопления и передачи информации, а также управления человеческой деятельностью и поведением. Не случайно, поэтому язык составляет предмет или же входит в состав предмета целого ряда научных дисциплин и философии.

В функционировании и развитии языка выделяются две связанные между собой, но самостоятельные стороны: развитие структуры и развитие общественных функций языка.

В то же время язык, взятый в аспекте своей структуры, или строения, обладает большей автономностью по отношению к социокультурным влияниям, чем язык, взятый в аспекте системы своих социальных функций. Но это все относится ко всякому языку. Из этой характеристики языка мы не можем вывести специфику языка политики. Необходимо взять теперь язык в общем контексте общества и культуры. Здесь язык предстанет чем-то неоднородным. В нем можно будет выделить целый ряд языков. Это определяется тем, что общество или культура име-

ют сложное строение. Имеются, в частности, различные сферы культуры (наука, религия, искусство, политика, право и т.д.). В каждой из таких сфер формируется и свой язык. Наряду с этими специализированными сферами в обществе существует строго не фиксированная сфера быденной жизни. В ней функционирует язык, складывавшийся на протяжении веков и служащий средством жизнедеятельности и взаимоотношений. В развитой культуре этот язык существует в двух основных, часто не очень четко разграниченных вариантах: 1) простонародного
2) литературного языка.

Естественный язык - это неспециализированный язык. Что же касается тех языков, которые обслуживают относительно самостоятельные сферы общества, то эти языки вырабатываются внутри этих сфер, а потому и являются специализированными. Конечно, такой язык не может обходиться без естественного языка (в первую очередь литературного). Специализированный язык обслуживает особую сферу, особую деятельность (профессию, род занятий и т.д.) и потому является функциональным языком. Следует подчеркнуть: всякий язык - и нефункциональный, и функциональный - имеет две отмеченные выше стороны - структурную и функциональную. Следовательно, в данном случае речь идет не о функциональной стороне языка, а функциональности всего языка. Но, разумеется, языка как части языка в целом.

Таким образом, мы подошли к определению специфики языка политики. Это - разновидность функционального языка. Но этим еще не определена его специфика. Специфика языка политики, или политического языка, состоит в том, что это часть языка, которая служит средством осуществления политики, достижения политических целей. Этим он отличается от юридического, научного, философского, медицинского и всякого иного функционального языка. Но как и любой, даже самый замкнутый, язык, язык политики тесно и многообразно связан со всем остальным корпусом языка, с общеязыковым словарным составом. В то же время язык политики не выделяется так же четко, как, например, язык медицины, техники или юриспруденции. Причем между языком политики и общеязыковым словарным составом идет постоянный

взаимообмен: специальные политические термины, слова и выражения превращаются в достояние общеязыкового словарного состава и, наоборот, многие слова и выражения из общеязыкового словарного состава переходят в состав языка политики. Конечно, при этом политические термины в той или иной степени теряют свой терминологический характер, а словам общеязыкового словарного состава придается специальное (политическое) значение.

ЯЗЫК СМИ

МЕДИАОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В АМЕРИКАНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

О.А. Малетина, Э.Р.Волкова, Е.А.Князева

Эта статья посвящена медиа-изображению России в Американских газетах, поскольку проблема описания различных политических событий в зарубежных средствах средствами массовой информации очень актуальна. Одно и то же событие может быть интерпретировано по-разному.

В последние годы проблема отношений между Россией и США стала наиболее видимой, так как если раньше, в период дефицита разнообразных средств массовой информации, все новостные сведения, касающиеся нашей страны, были не вполне точными, теперь же мы получаем достаточное количество информации для того, чтобы судить о политической обстановке нашей страны.

Такую тенденцию можно проследить, если вспомнить провокационную ситуацию августа 2008 года при вторжении грузинских войск на территорию Южной Осетии, финансовый кризис, в котором практически главную роль сыграло США, повышение цен на нефть со стороны России, размещение американских противоракетных баз на территории Европейских государств и этот список можно продолжать. Вышеперечисленные события нашли отражение на страницах различных печатных изданиях, как американских, так и российских. Но разные подходы к освещению событий способствуют созданию совершенно неверного представления о нашей стране, так как американские печатные издания преследуют различные политические цели.

В известных американских печатных СМИ (**CURRENT, Newsweek, The Economist, Time**) американские политические деятели говорят о России с «насмешкой»: **“To get into Russian university you need money and connections...** (Newsweek February

2007)» (*Перевод наш: Вам необходимы деньги и связи, чтобы поступить в российский университет*). Данный пример свидетельствует о том, что американские политики невысокого мнения о системе образования в РФ. Следующий пример описывает ситуацию с прожиточным минимумом в нашей стране: **“Russia is also quite poor: its standard of living is about half that of the Czech Republic and a third of that of the UK (Newsweek March 2007)”** (*Перевод наш: Россия – очень бедная страна, где прожиточный минимум в половину меньше, чем в Чешской Республике, и составляет 1/3 прожиточного минимума в Соединенном Королевстве*).

Поскольку наше государство является достаточно сильным противником, то при переделе сфер влияния американские печатные СМИ выбирают любые средства для достижения желаемого эффекта, но как показывает практика, справедливость побеждает, и утаить информацию или исказить факты им все-таки не удается.

Тема является актуальной, поскольку неподдельный интерес вызывают отношения между двумя крупными державами (Америкой и Россией), а также какую лингвистическую реализацию медиаобраз России получает в американских печатных СМИ.

После распада СССР Российская Федерация объявила себя государством-продолжателем Советского Союза, унаследовала постоянное место в Совете Безопасности ООН, а Министерство иностранных дел России возглавил прозападный дипломат Андрей Козырев. Американские консультанты участвовали в разработке экономических реформ, которые должны были обеспечить переход России от плановой к рыночной экономике (<http://www.eer.ru/en/archive/1391.html>).

Развал Советского Союза, экономический и социально-политический кризис в России, резкое падение её международного престижа и военно-политического потенциала привели к тому, что США стали фактически единственным мировым лидером. Россия рассчитывала, что с роспуском Организации Варшавского договора НАТО рано или поздно также будет распущено, а также руководство США гарантировало, что блок не будет расширяться на восток. Однако в 1999 в НАТО были приняты Чехия, Польша и Венгрия, а в 2004 – Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Болгария. Нарушение гарантий, а также операции

США и их союзников против Югославии, Афганистана и Ирака вызвали в России замешательство по поводу отношений с США.

После террористического акта 11 сентября 2001 в США Россия вошла в состав антитеррористической коалиции, возглавляемой США, а также 13 июня 2002 США денонсировали договор по ПРО от 1972 года, мотивируя это необходимостью защиты от «стран-изгоев» (<http://www.polit.ru/news/2007/05/14/usagazopr.html>).

В последнее время становится очевидным то, что при организации и осуществлении военно-политических акций США руководствуются лишь собственными интересами, что, по-нашему мнению, неприемлемо.

В 2003 Россия совместно с Францией и Германией возглавила лагерь тех, кто не согласен с действиями США в отношении Ирака. В конце 2004 российско-американские отношения стали «холодными», что связано с событиями на Украине («Оранжевая революция»).

В течение последних четырех лет российско-американские отношения развивались динамично: с 1992 по 1995 Россия и США заключили свыше 100 межправительственных и межгосударственных соглашений – это больше, чем СССР и США заключили за 50 лет в период с 1933 по 1983.

Вашингтон и Москва явно недовольны друг другом, а также растет список международных вопросов, где две державы придерживаются противоположных позиций.

Российское руководство неоднократно выражало свою обеспокоенность по поводу действий США: расширение НАТО на Восток, региональные конфликты, соблюдение Договора по ПРО, российско-американские торгово-экономические связи.

Приближение НАТО к границам России грозит чрезвычайно неприятными геополитическими и военными последствиями, так как Россия оказывается в полной политической изоляции в Европе и один на один с самым могущественным военно-политическим союзом в мире. Новые члены НАТО могут стать местом дислокации военных (в том числе и ядерных) баз старых членов Североатлантического альянса, поэтому практически все российские политические партии и движения выразили свое негативное отношение к перспективам расширения НАТО (<http://www.russiatoday.com/news/news/22587>).

У Москвы и Вашингтона различные подходы к таким регионам, как Ближний и Средний Восток, Корейский полуостров, бывшая Югославия, СНГ и Куба. Существует ряд вопросов, на которые России хотелось бы получить ответы:

1) на каком основании Россия должна отказываться от продажи легководного атомного реактора Ирану, который, как известно, присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия и добросовестно выполняет все рекомендации МАГАТЭ?

2) почему уделяется повышенное внимание ядерным возможностям Ирана и в то же время отсутствует адекватная реакция на вызывающее поведение Израиля в ядерной сфере?

3) почему после окончания «холодной войны» главным объектом международных санкций стали традиционные союзники и торговые партнеры Москвы?

Вышеперечисленные вопросы будут осложнять российско-американские отношения до тех пор, пока российские дипломаты не получат адекватных ответов.

Америка недовольна укреплением позиций России, так как американцы за 90-е годы привыкли к тому, что Россия является всего лишь младшим партнёром, мнение которого можно и не учитывать. Москва пытается противостоять мировой экспансии американских интересов, поэтому США невыгодна достойная роль России на международной арене, в связи с этим со стороны Америки наблюдается недовольство и сильная критика России. Россия выразила желание развивать партнёрские отношения с Соединёнными Штатами Америки, но Америка никак не отреагировала на это.

В газете «The Washington Post» появилась публикация с призывом ужесточить американскую позицию в связи с тем, что внутренняя политика России характеризуется пренебрежением к демократическим принципам. Американское руководство обеспокоено централизацией власти, установлением контроля над гражданским обществом, растущим госконтролем над стратегическими секторами экономики, то есть высокой прибылью от экспорта нефти и газа, а также успешными политическими действиями внутри России и за рубежом.

Мы считаем, что Америка скорее всего будет вовлекать Россию в разнообразные совместные проекты, одновременно оказывая давление с якобы целью усиления демократических институтов в стране, но поскольку Россия – независимое государство, то вряд ли наше правительство позволит вмешиваться в нашу политику.

Американская дипломатия, прикрываясь демократическими идеалами, пытается подчинить себе многие государства с целью расширения сфер влияния: голосование в Конгрессе по законопроекту о поддержке демократии в пяти государствах Центральной Азии – Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Туркмении.

Мы попытались дать краткую характеристику взаимоотношений России и США для того, чтобы иметь четкое представление о том, каким образом Россия может быть изображена американскими печатными СМИ.

При характеристике демократической политической обстановки в России американские СМИ используют такие прилагательные, как *feeble* (extremely weak), *floundering* (having a lot of problems **and be likely to fail completely**), для того, чтобы позиционировать оппозицию употребляется следующее словосочетание – *Other Russia* (Другая Россия), где прилагательное пишется с большой буквы, что свидетельствует об огромном уважении со стороны американской печати:

PUTIN VERSUS NOBODY SERIOUS.

Russia's opposition is *feeble, floundering*.

“At a recent gathering of *Other Russia*, a loose coalition of liberals, nationalists and communists who oppose President Vladimir Putin, *a pro-Kremlin youth group lit candles and played a funeral march*. The stunt cut close to bone. Russia's opposition may not yet be dead, but it's in a big coma (The Economist July 28th 2007).”

В вышеприведенном примере используется перифраз (to light candles **and to play a funeral march**), чтобы привлечь внимание читателя и вызвать негативное отношение к молодежной группе, поддерживающей режим Владимира Путина. Заголовок статьи о России «PUTIN VERSUS NOBODY SERIOUS (versus – v. British English vs. American English used to show that two people or teams are competing against each other in a game or court case; nobody–

someone who is not important and has no influence; serious – important and needing a lot of thought or attention) – Слабая оппозиция против Путина» **заранее настраивает читателя на негативное восприятие информации о нашей стране.** Для описания оппозиции используются лексические единицы (not to be dead and to be in a big coma), **подчеркивающие ее незавидное положение в политике России, что, конечно, не является правдой, поскольку в нашей стране мнения всех сторон учитываются, и наличие оппозиции позволяет сохранять объективность.**

В следующем примере рассматривается экономическое положение России, при этом автор статьи пишет о неравенстве распределения богатства в нашей стране, коррупции, которая свойственна, именно, нашему государству (**corruption endemic**) **и о том, что пожилые люди и жители сельских районов вынуждены выживать (to continue to struggle).** **Следует отметить, что автор использует повторы и прием аллитерации с целью усиления эффекта негатива:**

RUSSIA GETS RICH

“There’s **still nothing** egalitarian about the way Russia’s new wealth **is distributed**; the **rich** are getting a lot **richer**, corruption endemic and millions of people continue to struggle, especially the old and those in rural areas (Time May 15, 2006).”

Сам заголовок «Россия становится богаче» ироничен, поскольку далее идет описание неблагоприятной обстановки в стране. Следующий пример также описывает ироничное отношение к экономической ситуации в нашей стране: EVERYONE GRUMBLES ABOUT INFLATION, CURRENTLY ABOUT 12%. APARTMENT PRICES ARE SOARING FASTER THAN IN SHANGAI OR NEW YORK CITY. ***YET THE FAVORITE POLITICAL NOUN IS “STABILITY***

(Time May 15, 2006).”

В вышеприведенном примере автор статьи намеренно привлекает внимание читателя к наиболее важной информации, используя заглавные буквы (графический прием).

Как показал проанализированный материал, частотны и метафоры:

1) “Moscow used to be ***an island of prosperity in an ocean of despair***, but it's not true any more (The Economist December, 2007).”

2) “Still, the 48-year-old Russian President *remains something of a puzzle* to Washington. On the one hand, Putin has reinvigorated the Kremlin. He’s done this both literally, by cultivating the image of a judo buff to Yeltsin’s stumbling drunk (Newsweek January 2001).”

В первом примере автор пишет, что Москва была островом экономического процветания (an island of prosperity: 1) island – a piece of land surrounded by water; 2) prosperity – the situation of being successful and having a lot of money) в океане отчаяния (an ocean of despair: 1) ocean – one of the large areas of salt water that cover most of the Earth). Во втором примере Владимир Путин сравнивается с пазлом (puzzle – something that is difficult to understand or explain), который представляет огромную трудность для понимания американских политиков.

Статьи в американских СМИ изобилуют использованием эпитетов и гипербол:

1) Russia’s President, in charge of *a down-on-its-luck great power*, misses no opportunity to needle Washington. What’s his game? (Newsweek January 2001)

2) “Today’s Russia depends on *a few million more* sharing that *optimism* (The Economist November, 2007).”

Проанализированный материал показал, что американские СМИ пытаются создать негативный образ России на своих страницах, используя различные лексические единицы (wary, to depend heavily on its oil resources, gamble, danger, domestic pressure, to retreat from his bold effort, risk, risky). Подобное внимание к России со стороны американской печати объясняется тем, что наше положение на международной арене укрепляется с каждым днем, к мнению нашего государства прислушиваются, и мы оказываем реальную помощь пострадавшим государствам, не преследуя меркантильных интересов с целью расширения сфер влияния.

Следует отметить, что британская пресса положительно отзывалась о политике, проводимой Россией на международной арене, и Британия готова к сотрудничеству с Россией. В статьях про Россию используются следующие лексические единицы – hope, to get along better, to re-open lines of communication, thaw:

Russia signals *thaw* in UK relations

26.03.2008 - News

There's renewed *hope* that Russia and Britain will *get along better* after Dmitry Medvedev told the Financial Times his country is *ready to re-open lines of communication*. His choice of a UK-based paper for his first interview as Russia's president-elect is being seen as a taste of things to come (www. news).

Итак, на страницах зарубежных СМИ образ России имеет как негативную характеристику, так и позитивную, потому что СМИ придерживаются определенной точки зрения в зависимости от политической ситуации в мире.

Список литературы

1. <http://www.eer.ru/en/archive/1391.html>
2. <http://www.russiatoday.com/news/news/22587>
3. <http://www.nytimes.com/>
4. <http://www.polit.ru/news/2007/05/14/usagazopr.html>
5. <http://www.eer.ru/en/archive/1391.html>
6. <http://www.russiatoday.com/news/news/22587>
7. <http://www.nytimes.com/>
8. <http://www.polit.ru/news/2007/05/14/usagazopr.html>

Список названий использованных словарей

1. Addison Wesley Longman. Longman Dictionary of English Language and Culture. Barselona: Cayfosa, 1998. – 1568 p.
2. New Webster's Dictionary. Delhi: Surjeet Publications, 1988. – 1824 p.
3. В.К. Мюллер Новый Англо-Русский Словарь. М.: Русский язык, 1995. – 880 с.

List of literature

1. <http://www.eer.ru/en/archive/1391.html>
2. <http://www.russiatoday.com/news/news/22587>
3. <http://www.nytimes.com/>
4. <http://www.polit.ru/news/2007/05/14/usagazopr.html>
5. <http://www.eer.ru/en/archive/1391.html>
6. <http://www.russiatoday.com/news/news/22587>
7. <http://www.nytimes.com/>
8. <http://www.polit.ru/news/2007/05/14/usagazopr.html>

List of the names of the used dictionaries

1. Addison Wesley Longman. Longman Dictionary of English Language and Culture. Barselona: Cayfosa, 1998. – 1568 p.
2. New Webster's Dictionary. Delhi: Surjeet Publications, 1988. – 1824 p.
3. V.K. Miullier Novyyj Anglo-Russkijj Slovare. M.: Russkijj jazyk, 1995. – 880 s.

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ «СОЗДАНИЕ КРУГА СВОИХ», «СОЗДАНИЕ КРУГА ЧУЖИХ»:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(на материале СМИ США и России)**

О. А. Могилевская

Коммуникативные стратегии с явно выраженным идеологическим тоном представляет стратегия «создание круга своих» и стратегия «создание круга чужих». Первая стратегия включает тактику «создание образа героя» и «солидаризация», вторая – формирует тактику «дистанцирование» и «создание образа врага».

Изучение стратегий и тактик речевого поведения человека вызывает много споров: в современной теории коммуникации фактически нет единого определения понятия «стратегия».

С точки зрения когнитивного подхода Т. ван Дейк определяет стратегию как характеристику когнитивного плана общения, «такие планы представляют собой общую организацию некоторой последовательности действий и включает цель или цели взаимодействия... Обычно к стратегиям прибегают, как только последовательность действий становится сложной, а также в тех случаях, когда промежуточные этапы взаимодействия невозможно запланировать заранее» [2. С. 172]. О.С. Иссерс рассматривает коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникации и коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [3. С. 54].

В русле психолингвистического подхода под стратегией понимается «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта» [1. С. 85], «осознание ситуации в целом, определение направления развития и организации воздействия», «развернутая во времени установка субъекта на общение».

С позиций прагмалингвистики стратегия определяется как «совокупность речевых действий» [9. С. 58], «цепочка решений говорящего, его выборов определенных коммуникативных действий и языковых средств» [8.С. 192].

С учетом рассмотренных подходов к определению коммуникативной стратегии, под последней мы понимаем линию речевого поведения, направленную на достижение цели посредством тактик, реализуемых в конкретных коммуникативных ходах.

Вслед за рядом исследователей [7. С. 25] мы выделяем следующие стратегии массово-информационного дискурса: 1) презентативная; 2) информативная; 3) манипулятивная (позиционирующая, дискредитирующая, искажения (от лжи до частичных дефамаций)).

Тональность представляет собой двустороннюю категорию, включающую как заданность или закодированность информации со стороны отправителя, так и умение правильно воспринимать, раскодировать заложенный смысл получателем [4. С. 385].

Идеологическая тональность – это вид коммуникативной тональности, который можно охарактеризовать по признаку интенциональности – четкостью заданной установки на общение в жестких рамках, ориентир ярко выраженное позиционирование и противостояние «МЫ – ОНИ»; по признаку интерпретативности – возможность единственно верной интерпретации - выбор «нужной» и всегда правой стороны; по признаку оценочности - положительная оценка круга «своих» и крайне негативная осуждающая оценка круга «чужих»; по признаку эмоциональности – широкой вариативностью спектра эмоций.

Одним из способов выражения идеологической тональности массово-информационного дискурса являются коммуникативные стратегии **“создание круга своих”** и **“создание круга чужих”**. Под коммуникативной стратегией мы понимаем линию речевого поведения, направленную на достижение цели посредством тактик, реализуемых в конкретных коммуникативных ходах.

Был проведен сопоставительный анализ текстовых фрагментов газетных и журнальных статей американских и русских СМИ с маркированной идеологической тональностью. Основой для

анализа послужила классификация И.В. Самариной: стратегия «создание круга своих» состоит из двух тактик: тактики "солидаризация" и тактики "создание образа героя"; стратегия «создание круга чужих» включает тактику "создание образа врага" и тактику "дистанцирования" [5. С. 3, 5-6]. Рассмотрим лексико-семантические и семантико-синтаксические языковые средства создания вышеуказанных тактик.

Тактика **солидаризации** реализуется через коммуникативные ходы объединения, сплочения, консолидации. Журналист прибегает к использованию данной тактики для того, чтобы расположить аудиторию к политике как к представителю партии «своих» или партии в целом, заручиться доверием публики.

Лексико-семантические средства со значением совместности представлены различными частями речи: местоимения (личные местоимения *мы; we, us*; притяжательные местоимения *наши, свои; our, his own*), существительные (*сторонники, соратники, близость, единство, солидарность, приверженцы, приближенный, сановник, верноподанный, сподвижники, верность, баланс, поддержка, коалиция, диалог, единомышленники; supporters, unity, majority, camp, coalition*), прилагательные (*совместный, единый, верноподданный, прокремлевский, лояльный, верный; entire, whole*), причастия (*объединенный; globalized*), наречия (*вместе, воедино; together, more and more*), глаголы и глагольные сочетания (*объединить(ся), скреплять, приходиться к согласию, лоббировать, поддерживать, придерживать, укреплять, цементировать, ориентироваться, одобрять; to rally, to emerge, to join, to connect with, to advocate, to cooperate, to agree, to share, to bolster, to support, to be in tune with, to be in step with*).

На семантико-синтаксическом уровне иллюстрации сплочения и объединения могут быть реализованы в форме лозунгов, которые выполняют интегрирующую функцию. Лозунг выступает в качестве маркера социальной идентификации и одновременно выражает объединяющую идею.

(1) Here's your message! Learn it. Love it. Live it. (David Brooks, The education of McCain, August, 19th 2008). Вот ваше послание! Изучите его. Полюбите его. Проживите его. (Дэвид Брукс

«Образованность Маккейна», 19.08.08). В этом примере кандидат в президенты США от республиканцев Джон Маккейн использует лозунг для сплочения аудитории.

Русские журналисты используют лозунги (даже с первичным значением обобщения и солидаризации) только для высмеивания либо дискредитации противника. Ни одного примера цитирования лозунга для создания тактики солидаризации не было найдено.

Тактика **образ героя** позволяет журналисту создать положительный образ политика-лидера либо партии, показать, что именно эта сторона способна решить проблемы нации и привести народ к лучшей жизни. Данная тактика реализуется через коммуникативные ходы расположения, одобрения, восхваления.

К лексико-семантическим средствам реализации этих иллюзий можно отнести целенаправленный выбор лингвистических единиц с положительной оценкой, выражающих: 1) положительные качества и характеристики политика, 2) его первенство и лидерство, 3) политические ценности [5. С. 7].

1) Журналист для создания образа «героя» политика показывает, что он обладает собственными качествами "героя", которые будут выражаться в положительных качествах и моральных ценностях, которые входят в систему общечеловеческих ценностей (*открытость, прямодушие, воля, характер, ответственность, достоинство, справедливость, самоотдача, храбрость, толерантность; wartime valor, honesty, sincerity, tolerance, integrity, respect, self-efficacy, self-awareness, intelligence, justice, enthusiasm*).

(2) *I think first of the personal qualities. He was an unfailingly candid man...He is for a politician, a humble man. The most important legacy of his prisoner-of-war days is that he witnessed others behaving more heroically than he did. This experience has given him a basic honesty when appraising himself (David Brooks, Thinking about John McCain, September, 25th 2008). Прежде всего, я думаю о его личных качествах. Он был неукоснительно честным человеком... Для политика он очень скромен. Наследие его в качестве военнопленного таково, что ему приходилось наблюдать за более героическими поступками других в сравнении с собственными. Подобный*

опыт наделил его неотъемлемой честностью при собственной оценке (Дэвид Брукс «Размышляя о Джоне Маккейне», 25.09.08). В этом примере журналист использует такие прилагательные, выражающие положительные качества как *candid* в значении честный, откровенный и *humble* в значении скромный, а также существительное *honesty* для того, чтобы показать массовому получателю моральные принципы, которых придерживается кандидат в президенты с целью одобрения и создания образа "героя".

(3) Кандидат должен быть любезен земле (ибо иначе не выберут), при этом любезен выдвигающей его группировке (ибо иначе зачем вообще выдвигать) и обладать определенными моральными и деловыми качествами. Деловыми - чтобы была надежда на то, что справится с управлением землей. Моральными - чтобы была надежда на то, что справится с управлением собой. (М. Соколов «Девичий переполох» «Известия», 19.06.07). Автор указывает, что достойный кандидат – лишь тот, кто обладает определенным набором как деловых, так и общечеловеческих качеств, чтобы судить о поступках и быть объективным, прежде всего, при оценке собственных действий.

2) Лингвистические единицы со значением первенства и лидерства могут быть выражены существительными (*превосходство, первенство, лидерство, преимущество; leader, leadership*); прилагательными в превосходной степени *самый, лучший; превосходный, единственный; exceptional, the best, the most effective*, а также числительными *first, number one, the first ever, etc.*

(4) *He's the only politician of our lifetime who is underestimated because he's too intelligent* (David Brooks, *The Two Obamas*, June, 20, 2008). Он единственный политик современности, которого недооценивают из-за того, что он слишком умен. (Дэвид Брукс «Два Обамы», 20.06.08). В этом примере Дэвид Брукс употребил местоимение *the only* (единственный) с положительной оценкой с целью выделения кандидата из общей массы политиков для выражения идеи его уникальности.

(5) «Новая кровь» называется Никита Белых – молодой пермский вице-губернатор, специалист по финансам. Именно он теперь единственный лидер партии, который и поведет ее к новым

победам. (А. Рыклин «На правом фланге без перемен», 31.05.07 www.ej.ru).

3) Лингвистические единицы, выражающие политические ценности или политические аффективы: *демократия, гуманизм, государственность, выборность, безопасность, свобода слова и самовыражения, свободное волеизъявление, liberalism, liberty, democracy, freedom, human rights, etc.* Политик, который придерживается общих всенародных политических ценностей, ассоциируется с благоразумным, компетентным лидером и заслуживает право считаться народным "героем".

(6) *But he described traditional conservatism-plus: low taxes and free markets with some activism built on top; compensating workers for lost wages when plants close; a grand national project for energy independence. He communicated his intense passion to lift government to a plane the country deserves. He did note that he has fought to change the Republican Party during its period of decay (David Brooks, A glimpse of the new, September, 4th 2008).* Однако он описал преимущества традиционного консерватизма: низкие налоги и свободная торговля; выплата компенсаций рабочим при закрытии заводов; национальный проект за независимость энергии. Он выразил желание понять правительство на уровень, который заслужила страна. Он также отметил, что сражался, чтобы изменить партию республиканцев в период упадка (Дэвид Брукс «Проблеск новизны», 04.09.08). В этом примере Дэвид Брукс употребил политические аффективы *independence* в значении свобода и *free market* в значении свободная рыночная экономика для выражения общих экономических ценностей, которые разделяет его партия и народ с целью расположения к себе получателя.

(7) *Но — ЕСЛИ — он начнет делать хоть какие-то шаги, которые мне покажутся разумными — свернет дурацкий лай против «Запада», расширит щелки свободы, приведет в минимально пристойный вид ТВ-помойку, — ну конечно, я стану его сторонником. Как, полагаю, и 99% «среднедемократичных» людей. (Л. Радзиховский «Риторика и политика» 28.03.08 www.ej.ru).* Журналист подчеркивает, что если президент будет бороться за базовые политические ценности - свободу слова, действий и конструктивизм, он непременно станет его сторонником.

Лингвистические единицы с положительной оценкой, реализующие иллюзии тактики "создание образа героя" можно распределить по частям речи. Они могут быть выражены: существительными (*эффективность, мужество, справедливость, пронзительность, стабильность, могущество, исключительность, слава, трезвость, твердая рука, продуктивность, результативность, последовательность, авторитет, потенциал; force, strength, integrity, effectiveness, prosperity, merit, etc.*), прилагательными (*успешный, ответственный, влиятельный, объективный, незабываемый, независимый, устойчивый, похвальный, выигрышный; admirable, bright, great, good, focused, right, promising, positive, persuasive, progressive, successful, transparent, vehement, etc.*), глаголами и глагольными словосочетаниями (*преуспевать, выигрывать, удаваться, созидать, укрепиться; to win, to set up, can, will, to reach, to succeed, to achieve, to contribute, to improve, to help, to make progress, to protect, to defend, to support*).

(8) *Democrats have successfully developed tools to exploit online advocacy, and Republicans must spend more time and energy doing the same* (Karl Rove "A way out of the wilderness", November, 10th 2008). *Демократы успешно используют возможности пропаганды посредством глобальной сети, республиканцам же необходимо направить больше средств и энергию на достижение тех же результатов* (Карл Ров "Выход из положения", 10.11.08).

(9) *Наконец, путинская стабильность - не миф, она реально существует, а в стабильные эпохи людям вообще свойственно удаляться в частную жизнь* (М. Соколов "Депутаты и картофель" «Известия» 04.09.07).

Тактика **дистанцирования** реализуется через коммуникативные ходы отстранения, отчуждения, оппозиционирования. Журналист проводит четкую грань между политиком и его оппонентом, между правым и виноватым, между идеями и действиями «своих» и «чужих».

Лексико-семантические средства со значением отчуждения представлены различными частями речи: местоимения (*их, чужие; their, theirs, his*), существительные (*порицание, оппозиция, критика, отмежевание, борьба, раздоры, распри, конфликт, кон-*

фронтация, заговор, клан, противоправность, вседозволенность, всевластие, дезинтеграция, псевдокандидат, инакомыслящий; rivals, foes, bickering, critics, adversary, division, hostility, failure, opposition, minority, side, tension), прилагательные (непримиримый, деструктивный, чудовищный, надуманный, агрессивный, второстепенный; shrinking, wrong, hostile), причастия (пошатнувшийся, ангажированный, разобщенный; divided, detached), глаголы и глагольные сочетания (противостоять, разжигать рознь, контрастировать, противоречить, подрывать основы, поссориться, травить, отвоевывать, расширивать, дистанцироваться, самоограничиться; to confront, to oppose, to fail, to run against, to be out of step with).

К семантико-синтаксическим средствам тактики дистанцирования относятся: 1) сложносочиненные предложения с противительными союзами *a, no*, однако в русском языке; *but, though* в английском;

2) сложноподчиненные предложения с придаточным времени с союзами *когда*, в то время как в русском языке, *while, meanwhile, meantime* в английском.

Приведем примеры.

(10) *The trends are pretty clear: rising economic sectors tend to favor Democrats while declining economic sectors are more likely to favor Republicans (David Brooks, Obama's money class, July, 1st 2008). Тенденции вполне ясны. Развивающиеся сектора экономики покровительствуют демократам, тогда как угасающие поддерживают республиканцев (Дэвид Брукс «Спонсоры предвыборной кампании Обамы», 1.07.08).*

(11) *Но как бы там ни было, ситуация с двумя правыми партиями отчасти повторяет историю с двумя Россиями – единой и справедливой. Вот Грызлов лаетя с Мироновым, а Барцевский — с Надеждиным (А. Рыклин «Спор славян между собою», 28.02.07 www.ej.ru).*

Тактика **образ врага** реализуется через коммуникативные ходы недоверия, оскорбления, насмешки, дискредитации. Журналист описывает оппонента как врага, как лицо, недостойное внимания и поддержки, обладающее рядом резко отрицательных характеристик.

На лексико-семантическом уровне можно выделить следующие средства реализации этих иллокуций: 1) инвектива, 2) ярлык, 3) лингвистические единицы в переносном значении с отрицательной оценкой (метафора), 4) лингвистические единицы, выражающие недоверие и сомнение к оппоненту, 5) лингвистические единицы, выражающие обезличивающее обобщение и неопределенность; 6) лингвистические единицы, реализующие иллокуции дискредитации, нападения, обвинения [5. С. 8].

Раскроем каждый из пунктов подробнее:

1) инвективы, представленные различными частями речи: существительные (*враг, интриган, тиранство, урод, коварство, демагогия, сливная яма, бред сивой кобылы, коммунистическая зараза, беспредел, зашоренность; saps, dimwits, ne'er-do-wells, lapses, absurdity, kibitzing*), прилагательные (*хищнический, скандальный, поганый, обвальный, отвратительный; shortsighted, absurd*), глаголы и глагольные сочетания (*продаться, разводиться, вешать лапшу на уши, втирать, морочить голову, начхать; обрыднуть, поливать грязью*);

(12) *God, Republicans are saps. They think they're running against some academic liberal who wouldn't wear flag pins on his lapel, whose wife isn't proud of America and who went to some liberationist church where the pastor damned his own country (David Brooks, The Two Obamas, June, 20th 2008). Божже, какие же болваны республиканцы. Они полагают, что ведут кампанию против какого-то академического либерала, который не надел бы значок с флагом на лацкан пиджака, чья жена не гордится своей страной, и который ходил в церковь, в которой пастор проклинает собственную страну (Дэвид Брукс «Два Обамы», 20.06.08).*

(13) *Дескать, чуть раньше подсуетилась «Молодая гвардия», и буквально за минуту до того, как пресс-секретарь нацболов Александр Аверин подал заявление в заветное окошко, к окошку этому успели протиснуться юные единороссы. Разумеется, это — бред сивой кобылы. (А. Рыклин «Конфронтация», 3.04.07, www.ej.ru).*

2) Суть ярлыка заключается в его обвинительной направленности, где имя используется для обвинения в опасных для общества свойствах (*фашист, нацбол, анархист, диктатор, едино-*

рос; *the right, populist, bureaucracy*) . В качестве ярлыка нередко используется антропоним - имя политика в репрезентативно-символической функции как воплощение качеств политического деятеля, получающих резко негативную оценку в обществе (*Жириновские, зюгановы, явлинские и т.д.*) [5 С. 9]. Например:

(14) Давно начал подмечать, что основные кремлевские агитаторы – все эти павловские, пушковые, соловьевы, леонтьевы и прочие марковы с никоновыми работают спустя рукава. То есть создается впечатление, что не болит у них душа за любимое дело, не проводят они бессонные ночи за своими пропагандистскими текстами, а просто отрабатывают номер — креатив у них на нуле (А. Рыклин «Халыавцики или вредители?» 15.03.07, www.ej.ru).

Ярлык является универсальным средством реализации тактики "создание образа врага" для американских и русских журналистов и отличается количественными показателями и лингвокультурными особенностями.

3) Лексические единицы, выражающие недоверие, представлены следующими языковыми средствами: *квази, псевдо* + существительное или прилагательное, *так называемый, некий*, частица *якобы; certain, so called, self-appointed, supposedly*.

(15) **Sometimes there will be a pollster offering data that supposedly demonstrates the brilliance of the message and why it will lead to political nirvana** (David Brooks, *The Education of McCain*, *The New York Times*, Aug, 19 2008). **Однажды появится социолог и предложит такие данные, которые продемонстрируют гениальность сообщаемого и предположительно обоснуют, почему все в итоге приведет к политической нирване** (Дэвид Брукс, «Образованность Маккейна», 19.08.08).

(16) Одним из элементов этой нерешительности и стало «квазирешение»: «пока что» войти в список «ЕР»... *Хоть какое-то «событие» — а там посмотрим* (Л. Радзиховский, «Змея из мешка» 1.11.07 www.ej.ru).

4) Метафоры с отрицательной оценкой часто используются как русскими, так и американскими журналистами для критики, высмеивания или дискредитации «чужих», представленных властью, оппозицией, конкурирующим кандидатом.

(17) Как уже было сказано выше, большинство наших традиционных политических партий предпочитают синицу в руках. И ничего, что синица эта чахлая, полупридушенная, без перьев и вообще еле живая. Главное, что она из золотой клетки и, если хозяева будут ее хорошо кормить, может вырасти в роскошного попугая (А. Рыклин «А если вокруг одни грабли?», 18.05.07). Обозреватель использует метафоры «синица в руках» и «роскошный попугай», иронизируя по поводу курса традиционных партий, заботящихся только и собственных сиюминутных интересах, а не о долгосрочной программе во благо обществу, создавая отрицательный образ партии.

(18) *Independent voters do not believe the country's problems can be solved merely by replacing Republicans with Democrats. They cast a pox on both houses. That's why they're independents (David Brooks, Surprise Me Most, September 8, 2008).* Независимые избиратели не верят, что проблемы страны можно решить простой заменой Республиканцев на Демократов. Они шлют чуму на оба дома. Поэтому-то они и независимы (Дэвид Брукс «Кто на что горазд?»). Журналист констатирует, что избиратели не верят в способность ни одной из борющихся партий решить проблемы, используя метафору «наслать чуму на оба дома».

5) Лингвистические единицы, реализующие иллюкации дискредитации, нападения, обвинения, представлены следующими частями речи:

* существительные (двоевластие, коррумпированность, непредсказуемость, враждебность, безальтернативность, болтовня, демагогия, контрпродуктивность, издевательство, безыдейность, неопределенность, крах, клевета, сокрушение, двусмысленность, нарекания, непоследовательность, пошлость, лизоблюдство; *illusion, irresponsibly, populist, a lack of understanding, vulnerability, imbalance, weakness, lack of achievements, shortcoming, sleaze-meister, weirdness, backwoodsman, weakness, criticism, indignation, error*);

* прилагательные и причастия (подозрительный, иллюзорный, безвольный, опасный, тупиковый, примитивный, подложный, бесталанный, лобовой, неуравновешенный, хаотический, нерешительный, нелепый, не заслуживающий доверия, плачевный, хлипкий, вялый, дремотный, размытый, корыстный, зыбкий,

шаткий, чахлый, тухлый, нестабильный, чудовищный, циничный; *unable, illiterate, immature, rude, inaccurate, inappropriate, uncertain, obscene, unstable, misleading, reckless, unready, false, failed, devastating, damaging, thorny, vulnerable, negative, naive, disappointing, whining, impatient, malleable, austere, indisputable, foolish, erratic, junk, suicidal, smashing*);

* глаголы (*взбрести в голову, дезинформировать, расшатывать, лавировать, подыгрывать, выродиться, дезориентировать, дискредитировать; to ignore, to ruin, to destroy, to disappoint, to lie, to slander*).

Семантико-синтаксические средства представлены риторическими вопросами. Например:

(19) *Democrats will be eager to discuss a second stimulus package in the coming session. But will highlighting the economy's trouble and attacking the president do them any good if they can't pass something while running Congress?* (Karl Rove, *Congress is a perfect target for McCain, August, 28th 2008*). Демократы с удовольствием обсудят еще один пакет экономических стимулов в грядущем сезоне. Но принесут ли им пользу дискуссии об экономических проблемах и нападки на президента, если они не могут принять дело в Конгрессе, даже возглавляя его? (Карл Роув «Конгресс – прекрасная мишень для Маккейна», 28.08.08). Автор подчеркивает неспособность демократов добиться положительного голосования с помощью риторического вопроса и иронии.

(20) *Повторимся: в автозаке скучно, тем более в первый раз, и любое поведение схваченного - ступор, площадная брань, выспренные обличения палачей - все было бы понятно. Но на родном языке. Когда звучит истерика на американском языке, политик может перекалифицироваться в управдомы. Умножать популярность таких лидеров есть дело столь бессмысленное, что ни о какой рациональной политической кампании речи быть не может. Но тогда отчего бы и не позаниматься мордобоями? Хуже такому политику все равно не будет* (М. Соколов Радистка Гарри, 17.04.07, «Известия»).

Лозунги также могут быть использованы в целях дискредитации противника, высмеивая слабости или абсурдность действия оппонентов, либо противопоставляя «своих» и «чужих». Обратимся к примерам:

(21) В ходе словесной полемики критики ex-премьера громко скандировали: "Путин - герой, Касьянов - геморрой!", в результате чего создавался отчасти двусмысленный образ героя, который борется с геморроем (М. Соколов «Спецкорреспондент и обозреватель», 31.08.07 «Известия»).

Кроме того, лозунги с первичным значением солидаризации используются русскими обозревателями для дискредитации «чужих». Например:

(22) Тамплиер 5-го разряда, евразиец А.Г. Дугин отметил, что "противников путинского курса больше нет, а если и есть, то это психически больные и их нужно отправить на диспансеризацию. Путин - везде, Путин - всё, Путин абсолютен, Путин незаменим» (М. Соколов «Путин абсолютен», «Известия»). В данном случае журналист, цитируя лозунг, который сам по себе возводит в ранг величия президента, показывая его превосходство и величие, высмеивает и иронизирует по поводу такого возведения в абсолют одной личности.

Таким образом, коммуникативные стратегии с маркированной идеологической тональностью присутствуют и ярко выражены в обоих языках и культурах, поскольку бинарная оппозиция «свои - чужие» является универсалией, однако, необходимо отметить ряд различий в способах выражения данных стратегий и тактик.

Набор языковых средств, создающих тактики дистанцирования и образа врага, в статьях русских журналистов значительно превышает средства, направленные на солидаризацию и создание образа героя (80% - 20%), в то время как показатели по данному параметру у американских обозревателей различаются несущественно (60% - 40%). Более того, процент инвектив, сниженной лексики в русских СМИ значительно выше. Так, русские критики чаще выражают свое отношение не через апелляцию к положительным достижениям и действиям сторонников, а через критику, дискредитацию противников. Американские журналисты отличаются большей толерантностью и выдержанностью. Критика в адрес оппонентов, безусловно, присутствует, но она представлена более аргументировано и структурировано, она строится на логических доводах, а не оскорблениях.

Список литературы

1. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1999.
2. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация – М.: Прогресс, 1989. – 307с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: КомКнига, 1999. – 288с.
4. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 519с.
5. Самарина И.В. Коммуникативные стратегии "создание круга чужих" и "создание круга своих" в политической коммуникации: прагматический аспект: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 158с.
6. Кузнецова И.А. Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе : диссертация ... кандидата филологических наук. – Волгоград, 2006. – 162с.
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса – М.: ИТДКГ "Гнозис", 2003. – 280с.
8. Труфанова И.В. О разграничении понятий «речевой акт», «речевой жанр», «речевая стратегия», «речевая тактика» / И.В. Труфанова // Филологические науки. – 2001. – № 3.

List of literature

1. Boriisova II. N. Diiskursiivnyyje strategiihii v razgovornom diialogie // Russkaja razgovornaja riechi kak javlieniije gorodskoj kullituryy. –Jekatieriinburg, 1999.
2. Diejk T. A. van. Jazyyk. Poznaniije. Kommuniikathijja – M.: Progiress, 1989. – 307s.
3. Iissiers O.S. Kommuniikatiivnyyje strategiihii ii taktiikii russkoj riechii. – Omsk: KomKniiga, 1999. – 288s.
4. Karasiik V.II. Jazyykovyyje kliuchii. – Volgograd: Paradiigma, 2007. – 519s.
5. Samariina II.V. Kommuniikatiivnyyje strategiihii "sozdaniije kruga chuzhiix" ii "sozdaniije kruga svoiix" v poliitiichieskoj kommuniikathiihii: pragmaliiingviistiichieskij aspiekt: avtorief. diis. ... kandiidata fiilologiichieskiix nauk. – Rostov-na-Donu, 2006. – 158s.
6. Kuzniethova II.A. Krasnoriechivoje umalchiiivaniije v massovo-iinformathiihonnom diiskursie : diissier-tathijja ... kandiidata fiilologiichieskiix nauk. – Volgograd, 2006. – 162s.
7. Makarov M.L. Osnovyv tieoriiihii diiskursa – M.: ITDKG "Gnoziis", 2003. – 280s.
8. Trufanova II.V. O razgraniicheniiahii poniatiiij «riechievoj akt», «riechievoj zhanr», «riechievaja strategiiija», «riechievaja taktiika» / II.V. Trufanova // Fiilologiichieskiiije nauki. – 2001. – № 3.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

АРХЕТИПИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО «ПРЕДАТЕЛЬСТВО - ВЕРНОСТЬ» В АВТОРСКИХ МЕТАФОРАХ (на материале русского и английского языков)

У. А. Савельева

В статье автор представляет результаты проведенного исследования архетипического единства «предательство - верность» основанное на анализе авторских метафор в русской и английской лингвокультурах. Исследование показало, что концепт ассоциируется с цветным восприятием, так например, черное символизирует измену, связывается с физической болью. Английские авторы склонны связать предательство с нарушением границ.

В данной статье исследуется реализация концепта-единства «предательство - верность», который мы рассматриваем как архетипический лингвокультурный концепт, в авторских метафорах на материале произведений художественной литературы русской и английской лингвокультур, анализа компьютерной базы данных Британского национального корпуса (<http://info.ox.ac.uk>), Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

В авторских метафорах проявляется осмысление предательства посредством доступной для человека системы чувств и измерений:

«Твоя измена черная

Понятна мне, змея!» (Лермонтов М. Ю.).

«И рыжий сумрак глаз твоих

Таит змеиную неверность» (Блок А. А.).

В данных примерах отражено восприятие измены – с помощью апелляции к цветоощущению (*измена черная, рыжий сумрак глаз*) и архетипическому представлению о черном как о греховном, свойственном европейским культурам, создается образ коварного человека, замышляющего или уже совершившего тай-

ное, греховное деяние. Эффект усиливается благодаря оксюморо-ну «рыжий сумрак», благодаря которому образный акцент смещается от цвета глаз той, кто изменила, в сторону эмоциональных переживаний пострадавшего от измены. Семантические компоненты «темнота», «отсутствие света» в значении лексемы «сумрак» позволяют получить дополнительный доступ к образной составляющей рассматриваемого действия: глаза любимой скрывают тайну, в них уже не так ясно читаются ее мысли. То есть, в данном контекстном окружении основное значение лексемы «сумрак» приглушается, ему на смену приходят новые – «непостижимость», «тайна». Кроме того, сравнение того, кто изменил, со змеей отсылает к Библейскому тексту – измена ассоциируется с коварством змея в Эдемском саду.

Черный цвет в обозначении измены и предательства присутствует и в английской лингвокультуре:

«You will produce any memoranda or books held by him and, above all, the manuscript he was so fond of studying with its doggerel verses which drew him and others into the blackest treason» (<http://info.ox.ac.uk>).

В произведениях английских авторов также наблюдается приравнивание предательства к греху, причем апелляция к Библии проводит аналогию между предателем и Люцифером, дьяволом:

«She and I were silent, for many a minute. «Lucifer - Star of the Morning!» she went on, «thou art fallen. You - once high in my esteem - are hurled down: you - once intimate in my friendship - are cast out. Go!» (Brontë «Shirley»).

Точно так же, как, следуя Библейскому тексту, некогда блистательный ангел за вероломство был сброшен на землю, человек, который, по мнению героини, повел себя коварно, лишается своей некогда высокой оценки в ее глазах. В данной реакции на вероломное поведение проступает архетипическое пространственное противопоставление «верх - низ» (*high in my esteem - thou art fallen*), при этом положительно маркированным представляется первый элемент.

И в русских, и в английских авторских метафорах выявляется олицетворение предательства и измены: абстрактные понятия наделяются способностями и возможностями человека:

«The hand of betrayal and treason has reached the martyr President Rene Muawad, the official Syrian news agency, Sana, said» (<http://info.ox.ac.uk>).

«Предательство, как тяжела рука твоя!

Она гнетет меня, гнетет и клонит...

Я падаю под тяжестью ладони

И корчусь в муках, ведь предатель – я!» (<http://www.4oru.org>).

«This week: well, just where is the voice of treason?».

В данных примерах у измены и предательства, также как и у человека, есть руки, голос.

«Когда в безмолвии, как тать,

К душе подкрадется измена...» (А.Н. Апухтин «Когда любовь охватит нас...»).

«Между тем измена не дремала, явились честолюбивые личности, которые задумали воспользоваться дезорганизацией власти для удовлетворения своим эгоистическим целям» (М.Е. Салтыков-Щедрин «История одного города»).

«...измена уже успела проникнуть в ряды их» (Салтыков-Щедрин М. Е. «Пошехонская старина»).

«...измена очень ловко воспользовалась этими оправданиями» (там же).

В основе образности приведенных примеров лежит наделение абстрактных явлений атрибутами человека, способностью к активности, ожидаемой от человека: спать, ходить, красться, действовать. На наш взгляд, данные примеры русской и английской лингвокультуры, наделяющие измену и предательство чертами, присущими человеку, являются отражением мифологического мышления, следа «коллективного бессознательного»: в попытке объяснить и осознать тот или иной фрагмент действительности человек зачастую приписывает ему собственные свойства. Данный факт подтверждается мыслью В.В.Красных о том, что посредством осознания самого себя человек описывает мир, «экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность» [1. С. 298]. При этом стоит отметить, что наделение таких явлений, как предательство и измена характеристиками человека наиболее вариативно представлено в русской лингвокультуре.

Кроме того, можно встретить ряд метафорических сравнений, связанных с чувственным восприятием человека:

*«если злою иглою вонзится измена,
рвутся усики сердца, и сердцу из плена
не дано, как вчера, ускользнуть, упорхнуть»* (Элис «Арго»).

То есть, измена воспринимается через болезненные ощущения, связанные с проникновением инородного предмета в тело человека, в его сердце. Представляется, что в приведенной авторской метафоре на передний план выдвигается именно аномальность совершаемого действия: несмотря на широкую распространенность, измена рассматривается как нечто, изначально чуждое, враждебное, разрушающее целостность человеческих отношений. При этом интересно отметить, что ощущения того, кому изменили, приравниваются к плену: переживая богатый спектр эмоций, объект измены находится в «несвободе» – им владеют боль, обида, растерянность.

Следующий пример раскрывает внутренний образ совершаемого действия, отсылающий к сходным стереотипам осмысления предательства представителями русской и английской лингвокультур, обнаруженных нами на этапе исследования этимологии ключевых лексем, репрезентирующих концепт «предательство» в обеих лингвокультурах:

«The mere word, "betrayal," evokes enormous feelings. It's one thing to be disappointed, saddened, and unhappy; but it's altogether another to feel betrayed. Lied to in a way that feels humiliating. Defiled by someone whom you trusted; someone in whom you placed your belief, your hopes, perhaps your love. Perhaps it is in the enormity of the truth not told, or the complexity of the subterfuge, or the completeness with which the trust was given...that the pain grows to feel so huge» (<http://info.ox.ac.uk>).

Итак, в данном примере подтверждается наличие обязательно условия совершения предательства: доверие (trust). При этом в самом внутреннем образе поступка заложено его метафорическое восприятие объектом: субъект предательства уподобляется некоему контейнеру, сосуду, в который помещают (place) веру (belief), надежды (hopes), любовь (love) (последние так же, как и доверие

(trust) приравниваются к вещным сущностям). Осознавая доверие как вещь, предмет, объект предательства отдает его субъекту (trust was given).

Следуя гипотезе П. Пипера о «пространственных метафорах как результате словотворчества представителей различных языковых этноколлективов, выведенного из их интуиции о закономерностях окружающего их мира, проявления которого они склонны видеть как варианты одной и той же сущности, а именно как локализации разных степеней отвлеченности, и поэтому облекать их в пространственные метафоры» [2. С. 183], и в русской, и в английской лингвокультурах можно выделить пласт образов, метафорически соотнесенных с пространственным отдалением объекта и субъекта предательства друг от друга:

«Мать подруга лучшая кинула. Они открыли свой бизнес, и когда дело коснулось денег, дружба ушла».

«I asked her for help, but she turned her back on me».

«Alan exhibited a certain kind of treachery, casually throwing me over for someone else who «was better in bed» (<http://info.ox.ac.uk>).

Кроме того, в английской лингвокультуре, для которой характерно четкое разграничение «моего» и «чужого» пространства, предательство приравнивается к нарушению границ – предатель «открывает ворота», делает личное пространство видимым и потому уязвимым для постороннего:

«Am I, then, so wicked?» she said, without lifting her eyes from the ground. «Can I not be trusted?» «Ah, but, Benedicta, the enemy is strong, and you have a traitor to unbar the gates. Your own heart, poor child, will at last betray you» (<http://info.ox.ac.uk>).

Внутренняя борьба, переживания человека, сталкивающегося с выбором «предавать – оставаться верным» отчетливо проступает в образной канве приводимого ниже примера:

*«Between the acting of a dreadful thing
And the first motion, all the interim is
Like a phantasma or a hideous dream:
The Genius and the mortal instruments
Are then in council; and the state of man,
Like to a little kingdom, suffers then*

The nature of an insurrection.» / *Меж выполненьем замыслов ужасных и первым побуждением промежуток похож на призрак или на страшный сон: Наш разум и все члены тела спорят, Собравшись на совет, и человек Похож на маленькое государство, Где вспыхнуло междоусобье.* (У.Шекспир «Юлий Цезарь» перевод М.Зенкевича).

Данный пример подтверждает высказанную нами выше мысль о том, что в случае, когда субъект предательства сталкивается с выбором совершения вышеозначенного действия, хронотопом или ситуативным контекстом предательства выступает внутреннее «я» субъекта, где может происходить борьба между внутриличностными ценностными установками «хорошо - плохо», «можно - нельзя», «приемлемо - недопустимо». В примере подобная борьба образно связывается с советом – «council», в словарях английского языка определяемого как «a meeting of an official group of people who have been chosen to make decisions or provide advice» (собрание официальной группы специально избранных людей, в чьи задачи вменяется принятие решений и консультирование). Внутренняя целостность «я» субъекта ассоциируется с «маленьким государством, где вспыхнуло междоусобье» - *a little kingdom, suffers then The nature of an insurrection*. Лексема «insurrection» объясняется как «an attempt by a large group of people to take control of their country by force». Кроме того, в примере отчетливо прослеживается временное измерение предательства: оно представлено прямой линией (*Between the acting of a dreadful thing And the first motion*), векторная направленность которой – от уже совершенного «ужасного поступка» назад к начальной мысли, побуждающему мотиву – делает акцент на важности принятого решения.

Проделанный анализ позволяет прийти к следующим выводам: 1) в обеих лингвокультурах осмысление предательства происходит в том числе и посредством апелляции к цветоощущению, то есть, черный цвет, присутствующий в характеристике предательского поступка, выступает как символ греховности, свойственный христианским культурам; 2) и в русских, и в английских авторских метафорах выявляется, во-первых, олицетворение пре-

дательства и измены, во-вторых, соотнесенность предательства с пространственным отдалением объекта и субъекта совершаемого действия друг от друга; 3) в английской лингвокультуре предательство приравнивается к нарушению границ; 4) в обеих лингвокультурах предательство ассоциативно связывается с физическим повреждением, нарушением целостности.

Список литературы

1. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В.В.Красных – М.: Гнозис, 2003. – 375с.
2. Пипер, Предраг. В трехмерном пространстве языкознания (и за его пределами) [Текст] / Предраг Пипер // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 179-189.
3. Русская литература от Нестора до Маяковского. CD-Rom. ДиректМедиа Паблишинг. Москва, 2003.
4. English and American Literature. CD-Rom. ДиректМедиа Паблишинг, Москва, 2003.
5. <http://info.ox.ac.uk/bnc>
6. <http://www.britishpapers.co.uk>
7. <http://www.ruscorpora.ru>

List of literature

1. Krasnyykh, V.V. «Svoj» sriedii «chuzhiix»: miif iilii realinos-ti? [Tiekst] / V.V.Krasnyykh – M.: Gnoziis, 2003. – 375s.
2. Piipier, Priedrag. V triexmiernom prostranstvie jazyykoznaniiija (ii za jego priedielamii) [Tiekst] / Priedrag Piipier // Jazyyk ii kultura: Faktyy ii thiennostii: K 70-lietiiju Juriiija Siergiejeviicha Stiepanova. – M.: Jazyykii slavianskoj kulturyy, 2001. – S. 179-189.
3. Russkaja liitieratura ot Niestora do Majakovskogo. CD-Rom. DiiriektMiediiha Pabliishiing. Moskva, 2003.
4. English and American Literature. CD-Rom. DiiriektMiediiha Pabliishiing, Moskva, 2003.
5. <http://info.ox.ac.uk/bnc>
6. <http://www.britishpapers.co.uk>
7. <http://www.ruscorpora.ru>

**ОТРАЖЕНИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В АДЪЕКТИВНЫХ
ФЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, ТАТАРСКОГО
И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ**

Л. Р. Сакаева

Фразеология является важной областью лингвистики, охватывающей широкий диапазон вопросов, связанных с семантикой, композицией и структурой устойчивых комбинаций слов, особенностей их функционирования и уместности образования.

Сопоставительные исследования языковых явлений в области фразеологии привлекают к себе внимание современных лингвистов в связи с важностью выявления общих и специфических черт на фразеологическом и лексическом уровне нескольких языков. Выявление сфер соприкосновения различных языков позволяет выделить общие характеристики быта, культуры, истории и психологии народов. Исследование отношений между отдельными языками помогает выявить более или менее близкое родство этих языков, определить большую или меньшую степень их удаленности друг от друга и установить относительную хронологию возникновения явлений, общих для этих языков. В лингвистике антропоцентрический принцип связан с исследованием следующих проблем, касающихся связи человека и его языка: язык и духовная активность человека; язык, мышление и сознание человека; язык и физиология человека; язык и культура; язык и коммуникация; язык и ценности человека. Таким образом, современная лингвистика сосредоточила фокус своего внимания на человеческом факторе в языке. Итак, охарактеризовать человека с помощью фразеологических единиц можно по самым различным признакам, по таким как: внешность человека; его умственные способности; жизненный опыт; его место в коллективе, в семье, в обществе; черты характера и др.

В плане выражения ФЕ представляют собой определённое структурно-грамматическое построение, сконструированное по

моделям свободных словосочетаний или предложений, существующих в том или ином языке. Значение ФЕ подводится под лексико-грамматическое значение, свойственное частям речи: глагольные ФЕ выражают действие, субстантивные – передают предметность, адъективные – качество и т.д. Отнесённость к частям речи закрепляется синтаксическими функциями, в которых эти единицы употребляются. Сопоставительный анализ ФЕ в структурно-грамматическом аспекте направлен на выявление особенностей, сходств и расхождений грамматической структуры ФЕ в английском, русском, татарском и таджикском языках. Основные внутривидовые признаки языков непосредственно накладывают свой отпечаток на структурно-грамматическую организацию ФЕ: наличие неопределённого или определённого артикля в большинстве ФЕ английского языка, как грамматической категории, присущей английскому языку; ярко выраженную падежную систему ФЕ русского языка и наличие падежей у ФЕ английского языка, татарского языков; частое употребление в английских фразеологизмах компонента – «one's», **который в контексте** заменяется требуемым ситуацией личным местоимением в объектном падеже, и его неполного соответствия русскому возвратному местоимению «свой», не изменяющемуся в контексте своего вида; широкое использование послелогов в английском и таджикском языках; использование изафета в татарском и таджикском языках.

Адъективными фразеологическими единицами являются фразеологизмы, стержневым компонентом которых является имя прилагательное. Адъективные ФЕ выступают обозначениями разнообразных качеств, свойств как людей, так и предметов и явлений. Согласно статистическим данным, приведённым Е.Ф. Арсентьевой, доля адъективных ФЕ в общем объёме исследуемых ФЕ русского и английского языков, выражающих характер человека, очень незначительна. «В английском языке к адъективным ФЕ отнесено 45 фразеологизмов, или 5.5% от общего состава ФЕ, в русском языке – 12 ФЕ, что составляет 2.5%». [2. С.52] Часть адъективных фразеологизмов русского языка имеют обороты всех трех родов. Однако большинство из них практически

ки употребляются лишь в форме мужского или женского рода: «бойкий на язык»; «тронутый умом»; «не первой молодости»; «из молодых да ранний»; «видавший виды» и др. Адъективные ФЕ представлены таджикской языковой системой в незначительном количестве, т.к. они менее продуктивны. По структурному составу среди адъективных ФЕ наиболее распространёнными являются двучленные словосочетания: «масти хоб» (букв. «пьяный ото сна») в значении «спящий крепко»; «ба чашм намоён» (букв. «заметный глазу») в значении «видный, заметный, значительный»; «кобили кабул» (букв. «допускающий приёма») в значении «заслуживающий, подходящий». В таджикском языке отмечены случаи, когда в роли отдельных членов двучленных ФЕ выступают словесные повторы: «пиёла барин калон-калон» (букв. «как пиала большой-пребольшой») в значении «очень большой»; «мисли лахча суп-сурх» (букв. «как тлеющий уголь тёмно-красный») в значении «тёмно-красный, багровый». Адъективные ФЕ таджикского языка охватывают структурные типы, встречающиеся в изафетных, предложных и примыкаемых конструкциях. Изафетные адъективные ФЕ имеют в качестве стержневого компонента качественные прилагательные: «таги по» (букв. «нижняя часть ноги») в значении «израненный, изувеченный»; «кали мурдашу» (букв. «паршивый, обмывающий покойника») в значении «козёл отпущения, виноватый». В рамках адъективных ФЕ русского языка в особую группу выделяются фразеологизмы, состоящие из различных местоимений, типа: «тот или иной (другой)»; «свой собственный»; «такого рода»; «всякого рода»; которые передаются соответствующими местоимениями «какой-то»; «свой»; «такой»; «никакой» и др. Вслед за Е.Ф. Арсентьевой мы выделяем 2 основных структурных подкласса среди адъективных ФЕ английского и русского языков. [1]:

1) Адъективные компаративные ФЕ, имеющие в своем составе сравнивающий компонент в английском языке «as» или «like», в русском языке – «как», в таджикском языке – «барин» или «барф», в татарском – «шикелле» или «кебек», где в качестве стержневого компонента выступает прилагательное, в качестве зависимого компонента – существительное: рус. «красный как свекла»– англ.

«red as a beet»– тадж. «лаблабу барин сурх» («красный как свекла»); рус. «белый как снег» – англ. «(as) white as snow»– тадж. «чун барф сафед»; рус. «беден как церковная крыса»; рус. «хитрый как лиса»; рус. «упрямый как осёл» – тат. «ишэк кебек кире»; рус. «труслив как язык»; рус. «холодный как лёд»; рус. «злой как чёрт»; англ. «(as) artful/crafty as a barrel of monkeys» в значении «проказливый как обезьяна»; англ. «as blank as ink» в значении «безрадостный»; англ. «as bold as a lion» в значении «храбрый как лев»; англ. «as bold as brass» в значении «нахальный, наглый»; англ. «as bright as a button» в значении «умный»; англ. «as busy as a bee» в значении «занятый как пчела»; англ. «as wise as a serpent (as Solomon)» в значении «мудрый как Соломон»; тат. «аңгыра сарык кебек» в значении «глуп как сивый мерин»; тат. «кытырган эт шикелле» в значении «как разъяренный бык». ФЕ английского языка характерно взаимозаменяемость как стержневого, так и зависимого компонентов: «as cheerful (gay) as a lark»; «as changeable as the moon (a weather-cock)»; «as true as a flint (as steel)»; «as merry as a cricket (as a grig)». В татарском языке компаративные ФЕ могут представлять собой конструкции, один из компонентов которых образует сравнительную степень с помощью аффикса: «бозаудан да юашрак» в значении «кроткий как овечка»; «кырмайкадай тырыш» в значении «трудолюбивый как муравей»; «ач бүредэй» в значении «как волк голодный». В английском языке прослеживается замена имени существительного именем собственным в качестве зависимого компонента: «as patient as Job»; «as pleased as Punch».

2. Некомпаративные фразеологические единицы модели «прилагательное»+«предлог»+«существительное»: рус. «бойкий на язык»; англ. «too clever by half» в значении «слишком уж умён»; англ. «wise after the event» в значении «задним умом крепок»; англ. «odd/queer in the head» в значении «странный, ненормальный»; рус. «злой на язык»; рус. «нечистый на руку»; англ. «green with envy». В таджикском языке адъективные ФЕ, оформленные предложными конструкциями более продуктивны. Такие ФЕ чаще всего встречаются в структурной модели «Prep»+«N»+«Adj» («предлог»+«существительное»+«прилагательное»): «ба дил на-

здик» (букв. «близкий к сердцу») в значении «близкий, сердечный»; «аз акл бегона» (букв. «отчуждённый от ума») в значении «безумный»; «то бини пур» (букв. «полный до носа») в значении «опытный». В английском и русском языках встречаются ФЕ модели «Adj»+«Prep»+«N» («опорное прилагательное»+«предлог»+«существительное»): англ. «dead from the neck up»; англ. «full of beans»; англ. «green with envy»; рус «лёгок на ногу»; рус «лёгок на подъём»; рус «остёр на язык»; рус «скор на руку». В таджикском языке эта модель встречается реже: «зинда дар гур» (букв. «живой в могиле») в значении «еле-еле»; «дур аз чашм» (букв. «вдали от глаз») в значении «далеко». Немногочисленны также ФЕ таджикского языка модели «существительное»+«компаративный послелог(барин)»+ «прилагательное»: «сафеддор барин дароз» (букв. «длинный как тополь») в значении «очень высокий»; «кух барин вазнин» (букв. «тяжёлый как гора») в значении «слишком тяжёлый»; «лахад барин торик» (букв. «тёмный как могила») в значении «очень тёмный». Также в английском языке встречаются ФЕ со структурой «Adj»+«and»+«Adj»: «black and blue»; «fair and square»; «high and mighty»; «rough and ready».

В целом, структурно-грамматический анализ афъективных фразеологических единиц свидетельствует о значительном сходстве структурно-грамматической организации изучаемых ФЕ в русском, английском, татарском и таджикских языках.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках). – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 124 с.
2. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентиро-

List of literature

1. Arsientijeva JE.F. Sopotavii-tielinyj analiiz frazieologiichieskiix jediiniith (na materiialie frazieologiichieskiix jediiniith, siemantiichieskii orijenti-irovannyux na chielovieka v anglijskom ii russkom jazykax). – Kazani : Iizd-vo Kazanskogo un-ta, 1989. – 124 s.
2. Arsientijeva JE.F. Sopotavii-tielinyj analiiz frazieologiichieskiix jediiniith, siemantiichieskii orijenti-

ванных на человека в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. Казанский гос. ун-т. – Казань, 1993. – 476 с.

3. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. – М.: Наука, 1981. – 275 с.

irovannyux na chielovieka v russkom ii anglijskom jazyyках ii voprosyy sozdaniija russko-anglijskogo frazieologiichieskogo slovaria: diis. ... d-ra filol. Nauk. – Kazanskiij gos. un-t. – Kazani, 1993. – 476 s.

3. Rubiinchiik JU.A. Osnovy frazieologiihi piersiidskogo jazyyka. – M.: Nauka, 1981. – 275 s.

СЛОЖНОСТЬ ТЕКСТА – ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА

Л. Г. Федюченко

В настоящее время, идет тенденция увеличения факультетов и вузов, обучающих и выпускающих переводчиков в сфере профессиональной коммуникации, и как следствие создание собственных переводческих методик. Но в этом случае встает проблема создания и поиска текстов для переводов. Не подготовленному человеку преподаватель не можем предложить иностранный текст большой сложности, т.к. даже при полном знании грамматики и правил использования различных словарных конструкций ему будет очень трудно прочитать его, а тем более, перевести. Это, в свою очередь, может оттолкнуть от предмета. В то же время, если дать грамотному человеку очень легкий текст, то мы не получим эффекта обучения.

В настоящее время существует явная потребность в определении сложности текста, подлежащего переводу. На наш взгляд, можно выделить следующие причины, оправдывающие выделение такой категории в переводоведении.

Во-первых, зная уровень сложности текста, можно рассчитать количество времени, которое нужно затратить на перевод определенного типа текста, что является немаловажным фактором в практической деятельности переводчика.

Во-вторых, опираясь на данную категорию, переводчик может ориентироваться в подборе энциклопедического, справочного и словарного материалов, необходимого ему в процессе перевода.

В-третьих, умение вычислять данную категорию необходимо в процессе обучения переводу, т.к. это даст возможность правильно подбирать тексты для студентов, которые будут соответствовать их реальным знаниям и умениям.

В-четвертых, зная уровень сложности текста для перевода, можно предположить (или же конкретно уточнить) количество и качество ошибок, допустимых в данном тексте.

И, наконец, весьма меркантильная, но не менее важная причина – исходя из уровня сложности текста, переводчик может оценить стоимость перевода.

Сложность как качество текста определяется через комплексное исследование его структурных, синтаксических, семантических характеристик, которые детерминируют затруднение восприятия, понимания и воспроизведения текста.

Здесь необходимо отметить, что мы рассматриваем определение сложности или трудности обработки текста оригинала вне зависимости от его языка. Это достаточно важное замечание, т.к. в настоящее время имеется ряд исследований, в которых описываются модели оценки сложности текста, однако эти модели получены преимущественно для английских текстов, и не подкреплены соответствующими системами автоматизированного анализа (Flesh R., Gunning R., Kincaid J., Spache G., Fry E.).

В качестве компонентов сложности теста можно выделить четыре группы параметров: информативность текста, сложность предложений, ясность структуры текста и абстрактность изложения.

Информативность текста рассматривается с точки зрения тезаурусного подхода. Также по характеристике знакомости слов лексики можно оценить его информативность. А. М. Сохор предложил способ оценки сложности текста по соотношению понятий знакомых (житейских) и незнакомых (научных). Показатели частоты употребления слов и знакомости являются компонентами сложности текста. Многие исследователи показывают, что более длинные слова довольно часто являются незнакомыми, и их изобилие свидетельствует о сложности текста. Поэтому средняя длина слова входит в большинство формул оценки сложности текста. Сложность предложения обуславливает сложность текста. Сложность текста обуславливается и сложностью структуры предложения. Чем больше абстрактных слов в тексте, тем он сложнее для понимания [2. С. 120].

Но эти факторы нестабильны — ведь для каждого переводчика большую трудность представляет свой набор лингвистических единиц. Так, текст с большим количеством юридических терми-

нов будет воспринят как сложный переводчиком художественной литературы и как простой — переводчиком, специализирующимся в области юриспруденции. Но проблема не столько в этом, а в том, что вряд ли возможно даже гипотетически представить себе алгоритм определения сложности текста на основе этих факторов, который бы подходил к любому тексту и не был субъективным. Возможно, именно поэтому литературы по проблеме определения сложности перевода очень мало.

В данной статье описываются лишь некоторые из существующих алгоритмов определения сложности любого текста. Многие из них создавались без учёта переводческой специфики. Несмотря на это, мы считаем, что именно эти алгоритмы могут послужить некой отправной точкой в создании специализированной автоматизированной программы по определению уровня сложности текста (вне зависимости от языка оригинала, его стилевых и др. характеристик).

Для переводчика наиболее очевидный практический способ определить сложность текста — это вычислить его внутреннюю повторяемость и повторяемость по сравнению с текстами, переведёнными ранее. Естественно, что если в представленной к переводу новой версии документа по сравнению со старой версией изменилось лишь несколько строк, то сложность текста резко падает. То же самое происходит, если текст обладает высокой степенью внутренней повторяемости хотя бы на уровне предложения. Строго говоря, это вообще не оценка сложности текста, но в практическом плане такой метод имеет право на существование.

В данном случае сложность текста понимается в сугубо практическом плане - как количество уникальных единиц, не переведившихся ранее.

Следующий алгоритм определения сложности текста — отношение количества терминов к общему количеству слов. Между тем данный алгоритм представляется нам весьма спорным, т.к. до сих пор в терминоведении нет единого мнения, что понимать под термином и какие характеристики ему присущи. Можно предположить, что некоторые из терминологических параметров будут способствовать снижению сложности текста (например, одно-

значность), а другие, наоборот - повышать уровень сложности (например, отраслевая синонимия).

Тем не менее, в рамках одного тематического поля вполне можно реализовать алгоритм обработки текста, основанный на одном или нескольких специальных словарях. Такой алгоритм мог бы оценивать количество словарных терминов в данном тексте и возвращать оценку отношения этого количества к общему объёму текста.

Еще один алгоритм определения сложности текста — чисто математический. Он основан на понятии информационной энтропии (мера хаотичности информации).

Информационное определение энтропии через сложность ввёл А. Н. Колмогоров: сложностью последовательности букв A является длина (в двоичном алфавите) минимальной программы, которая выводит A , а энтропия A - это её сложность, делённая на длину A в битах - определение сугубо математическое [1. С. 4]. Но колмогоровская сложность является величиной невычислимой, то есть, нельзя написать программу, которая позволяла бы её вычислять для любой последовательности A . Тем не менее, существуют программы, которые, по сути, пытаются вычислить колмогоровскую сложность текста: программы сжатия текста - zip, представляет собой программу, которая интерпретируется программой unzip таким образом, что на выходе получается исходный текст.

Отсюда, как отмечает А. Б. Кутузов, по степени сжатия текста какой-либо программой компрессии, мы можем судить о его избыточности и в какой-то степени о мере его сложности. Если текст сжимается хорошо (то есть, получаем сжатый файл меньшего размера), следовательно, он обладает высокой избыточностью, а сложность его не велика. Если же сжатый текст по размеру почти не уступает несжатому, то мы можем сделать заключение о его относительно высокой сложности.

И, наконец, можно использовать индекс удобочитаемости — мера определения сложности восприятия текста читателем. Индекс удобочитаемости может вычисляться на основе нескольких параметров: длины предложений, слов, удельного количества наиболее частотных (или редких) слов и т. д.

Наиболее популярная мера была создана Рудольфом Флешем, изначально для английского языка. Она оценивает сложность текста по следующей формуле: $FRE = 206.835 - (1.015 \times ASL) - (84.6 \times ASW)$, где ASL – средняя длина предложения в словах, ASW – средняя длина слова в слогах. Для английского языка значение 90-100 соответствует лёгкому тексту, 60-70 – тексту средней сложности, 0-30 – сложные тексты, предназначены для людей с высшим образованием. В связи с тем, что в русском языке средняя длина предложений меньше, а слова в среднем длиннее, данная формула была адаптирована для русского языка: $FRE = 206.835 - (1.3 \times ASL) - (60.1 \times ASW)$ [3. С. 52].

В заключении хочется отметить, что выше приведены далеко не все алгоритмы определения уровня сложности текста. Значительная часть важных вопросов осталась вне обсуждения. В частности, главнейшим из них является вопрос связи глубинных структур языка с поверхностными и вытекающая отсюда проблема искажений информации. Эти аспекты послужат базой для дальнейших исследований. В настоящей статье описаны лишь основополагающие понятия, с помощью которых можно раскрыть более сложные языковые процессы, формирующие такую категорию, как «сложность текста».

Список литературы

1. Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. – 1965. Т.1., № 1. – С. 3-11.
2. Хмельёв Д. В. Распознавание автора текста с использованием цепей А. А. Маркова // Вестник МГУ, сер.9: Филология, N2, 2000. – С. 115-126.
3. Flesch, R, Why Johnny still can't read A new look at the scandal of our schools Rudolf Flesch; Forew. by Mary L. Burkhardt New York etc.: Harper & Row, Cop.- 1981 - XXII, 191pp.

List of literature

1. Kolmogorov A. N. Trii podxoda k opriedielieniju poniatija «koliichestvo iinformathihii» // Problemyy pieriedachii iinformathihii. – 1965. T.1., № 1. – С. 3-11.
2. Xmieliov D. V. Raspoznavaniije avtora tieksta s iispolizovaniijem thiepiej A. A. Markova // Viestniik MGU, sier.9: Fiilologijja, N2, 2000. - S. 115-126.
3. Flesch, R, Why Johnny still can't read A new look at the scandal of our schools Rudolf Flesch; Forew. by Mary L. Burkhardt New York etc.: Harper & Row, Cop.- 1981 - XXII, 191pp.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АСПЕКТА МУЛЬТИКУЛЬТУРИЗМА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ТУРИСТСКОМ ВУЗЕ

И. И. Жунич

Эта статья посвящена современным глобальным процессам, воздействующим на интересы других народов, проблемы сохранения их самобытного культурного наследия и языка. Также статья является развитием этнологического аспекта в сознании специалистов по туризму.

В последние десятилетия, в связи с происходящими в мире глобальными изменениями, все чаще в различных социальных и политических кругах употребляются термины «глобализация», «унификация», «монополяризация». Глобализация, как известно, – это процесс стремительного формирования единого экономического, политического и информационного пространства, обусловленный бурным развитием информационных и коммуникационных технологий [2. С.195] Не обходят стороной, заданные ею процессы, и сферы культуры и образования. Прежде всего, имеется в виду распространение тех принципов, которые определяют специфику развития западного мира. Таким образом, происходит навязывание западноевропейского образа жизни всем остальным большим и малым народам, что со временем может привести к забвению, утрате собственных традиций. Однако, к счастью, так происходит не всегда. Нарастающая универсализация культурной жизни, как правило, способствует проявлению принципа мультикультуризма – неконфликтному сосуществованию в одном социальном пространстве нескольких разнородных культурных сообществ. Прежде всего, это касается многонациональных государств. Согласно концепции локальных культур Н.Я.Данилевского, каждая культура самобытна и самодоста-

точно, по аналогии многообразию видов в природе, где каждому отведено свое место, свое время [1. С.128]. Наша страна являет собой пример сосуществования культур. Однако, при наличии доминантной культуры, практически всегда возникает угроза исчезновения культурам локальным. Здесь, прежде всего, встает вопрос о сохранении нематериального культурного наследия, к которому относят язык, фольклор, ремесла, танец, традиции быта и религии, образ жизни. Само понятие «нематериального культурного наследия» зафиксировано в законодательствах современных государств и международных документах ЮНЕСКО, кроме того, на повестке XXI столетия стоит вопрос о сохранении различных форм нематериального культурного наследия и языкового разнообразия.

Одним из важнейших инструментов сохранения наследия называется устойчивое развитие культурного туризма. Согласно данным Института археологии и этнографии, 24 малочисленных народа Сибири и Севера не имеют своей письменности, обучение молодого поколения на них не ведется, то есть они находятся на грани вымирания. Особо ощутимые потери локальные культуры понесли за времена СССР. Стоит вспомнить эпизоды формирования рабочего класса в среде коренных народов Сибири, реорганизации традиционных форм хозяйственной деятельности, ликвидации общины и т.д. И если попытки советской власти в экономической и политической реорганизации жизни коренных народов увенчались успехом лишь частично, то в бытовой среде изменения были особо зримыми. Национальный костюм, обустройство жилища подверглись русификации. То же произошло и с национальным языком с введением всеобщего образования на русском языке. Хотя, в дальнейшем русский язык сыграл роль моста между языками народов России и Запада. Следует отметить, что в настоящее время наблюдаются попытки восстановления национальных основ культуры и языка, возрождается традиционное для этих народов шаманство, проявляется интерес к народным ремеслам и промыслам.

В глобальном плане международными организациями реализуются программы по поддержке культур и языков коренных об-

щин по всему миру. Туризм является одной из отраслей, оказывающей поддержку малым народам. Природная любознательность туристов в отношении природы и культуры различных уголков мира, проживающих там народов – является сильным побудительным мотивом для охраны самобытности малых народов. Все чаще организуются ознакомительные туры в деревни или стойбища местных общин, которые пользуются все большей популярностью. Например, в Малайзии на острове Борнео отдыхающим предлагается экскурсия в этнографическую деревню Саравака, где можно ознакомиться с бытом, культурой и ремеслами семи основных народностей Саравака. Путешественникам также предлагается фольклорный концерт. А в северной части штата Сабах, там же в Индонезии, предлагается возможность познакомиться с образом жизни местного племени рунгус и посетить традиционный лонгхауз (длинный дом).

Подобные туры предлагаются и в нашей стране. К примеру, этнотур «В гостях у ханты», в ходе которого обязателен заезд в национальный поселок «Кышик». Помимо посещения национального музея, этнографического музея под открытым небом, знакомства с местными жителями, предлагается также обед в гостях у ханты в национальном стиле и мастер-класс по изготовлению национальных сувениров.

Актуальность и обоснованность привлечения к изучению национальных традиций, эпоса, фольклора в туристском вузе на занятиях иностранного языка в современных условиях просто неоспорима. Время предъявляет свои требования к специалистам в области туризма по мере развития и востребованности трендов. Развитие культурных факторов внутри региона является средством расширения ресурсов для привлечения туристских потоков. Современному специалисту в области туризма необходимо быть ознакомленным не только с общей информацией относительно этносов, проживающих в стране, но и всячески развивать этнографический кругозор - почитать «Калевалу», «Олонхо», послушать этномузыку, познакомиться с элементами народных танцев, костюмов, узнать о национальных промыслах, ремеслах, особенностях кухни. Подобную этнотематику можно включать в заня-

тия по культурологии, экскурсоведению и иностранному языку, или же разработать на ее основе элективные курсы. Причем, в виду растущего интереса у иностранцев к нашей стране, подача данного материала на иностранном языке актуальна и целесообразна. Познания в области этнологии способствуют межкультурному диалогу, взаимообогащению и взаимоуважению культур. По мнению академика Д.С.Лихачева, сохранение культурной среды является не менее существенной задачей, чем сохранение окружающей природы, культурная среда так же необходима для духовной, нравственной жизни, как и природа необходима человеку для его биологической жизни.

Формирование основ понимания мультикультуризма также будет способствовать развитию межкультурной коммуникации, толерантности в рядах молодого поколения по отношению к меньшинствам, а так же более успешному продвижению культурно-познавательного туризма. При введении в программу туристского образования предметов этнологической направленности, подготовка специалистов туристского профиля будет более полной, возможно со временем возникнет необходимость в освоении новых профессий, связанных с развитием местных общин и борьбой с бедностью, что поможет в реализации глобальных целей международных организаций.

На сегодняшний день, в рамках подготовки специалистов сферы туризма, предпочтительными темами для обсуждения на занятиях по иностранному языку являются темы страноведческой (история, культура и рекреационный потенциал стран – мировых центров туризма) и профессиональной направленности (сочетание коммуникативного и бизнес аспектов). При этом практически не затрагиваются программы ЮНЕСКО относительно сохранения культурного наследия, не обсуждаются проблемы материального и нематериального наследия и способы поддержания коренных народов.

Между тем, привлечение этнологического компонента в форме спецкурса по английскому языку должно значительно повысить культурологическую осведомленность будущих специалистов, развить в них дух ориентации на высокие образцы культуры и

человеческого достоинства, мотивировать их на активное участие в поддержке межкультурного диалога и сохранении культурного и языкового разнообразия.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – 574с.
2. Костина А.В. Культурология. – М.; 2008. – 335с.
3. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Дет. лит., 1985. — 207 с.
4. Павлинская Л.Р. Национальные культуры Сибири в государственной политике и научной традиции Советского периода//Культурное наследие народов Сибири и Севера, Ч.2 // Сибирские чтения. – С.214-220.

List of literature

1. Daniilievskij N.JA. Rossija ii Jevropa. M., 1991. – 574s.
2. Kostiina A.V. Kuliturologiija. M.; 2008. – 335s.
3. Liixachiev D.S. Piisima o dobrom ii priekrasnom.: Diet. liit., 1985. — 207 s.
4. Pavliinskaja L.R. Nathiihonalinyyje kulituryy Siibiirii v gosudarstviennoj poliitiikie ii nauchnoj tradiithiijii Sovietskogo pieriihoda//Kuliturnoje nasliediije narodov Siibiirii ii Sievera, CH.2, Siibiirskiije chtienii-ja, s.214-220.

ПОИСК НОВЫХ СПОСОБОВ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

И.В. Свиридова

Трудности в преподавании английского языка, особенно в расширении Английского словаря делают необходимым создание нового учебного пособия для студентов неязыковых вузов. Автор работает над созданием такого учебника в виде книги для чтения. Его главная цель – улучшить знание студентами значения английских слов. Отсутствие надлежащего словаря – одно из главных препятствий хорошей коммуникации в различных областях жизни.

Современные реалии эпохи глобализации выдвигают новые требования к знанию английского языка как основного языка международного общения. Особенно это касается молодежи, которой предстоит жить и работать в условиях, когда не всегда бывает достаточно знать только свой родной язык, чтобы успешно социально адаптироваться в быстро изменяющейся политической и экономической обстановке.

Основной целью курса "Иностранный язык" в неязыковом Вузе является обучение практическому владению разговорно-бытовой речью и языком специальности для активного применения иностранного языка, как в повседневном, так и в профессиональном общении.

Критерием практического владения иностранным языком является умение уверенно пользоваться наиболее употребительными и относительно простыми языковыми средствами в основных видах речевой деятельности: говорении, восприятию на слух (аудировании), чтении и письме. Практическое владение языком специальности предполагает также умение самостоятельно работать со специальной литературой на иностранном языке с целью получения профессиональной информации.

На I курсе в аспекте "Общий язык" осуществляется: развитие навыков восприятия звучащей (монологической и диалогической) речи, развитие навыков устной разговорно-бытовой речи, разви-

тие навыков чтения и письма. Обучение общему языку ведется на материале произведений речи неспециализированной (бытовой и общепознавательной) тематики, а также страноведческого и культурологического характера.

Десятилетняя практика автора в работе со студентами I и II курсов Московской финансово-юридической академии позволила сделать вывод о том, что поступающие без вступительных экзаменов в коммерческие ВУЗы, в большинстве своем имеют очень слабую подготовку по английскому языку. Прежде всего, это касается словарного запаса и грамматики. В результате

преподаватель английского языка, приступая к работе с таким контингентом, имеет исходные позиции, а priori не позволяющие за отведенные программой 340 часов, наверстать упущенное за 6 лет в средней школе, но и добиться знания английского языка как языка международного общения на уровне, предусмотренном программой ВУЗа. По лексике, в частности по вузовской программе требуется знание 4000 слов, в то время, как по школьной программе словарный запас не превышает 1200 слов. На практике, однако, словарный запас учащихся часто бывает на порядок ниже.

Чтобы найти выход из сложившейся непростой ситуации, необходимо, на наш взгляд, искать пути интенсификации учебного процесса. Убыстрение

усвояемости английских слов для студентов, которые пришли в ВУЗ учить не английский, а юриспруденцию, экономику и т.д., может произойти только если они будут иметь учебные пособия нового типа, коренным образом отличающиеся от имеющихся в настоящее время. Современные учебники и учебные пособия, как отечественные, так и зарубежные, несмотря на несомненную их добротность, больше пригодны для курсов иностранных языков, для работы с репетитором, для языковых ВУЗов, но не для основной массы студентов, которые просто не имеют возможности параллельно с обучением по своей основной специальности, отводить много времени и сил на английский язык.

Таким образом, существует необходимость создания учебной литературы, в которой есть не только *что надо знать, но и как этого добиться.*

В данной статье ограничимся проблемой расширения словарного запаса, как наиболее трудного, с нашей точки зрения, аспекта изучения иностранного языка. Опять же на основании длительного преподавательского опыта можно сделать вывод, что у большинства студентов-выпускников (в основном московских общеобразовательных школ) особенно нет проблем с произношением. Следует отметить, что это отчасти связано с общим понижением в настоящее время требований к произношению в связи с глобализацией. В современном мире на английском языке общаются люди самых разнообразных рас и культур, со своими акцентами и интонациями, которые часто очень далеки от традиционного «оксфордского» произношения.

Что касается грамматики, то здесь положение неудовлетворительное, но все же лучше, чем с лексикой. Дело в том, что существуют учебники, в которых грамматический материал изложен достаточно ясно. Даже если по каким-то причинам студенту не удалось усвоить тот или иной грамматический раздел на занятиях с преподавателем, он может самостоятельно восполнить тот или иной пробел в своих знаниях.

Между тем для обучения лексики, т.е. для запоминания новых слов, часто кроме зазубривания, ничего не предлагается. В литературе можно найти достаточно много способов и приемов запоминания слов. Все они обладают существенным недостатком: на них требуется слишком много времени и усилий со стороны обучаемого.

В настоящее время автором проводится работа над созданием учебника-хрестоматии, целиком направленной на запоминание английских слов. Этот учебник будет состоять из специально подобранных текстов, работа над которыми (чтение, прямой и обратный перевод, различные лексические упражнения и др.), позволят твердо усвоить слова, объединенные в определенные группы. Хрестоматия будет состоять из 80 разделов. Каждый раздел посвящен определенной теме (Время, Семья, Погода, Спорт, Досуг, Работа и т.д.) и начинается с введения новых слов, которые следует запомнить (около 50). Список слов (в столбик) дан 3 раза в разной последовательности в прямом переводе и 3 раза в обратном. Далее следуют примеры применения вводимых слов.

Это предложения на английском языке, которые составлены только из вновь вводимых слов и из слов изученных ранее разделов. Далее следуют не менее трех небольших связных текста и диалога по теме (не более 0,5-1 стр). Перевод всех незнакомых на данный момент слов должен быть выписан на полях слева! Это очень важно, чтобы не перегружать память и не ослаблять концентрацию внимания на основной цели – 50 словах, находящихся в процессе запоминания.

Еще один очень важный момент, коренным образом отличающий хрестоматию, от ранее изданных учебников, состоит в цикличности , в повторении ранее пройденных разделов. Это необходимо для перевода усвоенной информации (новые слова) из кратковременной в долговременную память. Для первых 12 разделов предлагается следующая схема освоения:

(1-2-3)-1-(4-5-6)-2-(7-8-9)-3-(10-11-12). Выделение циклов, т.е. их периоды, находятся в процессе разработки и будут уточняться в практике.

Процесс работы с каждым разделом хрестоматии таков. Нарушать последовательность не рекомендуется.

1. Внимательно и сосредоточенно прочитать слова с переводом и транскрипцией вслух не менее трех раз.
2. Постараться написать слова на английском языке и проверить правильность.
3. Прочитать и перевести примеры- предложения.
4. Перевести с английского языка на русский и с русского на английский отработанные предложения самостоятельно, сверяясь по ключам.
5. Только добившись знания слов, перейти к чтению текстов и диалогов, карандашом подписывая справа забытые слова.
6. Перевести с русского на английский предложенный ниже текст и сверить перевод по ключу.
7. Выписать слова, которые не запомнились. Придумать самому по 3 коротких предложения и записать их.

Очень надеемся, что предлагаемый способ усвоения новой лексики будет полезен в нелегком деле изучения иностранного языка.

Список литературы

1. Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. Под ред. Леонтьева А.А. и Рябовой Т.В. – М.: Изд.МГУ, 1970.
2. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка. – М.: Дрофа, 2004.
3. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. – М., 1969
4. Бабинская П.К., Леонтьева Т.П., Андреев И.М., Будько А.Ф., Чепик И.В. Практический курс методики преподавания иностранных языков. – Минск: ТетраСистемс, 2003.
5. Грузинская И.А. Методика преподавания английского языка. – М., 1938.
6. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков. Учебное пособие. – Москва: Флинта, Наука, 2003.
7. Драгункин А.Н. Оптимизированный универсальный учебник английского языка. – Лондон: Anglo-European Publishers; СПб: Издательский дом «АНДРА», 2004.
8. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М., 1958.
9. Кулиш В.Г. Способы запоминания английских слов – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2006.

List of literature

1. Aktualinyje probliemy psixologii hii riechii ii psixologiihii obuchieniija jazyuku. Pod ried. Lieontyjeva A.A. ii Riabovoj T.V. – М.: Iizd.MGU, 1970.
2. Antrushiina G.B., Afanasijeва O.V., Morozova N.N. Lieksiikologiiija angliijskogo jazyuka. – М.: Drofa, 2004.
3. Artiemov V.A. Psiixologiiija obuchieniija iinostrannyym jazyukam. – М., 1969
4. Babiinskaja P.K., Lieontyjeва T.P., Andriejasian II.M., Budiko A.F., Chiepiik II.V. Praktiichieskii kurs mietodiikii priepodavaniija iinostrannyx jazyukov. – Miinsk: TietraSiistiems, 2003.
5. Gruziinskaja II.A. Mietodiika priepodavaniija angliijskogo jazyuka. – М., 1938.
6. Gurieviich V.V. Tieorietichieskaja grammatiika angliijskogo jazyuka. Sravniitielinaja tiipologiiija angliijskogo ii russkogo jazyukov. Uchiebnoje posobiije. – Moskva: Fliinta, Nauka, 2003.
7. Dragunkiin A.N. Optiimiizirovannyj uniiviersalinyj uchiebniik angliijskogo jazyuka. – London: Anglo-European Publishers; SPb: Iizdatieliskii dom «ANDRA», 2004.
8. Zhiinkiin N.II. Miexaniizmy riechii. – М., 1958.
9. Kuliish V.G. Sposobyu zapomii-naniija angliijskiix slov. – М.: AST; Doniethk: Stalkier, 2006.

10. Кулиш В.Г. 2000 английских слов. Способы запоминания. – М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007.
11. Литвинов П.П. Моя первая 1000 английских слов. Техника Запоминания. – М., Айрис-пресс, 2007.
12. Литвинов П.П. 3000 английских слов. Техника запоминания: Тематический словарь-минимум / Под ред. Е.Л.Заниной. 3-е изд. – М., Айрис – Пресс, 2004.
13. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 1969.
14. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М., 1969
15. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. – М., 1940.
16. Середа Г.К. Непроизвольное запоминание в обучении // Вестник Харьковского ун-та. – 1968. – Вып. I. – №30.
17. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. – М., 1966.
18. Fries Ch.C. The Structure of English. Longmans, London, 1957.
19. Garry R. The Psychology of Learning. Washington, 1963.
20. Hornby A. The Teaching of Structural Words and Sentence Patterns. London, 1959.
21. Rogova G.V. Methods of Teaching English. (на английском языке). Ленинград, «Просвещение», 1975.
22. West M Teaching English in Difficult Circumstances. London, 1960.
10. Kuliish V.G. 2000 anglijskiix slov. Sposoby zapomiinaniija. – M., AST; Doniethk: Stalkier, 2007.
11. Liitviinov P.P. Moja piervaja 1000 anglijskiix slov. Tiexniika Zapomiinaniija. – M., Ajriis-priess, 2007.
12. Liitviinov P.P. 3000 anglijskiix slov. Tiexniika zapomiinaniija: Tiematiichieskij slovari-miiniimum/ Pod ried. JE.L.Zaniinoj. 3-je iizd. – M., Ajriis – Priess, 2004.
13. Lieontijev A.A. Psiixoliingviisti ichieskijje jediiniithy ii porozhdieniije riechievogo vyyskazyvaniija. – M., 1969.
14. Lieontijev A.A. Jazyk, riechi, riechievaja diejatielinosti. – M., 1969
15. Rubiinshtiejn S.L. Osnovy priixologii. – M., 1940.
16. Sierieda G.K. Nieproiizvolinoje zapomiinaniije v obuchienii-hii.- «Viestniik Harikovskogo un-ta», 1968, №30, vyyp. I.
17. Smiirnov A.A. Problemy psiixologii pamiatii. – M., 1966.
18. Fries Ch.C. The Structure of English. Longmans. – London, 1957.
19. Garry R. The Psychology of Learning. – Washington, 1963.
20. Hornby A. The Teaching of Structural Words and Sentence Patterns. – London, 1959.
21. Rogova G.V. Methods of Teaching English. (na anglijskom jazykie). – Lieniingrad, «Prosvieshheniije», 1975.
22. West M Teaching English in Difficult Circumstances. – London, 1960.

SUMMARIES

Alekberova I.E. Functional peculiarities of language in the theory of speech acts

It's known all over the world that language is represented to us as a social phenomenon developing rapidly enough in our society. It has its own internal structure. So, the main point which we are interested in is the functional peculiarities of language, because these are the most important means of rational communication. We decided to examine all types of language functions as changes which take place in internal structure could be determined by their functions and development in our society.

Keywords: theory of speech acts, language system, functional peculiarities, inner language structure.

Atman O.V. Rhetorical characteristics of US presidential discourse

The article touches upon the problem of the American presidential discourse. Its two genres – Inaugural Address and Farewell Address – and their specific rhetorical and argumentative characteristics are described. The author demonstrates the integrity of the three persuasive appeals – Logos, Pathos and Ethos, - which in the aggregate form the basis of the argumentation process, “decorated” with specific linguistic and lingo-stylistic features.

Keywords: Presidential discourse, rhetorical genre, rhetorical categories, pathos, logos, ethos.

Bondarenko E.V. Method of narrative analyses within the study of intercultural communication

The article presented is devoted to the practical application of a widely used nowadays method of *narrative analysis* within the study of intercultural family communication. The author of the article explains why this method was chosen to conduct the research which equally correlates with social science, linguistics, psychology and anthropology. The author as well describes the procedure of analysis, defines the types of narratives used in the research and gives examples, some theoretical hypothesis are based on.

Keywords: Narrative analysis, cross-cultural marriages, types of text, narrative.

Bulycheva S.F. Translation of a political text in the light of inter-cultural communication

The author considers the question about language and text as creative work of the translator, gives her point of view to studies of cognitive processes, illustrates in examples the ways for achievement of inter-cultural communication which the translator uses in his work.

Keywords: Political text, cross-cultural communication, cognitive process.

Dekatova K.I. Methodic basis for formation of cognitive-semiological modeling of sense structuring of secondary marks in secondary nomination (based on nominative marks of secondary nomination in contemporary Russian language)

The article is devoted to the problems of sense structuring of secondary marks. The aim of this article is to describe the methodic of cognitive-semiological modeling of sense organization during secondary nomination.

Keywords: Non-direct nomination, cognitive-semiological modeling.

Deulina E. N. The categories of national communicative consciousness and their role in effective inter-cultural interaction

This article is devoted to the national communicative consciousness and lingua-cultural aspects of forming communicative speech behaviour. At present the categories of national communicative consciousness have not yet been thoroughly analyzed. At the same time their research and description is theoretically and practically important, especially for the successful inter-cultural communication. There is a range of educational means and training aids, which help to form foreign communicative competence, for instance authentic texts, folk works, proverbs and sayings.

Keywords: Cross-cultural interaction, national consciousness, speech behavior, cross-cultural communication.

Fedyuchenko L.G. Complexity of text as a translation category of text

This article provides an overview of readability issues, strategies for determining the level of difficulty of a text for translation purposes. Logically, the easier are the words and concepts and the shorter are the sentences, the easier is something for reading and translating. Unfortunately, such approach doesn't always work.

Keywords: Professional communication, translation.

Gvozdeva A.V. To the question of linguistic cultural type

The article discusses the question of what is a linguistic cultural type and connection of LC type with such notions as language personality, ethnic stereotype, ideal personality and modal personality.

Keywords: Linguistic cultural type, language personality, ethnical stereotype.

Grigoryeva O.V. Metaphorical modeling of “other” in US counter-cultural rock-lyrics

The article touches upon the dominant metaphors which represent “others” in the counter-cultural rock-lyrics of the USA. Metaphorical expressions are being described; their semantic and pragmatic components are being analyzed.

Keywords: US rock lyrics, metaphorical modeling, category “others”.

Kuznetsova Y.E. Common ideas about interaction of language and politics

The main target of every language is to save information, to give possibility of communication between different generations, people of different countries and social groups. Language and politics are studied by different social sciences as they are both social phenomena and have much in common. Political language possesses special tools which help politicians to influence people in their daily life and during great political events.

Keywords: Language of politics, social linguistics, ethnic linguistic, psychological linguistic.

Kushneruk S.P. Document units (to the problem of creolization of special communication)

Science, technique and business communications have documentation framed forms, as a rule. The unifying of the texts' units is one of the hottest problems both in the theory and practice of document communication; the unifying may be carried out if the list of the units, used in the texts is known. Some methods of the text units' topologic researches are proposed; the focus is narrowed on non-verbal elements of texts. Units of this class are examined both from the typological varieties and the specificity of the document communication.

Keywords: business communications, document communication.

Maletina O.A., Volkova E.R., Knyazeva E.A. Media image of contemporary Russia in American printed mass media

This article is devoted to the media image of Russia in American newspapers, because the problem of describing different political events in foreign mass media is very actual, as in different countries one event can be interpreted in a different way.

Keywords: Printed mass media, media image, image formation, political image.

Marfuntseva O.N. Precedent phrases, .. and phraseological units in the speech of Chelyabinsk students

The article is written resulted in a work carried out by research cross-cultural communications laboratory of Chelyabinsk State University in the network of project "Linguo-cultural competence" pending for 2007-2008. It covers analysis of humanities department student's learning curve within sphere of proverbs, precedent-related utterances, idioms. In conclusion it is noted componentries of mass culture and content of education schemes (at schools and universities) influence student's learning curve.

Keywords: precedent-related phenomena; precedent-related texts; precedent-related nominations; precedent-related names; precedent-related utterances; speech culture; idiom.

Migranova L.S. Conceptual metaphor “love-passion” in the novel “Anna Karenina” by Leo Tolstoy

When studying the world pattern fixed in a language, especially in the part expressed by a metaphor (or any other expressive means), of great importance is any kind of metaphor or its cultural peculiarity. It is explained by the fact that a study of the linguistic world pattern is closely connected the study of metaphor as one of its productive means. From the point of view of linguistic cultural studies an analysis of metaphor is a leading scientific trend making it possible to disclose the basic features of cultural meaning formation in the national linguistic world pattern.

Keywords: Conceptual metaphor, world picture, linguistic culturology, national-language world picture.

Mogilevskaya O.A. Communicative strategy “one of us circle”, “alien circle”: comparative aspect (based on materials of US and Russian mass media)

Communicative strategies with marked ideological tone are represented by the strategy of “one of us circle” and strategy of “stranger, alien circle”. The first one includes the tactics of “creating image of hero” and “solidarization”, the latter is formed by the tactics of “distancing” and “creating image of enemy”.

Keywords: communicative strategy.

Musina L.R. Knowledge of precedent names as a mark of level of linguistic cul-tural literacy of school leavers

The project “Linguistic cultural literacy” was developed in the laboratory of crocc-cultural communication in CSU from 2006 till 2008 and was directed to research the linguistic cultural literacy of school leavers. The article analyzes the distinguishing of precedent names by school leavers.

Keywords: linguistic culturology, linguistic cultural literacy, unlimited associative experiment, precedent names.

Savelyava U.A. Archetypical unity «betrayal - faithfulness» in author's metaphors (based on the Russian and the English languages)

In the article the author provides the results of an investigation of archetypical unity «betrayal - faithfulness» based on the analysis of author's metaphors in Russian and English lingvocultures. The research leads to a conclusion that the concept in study is associated with colour perception, black symbolizing treason, with physical pain, special removal. English authors are apt to associate betrayal with breach of the borders.

Keywords: Author's metaphors, archetype.

Sakaeva L.R. The reflection of anthropocentrism on the adjective phraseological units of the Russian, English, Tatar and Tajik languages

Phraseology constitutes the important field of linguistics, embracing a wide range of questions, connecting with semantics, composition, and structure of stable combinations, words, the peculiarities of its functioning and appropriateness of its formation.

Keywords: Anthropocentrism, phraseological units.

Sviridova I.V. Search of new ways for teaching of a foreign language vocabulary in non-linguistic high school

Difficulties in teaching English, especially in expanding of English vocabulary make it necessary to create new text-books for students taught in non-linguistic high-school institutions. The author is working on creating of such textbook in the form of reading-book. Its main goal is to improve students' knowledge of English words. The lack of proper vocabulary is one of the main obstacles for good communication in different spheres of life.

Keywords: Non-language high school, foreign language education.

Sidorenko A.V. Presupposition and implicit senses of a phrase

The author of this article researches different types of presupposition. Presupposition may be explicit, if it is the conventional component of meaning of the sentence or of the word.

Keywords: Implicit senses, presupposition, explicitness, convention.

Sirivlya M.A. Pragmalinguistic aspect of the semantics of the text

In the article «Pragmalinguistic aspect of the semantics of the text» the questions of the alteration of the meaning of the language units subject to directivities of the utterance are considered. The most significant question is the change of the semantics of the word in the context. Realization of all semantic conditions for implementation of all separate words, the forms and sense of the phrase as a whole is necessary for making pragmatically directed text.

Keywords: Pragmatic linguistics, text semantics, semantic conditions.

Skuratovskaya Y.L. Linguistic cultural literacy as the basis of communicative competence

Recently the interest of scholars to the problems of intercultural communication and linguistic culturology has increased; there appear many works devoted to the study of linguistic cultural aspects of communication, speech consciousness of different nationalities.

Keywords: Linguistic cultural literacy, communicative competence, linguistic culturology.

Shesterkina N.V. Notion “oven” as a representation of concept “fire”: based on Russian riddles

The article presents a classification of Russian folk riddles with the answer "oven" on the principle of culture codes. The image of the most numerous group of riddles is based on artifact metaphor.

Keywords: Nomination, concept, riddle genre.

Shuleyko Y. About the project of a dictionary of multicultural literacy of settlers in Kostanay

The work touches upon the following directions: theoretical analyses of national notions in Kostanay; comparison of word-realities of different speech cultures and also their structuring as a factor of intercultural communication; sociological surveys to reveal the speech culture and level of multicultural literacy of settlers in Kostanay.

Keywords: multicultural literacy, intercultural communication.

Sheglova I.V. Understanding of the type “Russian official”

Cultural concepts are topical research objects for linguists. Concept which contains an individual presents itself a linguo-cultural type. When describing types we apply the methods of types' investigation. The present article deals with the understanding of the basic name of the type “Russian official”. The definitions presented in the article enable to state that there are two nominations in the Russian linguistic mentality - “official” and “public officer”.

Keywords: Cultural concepts, linguistic culturology, language consciousness.

Zhunich I.I. To the question of usage of multicultural aspect in foreign language learning in a tourism university

This article is about up-to-date global processes affecting the interests of indigenous peoples, problems of preserving their intangible cultural heritage and languages. Also the article is about developing ethnological awareness in the minds of tourism specialists.

Keywords: Multiculturalism, foreign language education, tourism business.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алекберова Инесса Эльдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка и зарубежного страноведения Российской международной академии туризма.
141420, Химки, мкн Сходня, ул. Октябрьская, 10.
in-molodec@mail.ru

Атьман Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
olga-atman@yandex.ru

Бондаренко Екатерина Владимировна - магистр филологического образования, ассистент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
indiakatia@yandex.ru

Булычева Светлана Феодосьевна - кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Калужского филиала Московского государственного экономического института.
127299, Москва, ул. Космонавта Волкова, 20.
sfbulycheva@rambler.ru

Григорьева Ольга Владимировна - аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета, преподаватель кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной педагогической академии.
622031, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.
olgagrigoryeva@mail.ru

Гвоздева Анна Вячеславовна – соискатель степени кандидата филологических наук кафедры теории языка Челябинского государственного университета.
454000, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129.
gvozdeva_anna@mail.ru

Декатова Кристина Ивановна – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.
400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
dekatovaki@mail.ru

Деулина Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей Ульяновского государственного университета.
432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42.
deulina-elena@mail.ru

Жунич Ирина Ивановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и зарубежного страноведения Российской международной академии туризма.
141420, Химки, мкн Сходня, ул. Октябрьская, 10.
slavenic@mail.ru

Кузнецова Юлия Евгеньевна – учитель английского языка средней школы №18 Вахитовского района г. Казани.
galadriel2004@list.ru

Кушнерук Сергей Петрович – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
sp_kushneruk@mail.ru

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
okmaletina@yandex.ru

Мигранова Лилия Шатлыковна – ассистент кафедры теории и истории языка Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, аспирант Башкирского государственного университета
450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
warior_81@mail.ru

Могилевская Ольга Александровна – ст. преподаватель центра иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.
400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
om84@rocketmail.com

Савельева Ульяна Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и современных технологий обучения Астраханского государственного университета.
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
ulyana_saveljeva@mail.ru

Сакаева Лилия Радиковна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Казанского государственного университета.
420008, Казань, ул. Кремлевская 18.
liliasakaeva@rambler.ru

Свиридова Ирина Владимировна – кандидат географических наук, доцент кафедры иностранных языков Московской финансово-юридической академии.
115191, Москва, Серпуховский вал, д. 17/1.

Сидоренко Алексей Владимирович – аспирант кафедры русского языка Стерлитамакской государственной педагогической академии.
450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
korabliki-x@mail.ru

Сиривля Мадина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

sima-all@yandex.ru

Федюченко Лариса Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения Тюменского государственного университета.

г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10.

lfedyuchenko@mail.ru

Шестеркина Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета

430005, Респ. Мордовия, Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

nvshest@mail.ru

Шулейко Яна Андрияновна – студентка 3 курса филологического факультета Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

shulya_yo@inbox.ru

Щеглова Инна Владимировна – ассистент подготовительного факультета для иностранных граждан Астраханского государственного технического университета, ассистент кафедры русского языка и культуры речи Волгоградского государственного педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.

isheglova@yahoo.com

ГОУВПО «Челябинский государственный университет»
Филологический факультет
Лаборатория межкультурных коммуникаций
Кафедра теории языка
При информационной и технической поддержке научного журнала
«Lingua Mobilis»
14-16 октября 2009 года
проводят
Международную Интернет-конференцию
«Корпоративная культура и межкультурная коммуникация»

В связи с этим предлагаются следующие темы для обсуждения:

1. Лингвистические аспекты корпоративной культуры.
2. Психологические аспекты взаимоотношений внутри организации.
3. Корпоративные и межкультурные коммуникации.
4. Взаимодействие культур в корпоративной среде.
5. Корпоративная культура в историческом аспекте.

Технические требования для оформления материалов: формат А4, шрифт — 14 пт., Times New Roman Cyr, интервал полуторный, поля: левое, правое, верхнее и нижнее — 2 см., абзацный отступ — 1,27 см, сноски даются после статьи в форме примечаний, нумерация сквозная, в формате Word 97–2000 с расширением *.doc или расширением *.rtf.

Все материалы, принимавшие участие в конференции, будут опубликованы отдельным сборником и разосланы авторам бесплатно. Оплату за публикацию (100 руб. за страницу) необходимо прислать на адрес оргкомитета до 30 сентября 2009 года. Неоплаченные статьи будут размещены на сайте, но не войдут в сборник.

Желающих принять участие в конференции просим не позднее 30 сентября 2009 года (deadline!) представить заявку (см. приложение 1) в оргкомитет конференции, обязательно приложив к заявке материалы (объем до 8 страниц) и оплатив публикацию в сборнике. Материалы будут рассматриваться оргкомитетом вместе с Вашей заявкой!

Материалы, заявленные к участию в конференции, будут размещены на страничке конференции www.csu.ru Каждый желающий может написать свой отзыв или комментарий к статье.

Контактный адрес оргкомитета:

454084 Челябинск, пр. Победы, 162-в, ЧелГУ, лаборатория межкультурных коммуникаций, к.107, Селюгину Александру Анатольевичу. e-mail: intconf@csu.ru

Приложение 1. ЗАЯВКА УЧАСТНИКА

1. Фамилия, имя, отчество (полностью); 2. Тема доклада; 3. Направление работы конференции; 4. Ученая степень; 5. Ученое звание; 6. Место работы и должность; 7. Контактный адрес, телефон; 8. E-mail

